ЛУИ-ФЕРДИНАНД СЕЛИН

РИГОДОН

18+

Ригодон
Луи-Фердинанд Селин

Аннотация
Луи-Фердинанд Селин. Ригодон

Аннотация

Луи-Фердинанд Селин (1894–1961) – классик литературы XX века, писатель с трагической судьбой, имеющий репутацию человеконенавистника, анархиста, циника и крайнего индивидуалиста. Автор скандально знаменитых романов «Путешествие на край ночи» (1932), «Смерть в кредит» (1936) и других, а также не менее скандальных расистских и антисемитских памфлетов. Обвиненный в сотрудничестве с немецкими оккупационными властями в годы Второй Мировой войны, Селин вынужден был бежать в Германию, а потом – в Данию, где проводит несколько послевоенных лет: сначала в тюрьме, а потом в ссылке…

«Ригодон» (1969) – последняя часть послевоенной трилогии («Из замка в замок» (1957), «Север» (1969)) и одновременно последний роман писателя, увидевший свет только после его смерти. В этом романе в экспрессивной форме, в соответствии с названием, в ритме бурлескного народного танца ригодон, Селин описывает свои скитания по разрушенной

объятой пламенем Германии накануне крушения Третьего Рейха. От Ростока до Ульма и Гамбурга, и дальше в Данию, в поездах, забитых солдатами, пленными и беженцами… «Ригодон» – одна из самых трагических книг мировой литературы, ставшая своеобразным духовным завещанием Селина.

Луи-Фердинанд Селин
Ригодон

Посвящается животным

Louis-Ferdinand Celine
Rigodon

* * *

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard

© Editions GALLIMARD, Paris, 1960
© Маруся Климова, перевод
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Я прекрасно вижу, что Пуле на меня обижен… Робер Пуле[1], приговоренный к смерти… он больше не упоминает меня в своих статьях… а

[1] Примечания: 1

Робер Пуле — литературный критик и писатель. После Освобождения был осужден за коллаборационизм. В 50-е годы вел литературную рубрику в правой газете «Ривароль», где был верным защитником Селина, неизменно подчеркивая значимость и важность его романов. В 1958 году опубликовал «Семейные беседы с Л.-Ф. Селином», где перемешаны высказывания Селина, воспоминания и комментарии. После смерти Селина ему была поручена публикация второй части «Guignol's band», которую он озаглавил «Лондонский мост», чтобы избежать путаницы с первой частью. В предисловии, озаглавленном «Мой друг Бардамю», которое он написал в 1970 году для переиздания «Семейных бесед», Робер Пуле оспаривает якобы предпринятую им попытку обращения Селина в веру, о которой Селин пишет ниже.

раньше я был великим… несравненным… теперь же случайное слово, да и то как-то вскользь. Я знаю, откуда это пошло, мы ведь поругались… он вконец достал меня своими разговорами!.. вы уверены, что ваши убеждения никогда не приведут вас к Богу!

— Бля, да точно нет!.. совершенно уверен! я разделяю взгляды Нинон де Ланкло[2]! добрый Боженька — изобретение попов! я абсолютно антирелигиозен!.. это моя единственная вера!

— Что за авторитет эта ваша Нинон!.. и это все, Селин? гм! гм!

— Нет! нет, Пуле! это еще не все!

— Ах!.. я жду! мне очень интересно!

— Все религии «Иисусика» — будь то католические, протестантские или иудейские — один хрен! мне они все по фигу! распластался ли он на кресте, или его глотают в виде облаток — без разницы! тот же обман! бредни! жульничество!

— Ну и?

— Но и это еще не все! Попытайтесь следить за мной, мой дорогой болван.

— Валяйте! Валяйте!

— Существует только одна религия: католиче-

---

[2] Примечания: 2

Нинон де Ланкло (1616–1705) — французская писательница, близкая по духу к просветителям. (Здесь и далее прим. пер.)

ская она, протестантская или иудейская… все это филиалы лавочки «Иисусика»… как, они же грызутся, даже порой начинают мочить друг друга?.. пустяки!.. кровавые корриды — это так, для зевак! единственная подлинная великая работа, которую они выполняют в глубочайшем согласии… оболванивание и разрушение белой расы.

— Как это, Селин? о чем это вы?

— Смешать, сочетать браком, черт побери! со всеми таинствами! Аминь!

— Что-то я плохо вас понимаю, Селин…

— Да поймите вы, чертов смертник! кровь всех цветных рас является «доминирующей»… желтых, красных, фиолетовых… а кровь белых является «доминируемой»… всегда! дети от ваших замечательных смешанных браков будут желтыми, черными, красными, но только не белыми… белыми они уже не станут никогда!.. фокус-покус! вот вам ваши благословения!

— Но христианская цивилизация!

— Выдумки, Пуле! миф! мошенничество! обман!

— И все же! великое изобретение.

— Скрещивание пород! разрушение идет уже двадцать веков, Пуле! и ничего другого! для этого и выдумано! изобретено! любое изобретение

несет в самом себе с самого своего рождения и свой собственный конец, свою смерть!

— Так что же, церковь убивает, Селин?

— Именно! и вас вместе с собой! она только этим и занимается, эта ваша Церковь! в задницу ее!

— Вы слишком любите парадоксы! Селин! китайцы никогда не были расистами!.. и негры тоже!

— Бросьте вы эту туфту! стоит им заявиться сюда всего на какой-нибудь годик, как они тут всех опустят! шутка ли! белые исчезнут навсегда! как будто этой расы никогда и не существовало… «слабый оттенок на лице», и все! остаться должны только черные и желтые! а белого человека скрещивает сама его религия! религии! иудейская, католическая, протестантская… белый человек обречен! он уже не существует! так можно ли во что-нибудь верить?

— Не смешите меня, Селин…

Больше я Пуле никогда не видел… время от времени я читал его статьи… какие-то слабые намеки… и все… я слегка перегнул палку…

* * *

Дрррринг!.. звонит мсье журналист…

— Мэтр!.. Мэээтр! не будете ли вы так добры прочитать письмо, которое мы вам адресовали?

— Мсье!.. мсье! письма!.. все письма я уже с незапамятных времен отправляю в корзину!.. не читая!.. иначе, что бы со мной было!

— Мэтр, о дражайший мэтр! ваше мнение! всего два слова!

— Но, черт побери, у меня его нет!

— О, есть, мэээтр!

— О чем, черт бы вас побрал?

— О нашей молодой литературе!

— Об этом затхлом старье? ни хрена себе дела, да ее уже давно не существует! какое-то невнятное бормотание!

— Напишите это нам!.. очень… очень почи… та… та! емый! Мэтр!

— Не так быстро! вы могли бы все позаимствовать и у Брюнетьера[3]! он уже все сказал!

— О, из ваших уст! из ваших! дражайший мэээтр!

---

[3] Примечания: 3

Фердинанд Брюнетьер (1849–1906) — директор журнала «Ревю де Де Монд», литературный критик, поборник традиций.

— И вы больше не будете меня доставать? больше никогда не придете?

— Клянусь! клянусь! мээтр!

— Он сказал, что всю литературу сожрут!

— И кто же, мэтр?

— Шарлатаны!

— Напишите нам об этом, мэтр! мэтр!

— Нет уж, дудки! я снова начну писать, только когда у меня опять вырастут зубы!

— А если мы все же к вам придем? мы очень дорожим вашим мнением…

— Не моим! Брюнетьера! мальчики! Брюнетьера!

— Ну окажите нам эту честь! мэтр! для нашей газеты! будьте так добры!

— Какой еще газеты?

Как сделать так, чтобы они от меня отстали?

— «Надежда»!

— Никаких надежд больше нет, бедняжки!

— О, какая жалость, напишите нам про это! мэтр! мэтр, молодежь вас не знает!

— Ну, хорошо, ублюдки! пусть заходят, если уж так приспичило, только гуськом, на полусогнутых, и трепеща от почтения! и пусть попридержат свой поганый язык…

— Молодежь от вас отвернулась! мэээтр! вы

недооцениваете Францию, ее замечательные ресурсы, Алжир, Академию, ее членов!

— К черту, я сказал! все! все это! такой страны больше нет, остались одни Распорядители!.. процессий и похорон… сотни языков, куда более мощных, чем наш, уже исчезли! вы хотели бы говорить на хеттском? или на арамейском?

— Ну, тогда тем более, дорогой мэтр, мы к вам придем! ваших слуг мы выгоним, ваших собак убьем, и выпустим вам кишки! вместе с вашими прогнившими отъехавшими мозгами! алло! алло! вы нас слышите? вы все поняли?

— Ну, е-мое! я обалдеваю! жестокое интервью! что ж, я готов! в клетку к диким зверям! римский коллоквиум! я отведу душу!

— О да! о, мэтр!

— Приходите! Приходите быстрее, дорогие ребятки! я задушу вас в объятиях! я вас оттрахаю!..

— Мгам! Мгам!

* * *

Здоровенный толстяк и тщедушный заморыш… вот и они!.. я запираю собак в загоне… чтобы эти двое не пошли потом всюду трепать, будто я натравил на них своих хищников… оба эти молодых человека, толстый и тощий, все покрыты

угревой сыпью, не слишком опрятные и холеные, с плохим запахом изо рта… вид упертый, можно даже сказать, угрюмый, из убежденных… неразговорчивые… да мне, собственно, все равно… я их сюда не звал, но они здесь… ну и что дальше?

— Вы из «Надежды»?

— Именно, Селин! нас и наших друзей уже давно интересовало и продолжает интересовать, действительно ли вы такой гнусный тип, как все говорят… мы пришли вас об этом спросить.

— И кто ваши друзья?

— А, ну прежде всего это гигант мысли Кусто!

— Дерьмецо еще то, особенно во всем, что касается меня!.. и где же этот мудак теперь?

— В «Же сюи парту».

— Так, сотрудник Леска и «Propagandastaffel»[4].

— Он написал, что немцы регулярно платили

---

[4] Примечания: 4

Поль-Антуан Кусто (1906–1958) — правый журналист, редактор «Же сюи парту», редактором которой он стал в 1943 году, после отъезда Робера Бразильяка. Директором там тогда был Шарль Леска. Этот еженедельник был близок к немецкой газете «Propagandastaffel». Весной 1945 года был арестован, приговорен к смерти в ноябре 1946, помилован в В то время, когда Селин писал свои романы, Кусто был членом редакции «Ривароля». В июне-июле 1957 года он начал яростно нападать в этой газете на Селина, которого обвинял в ренегатстве и продажности. Именно это объясняет тот факт, что в трилогии Кусто часто ассоциируется с Сартром, который, хотя и был в противоположном политическом лагере, тоже обвинял Селина в получении денег. Кусто умер от рака 17 декабря 1958 года.

вам жалованье, он это так прямо без обиняков, черным по белому и написал в нашем «Ривароле»! а один «Ривароль» стоит десяти «Юманите»! запомните это! запомнили?.. что вы на это скажете, Селин?

— Не надо так напрягаться, мальчики! если бы я отвечал на все подобные бредни и ерунду в газетенках и в журналах, весь остаток моей жизни ушел бы на это!.. а мне еще нужно закончить свою хронику и оплатить огромные долги!.. жалкие завистники и неудавшиеся депутаты, вроде Кусто, только и могут, что морочить головы таким молокососам, как вы…

Забавно все же, доложу я вам… подобных упертых кретинов можно встретить и среди правых, и среди левых, и среди центристов… во все времена… один к одному!.. энергичные и злобные ублюдки… подонки, заговорщики из Гизов[5],

[5] Примечания: 5

Гизы — знатная семья из Лотарингии. Франсуа (1519–1563) и Анри (1550–1588) возглавляли католическую партию во Франции во время религиозных войн.

сторонники Шамбора[6], Смелого[7]!.. самого Дьявола! Этьена Марселя[8] или Жуановиси[9]... из года в год!.. и в будущем тоже! на фоне сисек и ляжек кинозвезд!

— Селин, мы спрашивали вас по телефону и спрашиваем еще раз: до чего вы способны дойти в своем эгоизме, подлости и трусости?

— О, я способен на многое, дорогие друзья!

— Да, но осторожнее, Селин, у вас остался последний шанс! мы пришли вас предупредить! присоединяйтесь к нам! иначе свершится правосудие! хватит! хватит уже метаний!

— Черт! а я-то думал, что дело уже в шляпе!

— О, пока еще нет!.. наше правосудие! должно все тщательно взвесить!

— Ну и что?

---

[6] Примечания: 6

Имеется в виду Анри де Бурбон герцог де Бордо граф де Шамбор (1820–1883) — сын герцога де Берри, претендент на трон в 1871 году.

[7] Примечания: 7

Имеется в виду Карл Смелый (1433–1477) — герцог Бургундский с 1467 года, могущественный и амбициозный принц, он был постоянным и часто счастливым соперником Людовика XI, завоевал герцогство Лотарингию, однако потерпел поражение от швейцарцев и был убит под Нанси.

[8] Примечания: 8

Этьен Марсель (1315–1358) — предводитель парижских торговцев, возглавивший бунт столицы против Дофина (будущего Карла V). Был захвачен и убит.

[9] Примечания: 9

Селин часто упоминает в своей трилогии это имя. Жуановиси, «господин Жозеф», во время войны сделал себе состояние на спекуляции металлом. Он вел двойную игру, обслуживая одновременно оккупационные власти и Сопротивление. В 1949 г. был приговорен к пяти годам тюрьмы. С 1951 года жил в Манде (Лозере), где сколотил себе новое состояние. Через несколько месяцев после публикации первого романа трилогии «Из замка в замок», в 1957 году, он снова привлек к себе всеобщее внимание тем, что убежал в Израиль, откуда был выслан в январе 1959 года.

— Так вы еще не читали?.. конечно, вы же ничего не читаете!.. только, наверное, какие-нибудь пакости!

— Пощадите! пощадите! я хочу знать!

— Программа новой волны! в нашей «Надежде»... это послание верховного Ясновидящего! слушайте, несчастный, думайте и запоминайте! «в полном соответствии с ходом Истории, Франция и Германия скоро станут братскими странами» [10].

— Ну, в таком случае, выметайтесь отсюда ко всем чертям! этого я слушать не стану! ублюдки! и чтобы я вас тут больше не видел! вот наглецы! я спускаю собак!

Я иду! те и так уже были готовы их растерзать... и вот я один!.. эти два жутика исчезли! как ветром сдуло...

* * *

Несмотря на то что я действовал стремительно, и мне потребовалось всего несколько минут, чтобы выставить этих шутников за дверь, на сле-

---

[10] Примечания: 10

Франко-немецкое сближение было провозглашено генералом де Голлем в начале его первого президентского срока, и в частности, на его пресс-конференции в марте 1959 г.

дующий день об этом происшествии трезвонили во всех редакциях и кафе. Подумать только, этот опустившийся гнусный тип поднимает голову, ага!.. и на что он замахивается!.. поносит нашего властителя дум последними словами! Ко всему прочему, он утверждает, что его ограбили!.. бросили в тюрьму и т. д... и т. п... а он, якобы, был искалечен на войне на 75 процентов из 100... и военной медалью награжден задолго до Петэна.

Черт! меня это все-таки слегка задевает!.. я все перерываю, перетряхиваю, и нахожу... я противопоставлю им текст!.. это лучше, чем стихи!.. быстренько, пресс-конференция, я ее созываю... и зачитываю!.. текст Баржавеля[11]...

«Для меня во всем двадцатом веке до сегодняшнего дня существует лишь один новатор — это Фердинанд. Скажу больше, единственный писатель. Я надеюсь, что это тебя не обидит. Настолько он выше нас всех. То, что его мучат и преследуют, нормально. Но это все же ужасно, потому что он живой человек, однако он настолько велик,

---

[11] Примечания: 11

Рене Баржавель — писатель, друг Селина. Альбер Парас (1899–1957) — аргентинский писатель, друг Селина с 1934 года. Активно защищал Селина в послевоенные годы, в частности в своей книге «Торжество скотов» (1948), где опубликовал многие, адресованные ему письма Селина. Парас был болен туберкулезом и жил на юге Франции. Приводимая ниже цитата взята из письма Рене Баржавеля Альберу Парасу.

что ты невольно рассматриваешь его как бы вне времени и обстоятельств, которые давят на него. Я убежден, что, чем более велик человек, тем больше он подставляет себя своим мучителям. Спокойствие — удел посредственностей, тех, кто не выделяется в толпе… Селин хотел бы вернуться в Париж или во Францию, и ты делаешь все, что можешь, чтобы ему помочь, но запомни: где бы он ни был, его будут преследовать. Его желание обрести покой в любом другом месте, а не там, где он находится — это лишь мечта. Он не найдет покоя нигде. Его будут травить до самой смерти, куда бы он ни отправился. И он это хорошо знает. Он ничего не может с этим поделать, мы тоже. Мы можем только при каждом удобном случае напоминать всем о его величии, однако, поступая так, мы навлекаем на него удесятеренную ненависть мелких и посредственных кастратов, всех тех, кого начинает корежить от злобы и зависти, как только их заставляют поднять голову и посмотреть на вершины. Имя им Легион».

Я ожидал хотя бы небольшого эффекта… куда там!.. напротив!

— Этот его Баржавель, о ля, ля! такая же гнусь, как и он сам!.. и его тоже в яму!

* * *

Опять дрррринг!.. телефон… пожалуй, это уж слишком! Мольера так довели до смерти… Поклэн[12]!.. Поклэн! его маленькая интермедия! Пожалуйста!.. это балет!.. Людовик XIV устраивает большой ужин! сегодня вечером!.. две тысячи приборов! вечером! Вот так Мольера и угробили… нужно было им ответить: да пошел он подальше!.. запихните его ему знаете куда, вашего Поклэна!.. тише, он ведь умер на сцене, выплевывая остатки легких, от малокровия и неудовлетворенности… я знаю, что меня ждет, я не Мольер, меня уморит голодом Бен Ахилл[13]…

Нет, я протестую, так дело не пойдет… дрринг!.. еще один звонок! Это «Фигаро»! как обычно! и очень кстати… обожаю некрологи… это мой конек! и как это богатым удается так долго и счастливо жить!.. невероятно!.. в собственных замках, призванные Богом! 80… 90… 100 лет! а сколько благословений… их венчают… Большой Крест! и Гроб Господень!.. а какие помпезные

---

[12] Примечания: 12
Настоящее имя Мольера — Жан-Батист Поклэн.

[13] Примечания: 13
Имеется в виду Гастон Галлимар.

похороны… помазанники, помазанницы, Епископ, Префект, Воротилы и сам Дьявол в своем тильбюри[14]…

Так что с «Фигаро» я отдыхаю!..

Я ведь зря не подписываюсь… каждый день — пять колонок назидательных смертей… и обратите внимание, за несколько лет… ни одного грязного коллаборациониста, похороненного, как они… с почестями, благословениями… глухо!.. таких жмуриков зарывают в вонючей земле без святой воды и хора детишек… чудовища… Поклэн едва избежал подобной участи… а я… у меня уже все повычеркивали… соскребли с наших плит на Пер-Лашез, папу, маму, меня…

В общем, «Фигаро» — это мое скубиду[15]!.. и не только некрологи! еще одна маленькая радость!.. вести из бывших колоний… недавние избиратели набрасываются, обезглавливают и зажаривают задержавшихся там белых… о, да у них и в мыслях нет ничего расистского и антигуманного! в сыром виде с солью!.. в Тимбукту нет свастик! коричневая чума навсегда поселилась в Германии!.. Адольф умер? давайте веселиться!

---

[14] Примечания: 14
Легкий двухколесный экипаж.

[15] Примечания: 15
Скубиду — модное словечко конца 50-х из песенки Саши Дистеля.

со времен Бисмарка все канцлеры, выдающиеся, посредственные, молодые, старые, архи-старые, тронуты умом… такова уж особенность этой забавной страны! последний у них там совсем гнилой, решил отправиться в крестовый поход[16]! Европа охвачена гойскими погромами! десять миллионов убийств на каждом тротуаре!.. каждую ночь! антирасистских!.. я не доживу, так, может, вы увидите? Германия, она все еще видит сон безумца…

Дрррррррринг! опять кто-то звонит!.. я что, чокнулся?.. глюки пошли!.. нет! нет! телефон!.. опять! но мне нечего сказать!.. да!..

— Алло! алло! нет, мсье, нам всем кранты! мы уже в космосе!

— В космосе?

— Да, все!.. дайте мне, прошу вас, закончить мою маленькую историю!

— А какое название, мсье? о, название?

— Для какой газеты?

— «Источник» про-коммуни-плуто-христианский!

— Браво!.. браво!

---

[16] Примечания: 16

Возможно, Селин намекает здесь на репарацию, предложенную Израилю канцлером Аденауэром, в частности, на его заявление, сделанное в марте 1960 года в Нью-Йорке израильскому президенту Бен Гуриону.

— А название?
— «Жмурки»[17]!
— Для кино?
— Естественно!
— А со звездами как?
— Хоть жопой ешь!
— Развейте, развейте свою мысль, мэээтр!
— Как это можно? кинозвезды, звезды, небо! Дельфы производили богов, Рим поставлял одних святых, а мы, мсье, в наши чудесные времена выдаем по сто кинозвезд в неделю!.. каково?.. с большими сиськами, маленькими, средними… ладно, я подумаю!.. дринг! я вешаю трубку, все! еще звонок… я больше не отвечаю.

* * *

Вот и Рождество!.. я говорю себе: ну наконец-то от меня отстанут! только об этом и мечтают старые хрычи, если они еще не окончательно разваливаются… чтобы их оставили в покое… Да здравствует Рождество… не особенно веселое, вам больше некому делать подарки, и к вам не приходят с визитами… свобода! Да здравствует

[17] Примечания: 17
«Жмурки» — именно так Селин хотел сначала назвать свой роман «Ригодон».

Рождество!.. вы сами тоже уже не получаете подарков! Да здравствует Рождество еще раз! не надо говорить спасибо! Да здравствует Рождество!

Е-мое! Звонят!.. один раз, два, и это не телефон… у решетки! в глубине сада, три раза… конечно, можно притвориться глухим, я же не слуга… гав! гав!.. все собаки начинают! это их любимое занятие… у меня их четыре, маленькая и три больших… они любят пошуметь!.. а этот придурок все звонит! может, нищий? черт! этого только не хватало! я уже достаточно всего наотдавал, меня достаточно обобрали, унесли все, спустили на Блошином рынке, и с молотка! я отдал херову кучу всего!.. за свою жизнь! э, неплохо бы, чтобы мне кое-что вернули!.. некоторым-то ограбленным компенсируют, и немало! а мне — шиш!.. я из тех, что всегда должны!.. гав! упрямец у решетки позвонил уже по меньшей мере раз десять, он развлекает псов… дело плохо, Рождество!.. кроме того, я забыл вам сказать, дождь льет, как из ведра!.. он промокнет, этот хам… о, это его не смущает!.. он названивает, а ведь есть еще и соседи! а вдруг они тоже начнут лаять!.. их можно понять! сколько можно меня терпеть… десять лет!.. двадцать!.. черт! это серьезно! лучше мне

туда сходить!.. спуститься к решетке и прогнать наглеца! быстро и решительно!.. я ничего не вижу… ан нет! кое-что… какой-то силуэт в темноте… сквозь пелену…

«А ну, отваливайте отсюда! хулиган! немедленно! хулиган! скотина!» лаю я! вместе с псами! гав!.. и рычу!.. р-рр! готов укусить!.. и нас четверых, можно точно сказать, слышно! р-рр! до самого Отей!.. хорошенькое Рождество! эхо над Сеной, представляете! чудная встреча Нового Года! но этот урод и не собирается уходить! вцепился в звонок и даже пытается со мной заговорить…

— Мсье Селин, я хочу вас видеть!

— Мсье, нельзя же ночью!.. ступайте! и больше не возвращайтесь! а то я спущу на вас собак!

Однако ублюдок упирается!

— Я писал вам двадцать раз! говорил о вас в ста статьях! дорогой писатель! но ни разу вы мне не ответили! и как я вас только не называл, Селин! сволочью!.. продажным!.. порнографом!.. двойным агентом! тройным! ни разу вы мне не ответили!

— Я никогда ничего не читаю, туманный призрак! у меня нет ни малейшего желания, гав! р-рр!

— И все-таки, я до вас докричусь! мой вопль не

заглушит лай ваших собак! я прошу у вас прощения! очень прошу! вы меня простите? пощадите меня! пощадите! в Рождество!

Он опускается на колени… и хлоп, прямо в кашу… гав! гав! этого-то я и опасался: скандал! ночь-то она ночь, а все ведь слышно!

— Я преподобный отец Таллуар из Ордена Святейшей Империи! я прошу у вас прощения! я специально для этого пришел… я страшно вас оскорбил! ну ради Рождества, Селин!

Он бьет себя в грудь, я слышу соседей… они уже вовсю возмущаются и орут! я не обращаю внимания.

— На арену, поп!.. ко львам, святоша, гав! р-рр!

Но он упорствует! да! сопротивляется… поднимается с колен… и набрасывается на меня!

— Самого тебя — на арену! самого! чертов извращенец!.. твое место там!

Он уходит по тропинке… хорошо бы он там споткнулся и раскроил себе череп! из-за этого попа, да еще под таким сволочным дождем… я наверняка подцепил себе какую-нибудь заразу! я уверен! не такой уж я и неженка, но результат мне известен… я никогда не выхожу по ночам, я знаю, чем рискую… пусть еще кто-нибудь заговорит со мной о Рождестве, он или кто другой! в

сутане или без!.. тоже мне, предводитель волхвов! скатертью дорога!.. мы ведь с ним, можно сказать, так друг друга и не увидели…

* * *

Я ложусь, Лили поднимается к себе на второй этаж… я привожу вам все эти нескромные детали, чтобы вы немного поняли мое положение… я на это надеюсь! я имею в виду этого навязчивого кюре!.. которого я выставил… конечно, он заслужил в сто раз худшее! в тысячу раз! будь он раввин, анабаптист, протестантский пастор, православный, я бы выпроводил его точно так же… все сторонники Иисусика для меня на одно лицо!.. их пустяковые размолвки и склоки меня не обманут, все они родом из Библии и сходятся в одном… что мы, белые — лишь материал для скрещивания, нас превращают в черных, желтых, потом в рабов, потом в солдафонов, а потом в груду трупов… да вы это и сами знаете… Библия ведь самая читаемая книга в мире… более скотская, расистская и садистская, чем двадцать веков арен, смесь

Византии и Петьо[18]!.. там столько расизма, трусости, геноцида, избиений побежденных, что наши самые жуткие кукольные представления в сравнении с ней выглядят бледной тенью, жалкими байками для начальной школы… в сравнении с Библией, что Расин, что Софокл кажутся полной туфтой… так, подслащенной водичкой, не более… вдумайтесь, стал бы я еще высовываться, если бы меня не обложили долгами… да я бы сидел себе спокойно, возраст, пенсия и твердые намерения! я бы хотел совершать небольшие прогулочки на костылях и в темных очках… чтобы никто меня не замечал… *немало мы повидали*[19]… черт! все ведь сказано!.. особенно моему сутенеру Бен Ахиллу, который публикует в день по двадцать романов… не считая его *Карманного Ревю*… и бюллетеня *Ваша Указка… ежемесячника страшилок для детишек и маразматиков*… пожалуй, я уведомлю его об отказе! таково мое намерение!..

Я ложусь и жду… недолго! меня начинает трясти вместе с койкой!.. приступ дрожи!.. второй!..

---

[18] Примечания: 18

Имеется в виду знаменитый серийный убийца доктор Петьо, который во время войны заманивал людей к себе, обещая помочь им переправиться в Южную Америку. В своем кабинете на улице Сюер в Париже он их убивал, а останки сжигал в топке своей котельной.

[19] Примечания: 19

Одна из начальных фраз романа Селина «Север».

еще в полном сознании я успеваю сказать себе: готово!.. этот поганый грязный ублюдочный поп добился того, что я заболел!.. я предчувствовал это, когда его слушал!.. и не хотел идти туда!.. я предчувствовал, что у меня начнется приступ бреда!.. когда бредишь, время летит незаметно… но бред — дело деликатное, особенно в присутствии посторонних… вы можете пожалеть о своих словах… а поскольку речь идет о малярии, которая у меня вот уже сорок лет, с Камеруна, вы понимаете, что я не был удивлен… и этот случай под дождем с вымокшим до костей на северном ветру попиком, бредни которого я слушал, имел логическое продолжение!.. но это было еще не все!.. нет!.. нет!.. что-то виднеется в углу… у двери… я уверен, там кто-то сидит… я не буду зажигать свет… шевелиться… может, это просто из-за жара! тот ведь тоже твердил про Рождество… может, просто какая-то горячечная идея… или же очередной наглец?.. все возможно!.. ведь звонил же этот поганый поп… может быть, он и вернулся?.. ни в чем нельзя быть уверенным… во всяком случае, там в углу кто-то был… но я туда не пойду… я дрожу и истекаю потом… кто там?.. что там?.. мне-то что!.. рассудок работает, заметьте… я всматриваюсь… так! уже лучше!

там кто-то сидит, он зеленоватый… светится, как светлячок… я правильно сделал, что решил подождать… такие видения длятся недолго… теперь я почти его рассмотрел… это какой-то военный… он что, пришел со мной поговорить? так пусть говорит!.. я жду… а этот зеленоватый… не говорит и не шевелится… сидит себе…

— Ну, так что?.. что?

Спрашиваю я… я весь дрожу… о! он меня пугает!.. черт возьми, да это он!.. я его узнаю… узнаю! этот зеленоватый… весь переливающийся… кажется, это он…

— Водремер!

Зову я его… но он ничего не отвечает… зачем он здесь? тоже из-за Рождества?.. как и поп?.. он что, пролез через решетку?.. сквозь решетку?.. а собаки не лаяли… странные шутки!.. этого Водремера я знал, когда он был врачом с четырьмя нашивками… где это было?.. надеюсь, вы понимаете, что в состоянии, как у меня, в жару, в поту, на трясущейся койке, можно и запамятовать… моя забывчивость простительна… да и он мне совсем не помогает… я повышаю голос… я стараюсь, заметьте…

— Водремер!.. полупрозрачный!.. я настаиваю!.. чего вы от меня хотите?.. вы это?.. да?.. или нет?..

что это за привидение?..

Он не двигается… я не вижу его лица… и тем не менее! это он… мы с ним вместе проводили консультации[20]… он был главным врачом… в каждом бараке его осыпали бранью… все было проникнуто ненавистью… все беженцы жаловались, что им холодно, нечего есть, что их мучит жажда… весь персонал SNCASO поселили в бараках Адриана! рабочие, преподаватели, инженеры и санитары… это было ужасно!.. они считали, что во всем виноваты врачи, враги народа, реакционеры… будто мы все это подготовили, сволочи, пятая колонна, обжиравшиеся в то время, когда бедные люди умирали от голода и эпидемий… даже своими так называемыми лекарствами мы, естественно, пытались их отравить… свидетель-

---

[20] Примечания: 20

В начале войны Селин поступил врачом на военный корабль «Шелла». В первые же дни 1940 года этот корабль столкнулся ночью в Гибралтаре с английским патрульным судном. Демобилизовавшись, Селин начал практиковать в диспансере в Сартрувиле. Когда немецкие войска заняли Париж, Селин был именно в Сартрувиле. Как раз там Лили (его жена Люсетт Детуш) едва не попала под обстрел немецкого патруля. Этот случай Селин описывает в романе «Север». Селин и Люсетт выехали из Парижа на машине скорой помощи Сартрувиля. Они добрались до Ля Рошели, где Селин работал в больнице. Он отказался от предложения уехать в Лондон с машиной скорой помощи, за которую отвечал. Несколько недель он провел в лагере для беженцев около Сен-Жан-д'Анжели. Об этом своем пребывании там и о восьмидневном младенце, доставленном целым и невредимым в Сартрувиль, Селин и пишет ниже.

ством тому было то, что попасть в сортир стало невозможно (трое детей даже утонули), отхожие места были настолько переполнены, что, из-за колик и мочеиспусканий, все это напоминало коричневое наводнение, и виной всему были наши так называемые лекарства… общая диарея затопила все… а чтобы никто не мог бежать, боши в Сен-Жан д'Анжели специально избрали такую тактику, так расставили все свои танки, заняли такие позиции, чтобы утопить нас в дерьме, чтобы мы все сдохли, не могли больше двигаться, захлебнулись собственными экскрементами…

Удалось ли кому-нибудь спастись? хотел бы я знать! но мы избежали общей участи, Лили, я и Бебер, благодаря нашей «скорой помощи»… нашей? не совсем! «скорая помощь» была из Сартрувиля, куда я ее и доставил… пробег, о котором никогда не говорят в анналах Истории… «Сена — Ля Рошель»!.. и с каким трудом!.. не только себя и Лили, но еще и бабульку с двумя младенцами! я мог бы бросить их на главной площади в Ля Рошели… вы скажете: выдумки! отнюдь!.. свидетельство тому — малышка, самая маленькая, я еще помню ее имя: Стефани!.. теперь она, должно быть, уже вышла замуж и мать семейства… а тогда ей был месяц, не больше… генерал, который

там командовал, французский генерал, настаивал, чтобы мы отправились в Лондон, вместе с нашей колымагой, бабулькой и малышками, естественно, искушение был велико!.. моя судьба могла бы сложиться совсем иначе, каким героем я был бы сейчас! сколько было бы стел и улиц моего имени!

— Мой генерал! нет! я отказываюсь! мне очень жаль, но при всем моем к вам уважении, мой генерал! приказ есть приказ! эти младенцы и их бабушка-алкоголичка должны быть доставлены в Сартрувиль! вместе с колымагой!.. мне приказано все вернуть в Сартрувиль!

— Превосходно! действуйте, доктор!

В общем, в этот зловонный лагерь Адриан я не вернулся… прощай, Сен-Жан-д'Анжели!.. так я и не узнал, погибли ли они там все под танками… или в потоках поноса…

Больше я никогда не видел Водремера… однако, конечно же, это был он… сидел себе, помалкивал… и весь светился!.. позвать, что ли, его наконец?.. нет!.. не могу… кстати, чуть не забыл!.. я сказал, что с радостью отправился бы в Лондон… вы, наверное, подумали, что он утверждает это под давлением обстоятельств, чтобы примазаться к сопротивленцам… ну уж нет! нет! я стал англофи-

лом, и это всем известно[21], уже давно… гораздо раньше, чем те, что туда уехали! я вспомнил про этого генерала и его предложение… думая об этом призраке Водремера, сидящем там и светящемся… во всяком случае, чем-то вроде призрака… но я чувствую, что начинаю отходить… о, не то, чтобы совсем!.. но это что-то вроде Водремера угасает… угасает потому, что завыли собаки… у-у-у!.. и вправду, собаки… это не сон!.. я весь в поту, покрыт испариной, и еще сильно дрожу, но это уже конец… у меня приступы вот уже тридцать лет, и я знаю, как они заканчиваются… точно так же, как и наступают… на сей раз из-за этого поганого попа, что держал меня у решетки… не нужно было его слушать… гав!.. гав!.. а это еще кто?.. Лили и собаки… она зажигает свет… все лампы… она не боится…

— Ты с кем-то говорил?

— Это был Водремер…

Она не спорит… думает, что я еще в бреду…

— Послушай, ты что, ходила к решетке?

Спрашиваю я…

— К тебе кто-то пришел… какой-то полковник…

---

[21] Примечания: 21

Видимо, Селин намекает на свое пребывание в Англии, описанное им в романах «Смерть в кредит», «Guignol's band», «Лондонский мост».

— Что еще за полковник?

— Камбремус!

— И что он хочет мне сказать?

— Ты в состоянии его принять?

Я очень устал…

— Пусть зайдет! только ненадолго! и проваливает! меня еще трясет!

Он входит, и это именно он, Камбремус, а не какая-нибудь бледная спирохета… краснолицый, полнокровный, я-то знаю, какое у него давление… но ему плевать!.. он слишком увлечен кухней и национальным возрождением, чтобы терять время на такие пустяки, как диета и капли… для него вкусная еда и Франция важнее всего в мире! он не может простить унижение величайшей из наций…

Камбремус, ожидая пока его впустят, слышал все, что я говорил… тем лучше!.. можно не церемониться!

— Селин, мы основали новое движение национального возрождения! мы рассчитываем на вас!

— И напрасно!.. я не собираюсь ничего возрождать!.. Европа погибла под Сталинградом… теперь она во власти Дьявола! пусть он ей и занимается!.. этой зачумленной распутницей!

— Селин, вы пораженец! и всегда им были!.. но вы способны внести свой вклад!

— Ну, уж нет, к чертям собачьим, нет! китайцы в Бресте и как можно быстрее!.. это мое самое страстное желание! части желтой армии в морской Префектуре! вот решение всех проблем!.. в пять секунд! эти люди, которые никогда не ели досыта, набьют себе брюхо блинчиками!.. все ваши усилия напрасны, Камбремус!

— Какой вы забавный, Селин!.. сам того не замечая!

Я отдаю приказ…

— Тото, посвисти!.. для полковника! пусть он поучится!..

Мой попугай Тото свистит… он такой послушный, исполнительный и знает только одну эту мелодию!.. «В степях центральной Азии» Бородина…

— Полковник, вот оно, будущее… слушайте То-то и учитесь!.. Лили, отведи-ка их туда! я хочу сказать, в другую комнату, а то мне еще нужно обдумать свою «Хронику»… у меня серьезная работа!.. до прихода китайцев! месяцев так пять-шесть у меня еще есть… может, год… а они пусть репетируют свою «Центральную Азию»!.. вдвоем! они мне мешают… Камбремус и Тото…

— И все же! о нашей программе!.. всего два слова!..

Опять он за свое!.. он меня отвлекает!

— Нет, полковник! нет! я же сказал!.. в этих похоронах я не участвую! этим занимается великий Распорядитель! у него всюду глаза и уши! так что слушайте Тото! молчите… и учитесь!

И я снова принимаюсь за свою работу…

* * *

Эта бабья болтовня о судьбах человечества никого не интересует… тем, что победнее, вообще на все плевать!.. Вельзевул, китайцы, русские!.. может, еще алжирцы?.. почему бы и нет?.. вот богатым — тем нужно лишь одно… чтобы ничего не менялось!.. а коммунисты?.. е-мое! да скоро все сольются с ними в экстазе! вот увидите!.. супер плутократы, прошедшие через века естественного отбора… однажды они все облачатся в вечерние наряды и соберутся на большую вечеринку… как-нибудь, попомните мое слово, руководители крупных банков совместно с мастерами живописи, звездами эстрады и хлопковыми и цинковыми магнатами проведут мастер-класс в Москве…

В этом-то все и дело!.. побеждает сильней-

ший! жалкие борцы!.. красные пояса 1900-го… на исторической сцене всегда одни марионетки! карманьола, джаз, бутафорские баррикады… и я устарел, я отдаю себе в этом отчет, ясное дело, ведь я смотрю на вещи реально! скоро сюда явятся афроазиаты, повяжут Ахилла и загонят по дешевке его НРФ[22], вот так! быстро же я состарился!.. но не будем отвлекаться!.. на чем мы там остановились?

* * *

Наше повествование прервалось в Цорнхофе… я не хочу вас больше сбивать с толку… а тут опять какой-то интервьюер!.. да!.. он явился от Марселя… а также моего коллеги Жендрона… ради пары слов!.. всего пары слов!.. он даже не представился!.. нет!.. ну тогда я сам ему представлюсь!.. я ору со своей кровати, прежде чем он успел открыть рот…

— Незнакомец, знайте, кто я такой! наша эпоха располагает к гигантомании!.. я самый великий писатель в мире! вы с этим согласны?

Он вопит в ответ:

— Превосходно, мэтр! более великих, чем вы,

---

[22] Примечания: 22
N.R.F. — Nouvelle Revue Française.

нет!

Существую только я один! остальные шарлатаны и недоумки… гротескные писаки, гнойные тараканы!

— О, вы абсолютно правы, мэтр! всех в костер!.. а пепел развеять по ветру!

Превосходно!.. превосходно!.. но кто же этот скромник?.. пусть покажется!

— О нет! нет! мэтр! ваши произведения!.. у вас же так мало времени!

Какой догадливый тип!.. я и сам предпочитаю его не видеть…

— Приходите попозже! месяца через два!.. или восемь дней!

— Конечно… конечно!..

* * *

Да, но все-таки… как все это устарело!..

— Мы слишком стары!.. наши истории уже ничего не значат!

— Нет!.. нет, Марсель!.. некоторые люди еще ими интересуются!

— Какие люди?

— О, фольклористы!

— Ты думаешь?

— Десять писем в день!

— И ты их читаешь?

— Нет!.. но телефон!

— И как часто?

— Два раза в неделю… ты понимаешь, Марсель, а ты ведь не особенно врубаешься, особенно с тех пор, как заболел, ведь все происходит, как во время наводнений!.. так что следи за мной!.. попытайся! я два раза повторять не стану… когда я был маленьким, совсем маленьким, мы часто ездили в Аблон, зимой и летом… и там, уверяю тебя, я кое-чему научился… всем тонкостям плавания по реке, вдоль берегов и песчаных отмелей… я научился обращаться с кормовым веслом и никого не бояться… научился подниматься вверх по течению, проскальзывать в гавань против сильнейшего течения, с точностью до миллиметра! тютелька в тютельку, просто артистически! можешь мне поверить! ведь стоит хоть на волос отклониться в ту или другую сторону, как поток унесет твой ялик, малыш, и крикнуть не успеешь! все кончено!.. а во время паводка мне вообще не было равных! я лавировал между караванами судов, буксирами, баржами с их усатыми владельцами, которые рулили просто насмерть, а ведь тогда я еще не умел ни читать, ни считать… вдумайся, Марсель, в это и сумей

оценить это феноменальное искусство плавания против течения! которым тот, кто говорит с тобой сейчас и уже почти не способен шевелиться, у кого больше нет ни сил, ни желания, овладел еще совсем маленьким, ибо тогда я был известен как чемпион бьефа при подъеме против течения!.. все это тебе кажется скучным и безвкусным!.. и наводнение тоже мало что тебе говорит, ведь ты еще не успел родиться!.. а какой был потоп, Сена вся вспененная, плотины сорваны, берега и липовые деревья — под водой, обширные долины с виллами и домами — тоже… национальная катастрофа!.. и еще много лет спустя все это, включая Кур де Ром, было покрыто толстым слоем грязи… Марсель, ты себе даже не представляешь…

— Ну, раз ты это говоришь… я верю!

— Верь, и я могу тебе это доказать! если не веришь! ведь теперь у нас во всех сферах — одни жалкие торчащие из-под воды обломки!.. можно сказать, что с 1910 года все только и идет к тому, что скоро мы снова увидим жуткий потоп!.. а все эти обломки, между тем, еле шевелятся…

— Я перестаю тебя понимать, Фердинанд! давай заканчивай! мне пора обедать, уже полдень, и меня ждут…

— Не хами!.. пойми, что потоки, которые сносят

все на своем пути, перекрывают навигацию, ломают мосты, смывают города, разносят в щепки буксиры и караваны судов, тем не менее, оставляют нетронутой небольшую кайму берегов!.. так и со столкновением мнений! если ты выступаешь против и находишься в центре, тебя разнесут…

Он не дает мне закончить…

— Ты это уже говорил! уже пять минут первого, меня ждут!

— Это не все!.. слушай и учись, чертов хам! против течения нужно грести вдоль этой каймы, именно там и укрывается по-настоящему искусный перевозчик, чтобы удержать свой челнок! очень осторожно, ты слышишь! о такой тонкой работе ты и представления не имеешь, грубый примитив! соскучившийся по закускам!

— Я тебя понимаю!.. и покидаю!

— Секундочку! еще кое-что! а рукописи Черного моря?.. ты слышал о них?

— Говори быстрей!.. что это еще такое?

— Целая цивилизация исчезла!

— Ну и что?

— Наша тоже исчезнет!

— Ну ты всегда любил пошутить!

— Да, и это мне достаточно дорого стоило! теперь я стал поосмотрительней! я научился

предвидеть все, что будет в следующем году, черт побери, и более того, я предвижу все вплоть до 3000-го года!

— А!

— Все, что произойдет! я мог бы даже составить программы! на 3000-й год… все, что будет преподаваться в лицеях и школах, какая история и география!

— Значит, ты занялся *предсказаниями*!

— Как Нострадамус!.. ты сам это сказал! но он делал это в аллегорической, расплывчатой, туманной форме, а у меня, ты сам в этом убедишься, все четко, ясно, честно и без шарад…

— Тогда говори быстрее!

Он смотрит на часы… и это меня ужасно злит!

— Ты боишься остаться без редиса?.. без анчоусов? без фирменного паштета шеф-повара? ну и чудовище же ты!

— Нет! но ты задерживаешь меня из-за пустяков!..

— Ах, пустяков!.. я тебя развлекаю, а ты меня оскорбляешь!

— Ну, валяй!

— «Белые люди изобрели атомную бомбу и вскоре после этого они исчезли.» Хочешь, я скажу тебе, как?

Он пожимает плечами… и опускает глаза, жмурясь, как крокодил…

— Это надолго?

— Нет! вот видишь, меньше двух страниц!.. да послушай ты, жалкий тупица!.. несколько тезисов: они исчезли из-за войн, алкоголизма, автомобилей и из-за того, что слишком много ели… некоторые авторы склоняются к мнению, что они погибли из-за фанатичных пристрастий в политике, спорте, семейной и светской жизни, а так же всех своих религий, католической, иудейской, лютеранской, франк-масонской… из-за них прежде всего, будь то Рим или улица Каде[23]! кредо-то одно: скрещивание видов! абсолютно одинаковое кредо! ну что, доходит до тебя, болван?

— В общем-то… не особенно!..

— Да это же конец! кровь белых не способна устоять перед скрещиванием!.. они становятся черными и желтыми!.. и это конец! белый — это материал для скрещивания, он обречен на исчезновение! его кровь подавляется! Азенкур, Вердэн, Сталинград, линия Мажино, Алжир — всего лишь жалкие мясорубки!.. для белого мяса! Ну, а теперь можешь идти обедать!

---

[23] Примечания: 23

Видимо, Селин намекает на то, что на улице Каде в Париже живет много выходцев с Ближнего Востока.

— Ну что, обозвал меня по-всякому и доволен?

— Но ты же тоже хотел, чтобы меня повесили!

— Нет, никогда!

— О, а чтобы меня расстреляли! и еще как!.. проваливай, Тартюф!

Хи!.. хи!.. он криво усмехается! в общем, мы с ним поссорились… наша ссора продолжалась пятнадцать дней… потом он явился, и мы возобновили с ним свои беседы, в определенном возрасте ссоры теряют всякий смысл… ведь если хорошенько вдуматься, то между палачами и жертвами нет особой разницы… один хрен! тсс! тсс! все доведено до автоматизма… просчитано до минуты… так что пусть приходит, отброс!.. скрещенный он… или нет!..

* * *

Я мог бы вас еще немного развлечь, или хотя бы постараться, своими «нострадамусами», желтой армией в Бресте, черной армией на вокзале Монпарнас, капитуляцией Сен-Дени, но так как мне будет уже за семьдесят, когда мое произведение выйдет в свет, то эти факты будут тогда обсасываться всеми обычными газетенками, их уже зафиксируют тысячи ваших журналов… «наши истории больше никого не интересуют»,

Марсель ведь меня предупредил… так что будем поскромнее!.. кстати, еще и теперь в Нью-Йорке, где-нибудь в окрестностях Бэттери Плейс, на маленьких улочках примерно в пятистах метрах от Таймс Сквера можно встретить незамужних пожилых барышень, что живут в крошечных квартирках и тщательно отделывают свою мебель, вышивают кресла, обвешиваются коврами, обшивают тесьмой, всячески разукрашивают скамеечки для молитвы, и создают такие забавные кашпо, что за них дали бы приз и на улице Прованс… эти барышни отапливают свои квартиры дровами, которые покупают у торговцев по соседству… в общем, они живут совсем как я здесь, в Медоне, совершенно нечувствительные к новым веяниям и безнадежно отставшие от моды… но это не мешает им жить в свое удовольствие! вокруг полно таких же пожилых девушек… с увлечением занимающихся вышивкой и всегда готовых вам что-нибудь заштопать и связать… Марлен, Морис[24], Чаплин, да хоть сам Леший, все они, ясное дело, тоже ветераны курсов кройки и шитья! новый президент? старый? один хрен! стратосфера, жвачка и Пятая Авеню! но всюду

---

[24] Примечания: 24
Имеются в виду Марлен Дитрих и Морис Шевалье.

торчат вершины небоскребов, и вероятно, даже точно, там тоже живет множество людей… а эти барышни заняты своим кропотливым трудом, им не до них… вдумайтесь! чтобы вышить одну подушечку, нужен год… вот и я стараюсь не болтаться без дела, как ошалевший безмозглый турист! я кропаю свои маленькие рукописи… а сколько мне платит Ахилл?

да почти ничего! какие-то крохи! неважно! тонкая вышивка, хитроумные узоры, стиль, меня интересует только это!.. ценителей, вот, правда маловато, скажете вы, зато какие злобные ненавистники! тем лучше! они, черт бы их побрал, обо мне никогда не забудут! а завистники? эти вообще сумасшедшие!.. только и твердят, что обо мне и о моих страшных откровениях, о том, что французов скоро совсем не останется… если бы меня перевели на языки Мали, то этот маленький клочок земли в Азии стерли бы с лица земли! кстати, тамошние жители тоже когда-то были белыми… блондинами, брюнетами, а теперь там одни жуткие негры!.. гримасы Истории!.. но может, меня оценят, когда мои рукописи будут нуждаться в расшифровке, среди прочих, написанных на мертвых языках… наступит наконец-то и мой час!

А пока я, вероятно, заставляю вас скучать, так как я бросил вас в Цорнхофе, в момент, когда Харрас и Reichsbevoll Goring[25] хотели нас покинуть… я бросил вас вместе со своими комиксами!.. ну-ка живо, живо, к своим делам… я к вам возвращаюсь!.. сюда, медам, месье!.. еще две тысячи страниц, по меньшей мере! Ахилл-то наверняка ждет, чтобы я окачурился! тогда все перейдет к нему! gratis pro Deo[26]! естественно, он ведь этим живет! ах, черт бы его побрал! нет уж, пусть становится в очередь и следует за гидом! сейчас вы кое-что увидите… это волшебный фонарь, говорю вам, волшебный! он представляет эпоху и все остальное! как если бы вы сами везде побывали!

* * *

Бергсон как-то написал! наполните деревянную коробку больших размеров очень мелкими металлическими опилками, ударьте по ним кулаком изо всех сил… что вы наблюдаете? вы сделали воронку… в форме вашего кулака!.. это явление можно объяснить двояким образом, в

---

[25] Примечания: 25
Полномочный представитель Рейха Геринг (*нем.*)

[26] Примечания: 26
Здесь: Бесплатно с Божьей помощью (*лат.*)

зависимости от двух разных взглядов на мир… если смотреть на мир глазами изумленного муравья, то невольно задашься вопросом, каким же чудесным образом другое насекомое, такой же муравей, как и он сам, смогло удержать столько железных опилок, штучка к штучке, в таком равновесии, в форме воронки… с другой же точки зрения, более просвещенной, как у нас с вами, нет ничего удивительного в том, что от удара кулака осталась воронка[27]… как хроникер, я стою перед выбором, уподобиться ли мне муравью и тем самым вас сильно позабавить… ползая туда-сюда среди металлических опилок… простое же объяснение удара кулаком позабавит вас куда меньше… так же, как и китайцы в Бресте… церкви тоже все на одно лицо… орудия всеобщего разрушения… иудейская, католическая, лютеранская, tutti frutti! «Лига Скрещиваний»! жить мне осталось не так уж много, так что особо я вас доставать не стану… не буду слишком настаивать, чтобы вы протрезвились… Византия прекрасно продержалась десять веков, надирая мир… всем известны лишь их заговоры, колесницы в два-три

[27] Примечания: 27

Селин ссылается здесь на сочинение Бергсона «Творческая эволюция», где тот действительно приводит этот пример с металлическими опилками и погруженным в них кулаком.

ряда и хитрожопость, а потом пришли турки… под занавес… с нами произойдет то же самое? очень может быть! это в лучшем случае… как хроникер Грандиозного Театра Марионеток я могу вам со всеми впечатляющими подробностями продемонстрировать, как полыхают мощные бастионы… судороги и агонии… многим такое и не снилось!

— Б-эээ! Византия! тысяча лет! да пошли вы со своей Византией! в Византии не было средств, которыми, слава Богу, располагаем мы!.. прогресс, мсье! атомный! тысячелетний! ваша тысяча лет — одна минута!.. четверть оборота циклотрона! наука, мсье! вот вам и вся Византия!.. отсталый заторможенный примат! одна минута, мсье, не больше! весь ваш Упадок!

— Отсталый!.. отморозок!

Это еще один умник так на меня наехал… не будем говорить, кто… отвечать ему тоже не стану… хотя я его и знаю…

* * *

— Валяйте, Селин!.. ваши читатели уже устали от ваших злобных выпадов… и от вас тоже! нельзя все время твердить о китайцах в Бресте… это надоедает! а эти ваши скрещивающие анти-

белые церкви, гм! гм! это уж совсем грубо и не смешно!.. публике нужно другое!.. разве вы этого не знаете?.. «трепанации черепа», красочные вивисекции, роды с тремя щипцами и производящие гениев заводы, спрятанные в Кордильерах, на высоте в 4000 метров…

— Черт! но я же «белокожий», мсье! и для меня это очень важно!

— «Краснокожие» уже исчезли!

— Они слишком злоупотребляли алкоголем, а я пью лишь воду… и потом, у краснокожих имеются «резервации» и свои привилегии… их завоеватели их всегда поддерживали… а завоеватели «белокожих», вроде меня, только и думают, как бы еще посильнее нас опустить! они стремятся нас обобрать до нитки и стереть с лица земли… уже теперь мы представляем интерес разве что для «специалистов по аутолизу», рыщущих по сточным канавам, Фрежюс[28] выглядит детской шуткой, в сравнении с тем, что на нас обрушится, какие потоки серной кислоты! герой вестерна Буффало Билл действовал по правилам!.. конечно, он был расистом, но справедливым… сиу

---

[28] Примечания: 28

Селин намекает на катастрофу 2 декабря 1959 года, когда в результате прорыва плотины было затоплено несколько кварталов в городке Фрежюс.

тоже был дан шанс!.. галоп! птаф!.. а вот нам в сточной канаве — никаких!.. о нас не будет даже представлений в Шатле[29]… нас просто с позором вычеркнут, и все… оставят корчиться в навозной куче…

Я никак не могу начать повествование!.. а я ведь обещал, значит, нужно!.. возраст? но завтра я окончательно превращусь в развалину, так что хватит топтаться на месте!

* * *

Ну вот и мы!.. хвала читателю!.. его терпению!.. мы снова там же, где я вас оставил… Харрас только что уехал… необходимо действовать быстро и решительно!.. подписанное разрешение с печатью Reichsbevoll у нас есть, и это главное… все планы, как и прежде, связаны с Данией… переправиться на тот берег, в Нордпорт… необходимо придерживаться какого-то одного маршрута, нам сказали, что это возможно… а там видно будет!.. главное, не медлить… наше разрешение утратит силу через два… три дня…

---

[29] Примечания: 29

Намек на представления Цирка Буффало Билла, на одном из которых в детстве присутствовал Селин, правда, не в районе Шатле, а на ипподроме на площади Клиши.

— Что скажешь, Ля Вига?

Он предпочитает, чтобы все решал я сам… ну тогда так, Ля Вига останется здесь… с Бебером… а мы съездим в Варнемюнде, посмотрим… он нас будет ждать, но не больше двух, трех дней… вдруг железная дорога и вправду еще работает?.. может быть, можно будет уехать?.. или же лучше нелегально? это меня не особо прельщает, Ля Вигу тоже… мы достаточно находились на нелегальном положении… в любом случае, мы хотя бы узнаем, как там, в Дании… может, получше, чем на этом берегу?.. все может быть!..

— Ты охраняй вещи и котяру… и не ходи гулять слишком далеко!

Главное, без фокусов!

— Можешь на меня положиться!.. хотя замок я знаю неплохо!

— Сходишь на ферму напротив!

— О, нет, только не это!.. туда-то я уж точно не пойду!

Его не переубедишь… ладно, мы его оставляем…

— До свиданья, Ля Вига!.. до скорого, Бебер!

Дорогу на Моосбург мы знаем… «разрешение» у нас есть… а между тем… нас никто не проверяет… должно быть, опасаются высовываться… я

ковыляю… но довольно быстро… я наловчился пользоваться своими двумя костылями, времени ведь у нас немного… и сразу же на вокзал! приходим… у входа полно людей… и внутри тоже: штатские, военные, крестьяне, рабочие, в общем, как в метро… смешение всех языков… поезда не было уже шесть дней… Берлин-Росток… остается ждать… но нам, я думаю, не привыкать… тут постоим… посидим напротив на улице, на железной скамье… а там, глядишь, и поезд подойдет!.. если, конечно, он вообще придет… а это еще что такое!.. вместо поезда мы видим нечто совсем другое!.. Ля Вигу!.. да, это он! недолго же он задержался в Цорнхофе!.. решил присоединиться к нам, не выдержал… он приближается с сумкой на колесиках.

— Прискакал все-таки! ну-ка, покажи! что это ты там тащишь?

— Вещи!

Я смотрю… куча рубашек, грязных… и пустые мешки для свеклы…

— И стоило это брать?.. а Бебер?..

Он посадил его в свою сумочку через плечо… Бебер говорит «мяу»!.. мы его гладим…

— А хавка у тебя есть?

Он демонстрирует мне свою куртку… там полно

butterbrot'ов…

— Ты что, их стащил?

— Да!.. у Кретцеров, их же там нет!

— А сумка на колесиках?

— Тоже у них!.. у них всего полно!

Да он не промах, как я посмотрю…

— Послушай, е-мое, они себе ни в чем не отказывали!.. чего у них только нет!.. представляешь, четыре велосипеда!.. вдумайся!.. а в шкафах!.. вот это жизнь! ладно!.. пускай!

Судя по всему, он уже пробудился ото сна… смотрит на все реально… и вполне доволен…

— Ты останешься на вокзале?

— А ты бы предпочел, чтобы меня там убили?

— Думаешь?

— Да почти уверен!

— И ты будешь нас тут ждать?

— По крайней мере, я тут буду не один, а в компании!.. с народом! тут полно народу!.. и меня никто не заметит!.. вокзалы тем и хороши!.. все кого-то ждут, а я буду ждать вас!.. я и Бебер!

— Ну как хочешь!.. мы недолго!..

— А если задержитесь, то мы уже никогда не увидимся! о, зато в Цорнхоф мы не вернемся!.. будьте уверены!.. никогда!

Ладно, все понятно… но он хочет еще что-то

сказать…

— Со мной ведь Бебер! к счастью! ради меня вы бы никогда не вернулись! но послушай!.. послушай!..

Он что-то слышит… и правда! чухх! чухх! поезд… паровоз… еще далеко, но уже полно дыма… чухх!.. должно быть, это тот самый, Берлин-Росток… о нем объявили уже восемь дней назад… а как же билеты? никто ничего не знает… ни касс, ни билетов больше нет, все садятся просто так… говорят, что заплатят позже… но как туда сесть? это пригородный поезд, теперь его уже можно разглядеть… деревянный… пять… шесть вагонов… и как бы это поточнее выразиться, весь взъерошенный, что ли, из-за того, что изо всех окон что-то торчит… напоминает взъерошенную гусеницу… все, что торчит, тоже теперь хорошо видно… сотни рук и ног… головы!.. и винтовки!.. я видел переполненные до отказа электрички метро, такие набитые, что вы туда бы и палец не впихнули, но тут, этот поезд настолько был забит и вздыблен из-за ног, рук и голов, что на него невозможно было смотреть без смеха… из-за всего, что торчало у него из окон… но он подходит… пыффф! пыффф! и это еще не все!.. сразу же за локомотивом — платформа, с пушкой и

артиллеристами…

— Ля Вига, умоляю тебя! дождись нас! с тобой ведь Бебер!

Чуxx! чуxx! поезд у перрона… он сейчас уйдет… как я и думал, он полон… и не только руки и ноги… головы, я вам об этом тоже уже сказал… одна… другая… как будто спящие… а вот с широко раскрытыми застывшими глазами… думаю, этот поезд слегка покорежило, и вероятно, с воздуха… там внутри кто-то громко стонал… но кто? да тут не только головы, но и сапоги… ясное дело, солдатня… вместе со штатскими… место найти невозможно… может, попробовать на тендер, я заметил, он пустой… мы совещаемся… там два фрица, машинисты… я показываю им наше разрешение в Росток… но они должны загрузить здесь тендер шестью тоннами угля… они отсылают нас к другой платформе, в самом хвосте, которую только что прицепили… вроде как с «зенитками»… может, там нас возьмут?.. мы рвем когти!.. на этой платформе всего пятеро артиллеристов Luftwaffe, но несколько сотен женщин, детей и военных уже вцепились в края и колеса… и идут на приступ!.. все размахивают своими бумагами с печатями… даже грудные младенцы… среди штурмующих есть такие, что

пропустили уже четыре поезда и провели на перроне целый месяц, они уже переломали себе все пальцы… а вагон открыть никто даже и не пытается… настолько он забит ранеными, путешественниками и трупами, которых невозможно оттуда вытащить, слишком уж они спрессованы и перемешаны… артиллеристы на платформе отбиваются… ударами кольев… флах!.. бранг!.. по всем тянущимся рукам… уах!.. а какие вопли!.. у военных удобная позиция для обороны!.. на возвышении! бранг!.. атакующие молят о пощаде!.. bitte!.. bitte! Luftwaffe hier[30]! Военно-воздушные силы — это по моей части!.. повязка с красным крестом… силы самообороны Безона[31]… кричу я, демонстрируя им свою повязку и бумагу с печатью… Reichsbevoll… эти скоты не умеют читать!.. нет! все-таки один умеет! da!.. da[32]! не отстаю я… он может сам убедиться… я пихаю ему под нос орла… пусть посмотрит… это не обычное разрешение… он обращается ко мне…

— Все трое?.. alle drei?

---

[30] Примечания: 30
Пожалуйста! Пожалуйста! Здесь военно-воздушные силы! (*нем.*)

[31] Примечания: 31
Селин был врачом диспансера в Безоне с 1940 по 1944 год.

[32] Примечания: 32
Там!.. там! (*нем.*)

На этой платформе он за главного…

— Nein!.. nur uns zwei! только мы вдвоем!

Я показываю ему на Лили и себя… он смотрит еще раз… печать, орел, свастика…

— Gut!

Можно залезать!.. он не возражает, только с другой стороны насыпи… там, с другой стороны, уже трое незнакомцев, тоже, наверное, «важные персоны»… так, вверх!.. мы резко влезаем, все впятером!.. теперь отступать поздно!.. мы почти устроились!.. и все благодаря моей инициативе!.. повязке! и печати!.. должно быть тот, что читал, унтер-офицер? я так, во всяком случае, думаю… нашивок-то не видно… он, как и все остальные, весь в саже… ничего удивительного! весь дым летит прямо на них!.. все-таки они согласились нас взять… мы пристроились… а вот остальные… bitte! bitte! их по-прежнему колошматят!.. им ни за что не сесть! ни за что!.. ну а тем, что уже в вагонах, тоже, наверное, пришлось лезть: кому в двери, кому через разбитые окна, а кому и протискиваться между колесами… из окон торчат только босые ноги, оно и понятно, обувь с них стащили на предыдущих остановках… а где мертвецы? они-то уж точно не шевелятся… в поезде шесть деревянных вагонов, не считая платформ,

последнего класса, естественно… они вообще, наверное, стояли где-нибудь в музее… а их вытащили и поставили на колеса… я спрашиваю, откуда они едут… прямиком из Берлина!.. везут раненных во время последних бомбардировок… эвакуируют!.. эвакуируют!.. кое-кто, конечно, умирает в пути, но тех вытаскивают на каждой станции… правда, вытащить их стоит большого труда… о чем и свидетельствует внешний вид этого нелепого поезда, топорщившегося босыми ногами, головами и окоченевшими руками… да еще застрявшими между стеклами и дверцами винтовками… и все это — в Росток!.. кажется, там есть все необходимое… главным образом, для хирургии… этот поезд уже настолько забит, что больше он нигде останавливаться не будет… теперь прямо в Росток!.. а уж там видно будет!.. хотя лично я в тамошнюю медицину не особенно верю… обычный способ избавиться… отослать подыхать куда-нибудь подальше… вполне в немецком духе… ни санитаров, ни врачей… у меня вот тоже есть повязка, может, я тоже чем могу помочь?.. ach, kein sum! ах! не стоит беспокоиться!.. для этого сержанта, ясное дело, было очевидно, что беспокоиться и вправду не стоило… артиллеристы сломали уже, по меньшей

мере, сто рук… и черт побери! черт!.. другие все еще продолжали карабкаться!.. и так на каждой станции…а они их — кольями!.. один вагон уже взяли штурмом и разобрали на части! все выпотрошили!.. обнаружили там целую кучу живых… заваленных трупами в общей свалке… сержант поясняет мне, что этот поезд полон фальшивыми мертвецами, безбилетниками и безбилетницами, которые, пользуясь случаем… решили уехать из Берлина!.. их всех обнаружат в Ростоке!.. а уж в Ростоке с ними разберутся!.. пусть так, но почему мы стоим? черт, нужно еще загрузить уголь!.. целый тендер!.. и воду!.. ни начальника вокзала, ни железнодорожников больше нет… машинист делает все сам… что же случилось?.. русские?.. сержант не знает… ему известно только, что больше не работают ни телеграф, ни телефон, ни пункт управления… в городе, кажется, вообще никого не осталось… а русских никто не видел… ну так что? значит, прямо в Росток, без остановок!.. поскольку все вагоны переполнены, и уж точно никого взять больше нельзя, лучше ехать прямо через семь… восемь станций… пронестись, так сказать, на двадцати в час!.. приедем — посмотрим, кто сможет выйти… а с остальными разберемся по обстоятельствам… кажется, там есть санитары

и носильщики… если ехать медленно, переводя вручную стрелки, то на это уйдет часов пять… на большее у нас не хватит угля… снега почти нет, так, какая-то пыль, а ведь уже ноябрь… странная зима… холодно, хотя всего «минус пять»… кажется, может резко похолодать… а вот и машинист подает нам знак… с углем он уже покончил!.. мы тоже готовы! никто больше так и не смог вскарабкаться, кроме тех троих, что влезли вместе с нами… вообще-то, другая платформа, та, что шла сразу за тендером, была меньше задымлена, чем наша… в хвосте поезда всегда больше всего сажи… но о том, чтобы пересаживаться, и речи быть не могло! те, кого столкнули с платформы, все еще плачут, стонут, жалуются… у них еще все впереди!.. они ждут следующего состава… чуххх! чуххх! отправляемся!..

— До свиданья, Ля Вига! никуда не уходи!.. если можно будет проехать, мы вернемся! сразу же!

Он нам не верит и, увидев, что мы уезжаем, плачет… мы тоже плачем… однако я и не думал его обманывать, я абсолютно искренен и реалистичен!.. мы попытаемся найти способ вернуться сюда… но велик ли шанс?.. у животных в этом отношении есть одно преимущество: они сразу же чувствуют, что возможно, а что — нет… а мы

мямлим, топчемся на одном месте, сомневаемся, поэтому и пьем… мы проживаем почти семь кошачьих жизней, оно и видно: мы в семь раз тупее, чем они… ну а что касается Ростока и этих вагонов поезда, то, прежде всего, нужно было не ошибиться при переводе стрелок… чтобы не въехать прямо в девственную природу… сержант этого тоже опасался… чухх! чухх! а уж какой дым… настолько густой, что порой начинает казаться, будто мы в туннеле… однако внимание! мы не имели права ошибаться!.. Росток находился на северо-северо-востоке!.. у сержанта был компас… у меня тоже… сперва он смотрит на свой… при помощи фонарика… а потом на мой… да! да! браво! северо-северо-восток!.. машинист не ошибся… это настоящий чемпион!.. он со всем справляется самостоятельно, и с углем, и с грузом, и с управлением, и со стрелками… он не просит нас спуститься и подтолкнуть, и слава богу… хотя я бы не удивился!.. а сколько всякого дерьма на нас сыпалось!

я уже говорил вам про дым, но были еще и кусочки мелкого непрогоревшего угля!.. он хрустел у нас на зубах… а в воздухе было полно РАФ[33],

---

[33] Примечания: 33
Royal Air Forces — Военно-Воздушные Силы Великобритании.

которые, видимо, не бомбили нас исключительно из презрения… если только не сойдем с рельс, то будем на месте к полуночи… а эти РАФ, если бы захотели, в одно мгновение стерли нас с лица земли… но за все эти вагоны, пушки и локомотив вместе взятые никто не дал бы и ста франков… подобный поезд мог кого-либо заинтересовать только в совершенно особых, экстраординарных обстоятельствах… авось пронесет!.. оставалось только на это надеяться… уже стемнело… артиллеристы, сидя на корточках, сгрудились возле пушки… четверо безбилетников, которые залезли перед нами, держатся особняком, с нами не разговаривают: а мы все едем… чуххх! чуххх… пролетаем мимо нескольких станций… к счастью, стрелки переведены правильно, поскольку у нас на компасе все то же… северо-северо-восток… а сколько сажи на нас летит! можно подумать, они делают это нарочно… прошло уже четыре часа, как мы болтаемся… из стороны в сторону!.. бранг!.. конечно, здесь много путей разрушено… их восстановили!.. а!.. сержант указывает мне куда-то вдаль… там впереди слева… горит красный свет… придется ждать… мы замедляем ход… я спрашиваю у него, где это мы… уже в Ростоке?.. нет!.. просто остановка!.. сейчас откроем вагоны,

всех вытащим, он просит меня помочь… ну конечно!.. Лили тоже согласна!.. и те трое, что все молчат, тоже!.. о, да тут уже полно народу!.. прямо в поле… с чего это они решили остановиться именно здесь… может, нам кто-то просигналил?.. я спрашиваю у сержанта… да конечно же!.. вы что, его не заметили?.. да я никого не заметил… этот тип подходит к нашей платформе… я наклоняюсь вниз…

— Доктор Эрберт Хаупт!

Представляется он… в темноте это не очень удобно… он повторяет…

— Oberarzt Haupt!.. из Ростока!..

Он главный врач в Ростоке… наверное, мы уже близко… однако в поле… к тому же ночью… совсем не жарко… правда, нельзя сказать, что стоит сильный мороз, но все же… теперь моя очередь!.. я показываю ему свою бумагу, с подписями и печатью bevoll… он светит на нее фонариком… этот фонарик может светиться как красным… так и белым светом… такие фонарики бывают у железнодорожников… зачем мы здесь остановились в кромешной темноте?.. я его не вижу, но чувствую, что он куда-то показывает… я понимаю его немецкий…

— Этот поезд сейчас освободят от людей…

— Wo?.. где?

Спрашиваю я… с ним бригада?.. люди, которые будут этим заниматься?.. прямо здесь, в поле?.. санитары?.. непонятно!..

— Завтра разберемся!

Он тут же уточняет…

— Завтра!.. или послезавтра!.. мы во всем разберемся!.. кто из них шевелится!.. а кто уже мертв!..

Вот! все просто!.. наша помощь ему не требуется…

— Ach! nein!.. nein!

Сейчас он проводит нас в отель… ладно!.. как ему угодно!.. вперед! прощайте, четыре артиллериста и наши три попутчика… вот мы и на насыпи… идем за Оберартцом! он знает дорогу!.. идет вперед быстрым шагом… я с трудом за ним поспеваю… кажется, этот отель не так уж далеко… мы проходим мимо железнодорожных стрелок, мимо какого-то длинного барака… вокруг темно, не видно ни одного стрелочника… наверное, уже ушли… да нам-то что до этого!.. а вот уже и улица!.. железнодорожные пути кончились…

— Вот ваш отель!

Действительно, это совсем рядом… настоящий отель… разрушений нет… по крайней мере, не видно… конечно, Росток тоже пострадал, но

позже… я смотрю на часы… уже два часа ночи… продолжает падать снежок, снежная пыль… я вспоминаю всех этих людей, что были в поезде… они собираются извлечь все тела из вагонов… нам бы это вряд ли удалось… откуда ехали все эти люди?.. скорее всего, эвакуировались из Берлина… но сколько их?.. неизвестно… кажется, те, кому поручено освободить вагоны, поделены на мужские и женские бригады… порой вы оказываетесь в настолько скотских условиях, что уже перестаете обращать внимание на то, мужчины перед вами или женщины… а уж о тех, кого мы там видели, облаченных в лохмотья и поделенных на группы, я и не говорю… вот сейчас мы наконец-то увидим физиономию этого Оберартца Хаупта… здесь есть лампочка… одна на весь холл…

Мужчина примерно моих лет, но очень самоуверенный… не особенно приветливый… на нем форма цвета хаки… золотые нашивки, сапоги, повязка со свастикой… он на нас даже не смотрит…

— Papier!

Ему опять нужны наши бумаги… пожалуйста!.. куда мы собираемся ехать? спрашивает он…

— Wo wollen sie?

— В Варнемюнде!

Ладно!.. он не возражает!.. но нам придется подождать… ему нужно предупредить Варнемюнде…

— На сколько дней?..

— На один день!

— Gut! хорошо!.. завтра утром!.. приходите в мэрию!.. Stadthaus!

Он хочет видеть нас завтра… конечно! мы будем там, в этой мэрии!.. он уходит, оставляет нас… надеюсь, он забронировал для нас номер… судя по всему, этот отель не такой раздолбанный и полуразвалившийся, как «Зенит» в Берлине… но здесь тоже никого не видно… только за кассой сидит пожилая женщина, кажется, на ней парик… она просит нас заполнить карточки… с совершенно безразличным видом… «доброй ночи!»… коллега Хаупт уходит… абсолютно ничего не значащие слова: доброй ночи!.. тюремный надзиратель, поворачивая за вами ключ на два оборота, тоже всегда желает вам доброй ночи!.. god nat[34]! дама-кассир ведет нас на третий этаж… там наша комната… две очень жесткие кровати и одно тоненькое одеяло… но все-таки жаловаться не стоит… ведь сержант собирался отправить нас на

[34] Примечания: 34

Доброй ночи! (*датск.*). Селин намекает здесь на свое пребывание в тюрьме Вестерфангсель в Копенгагене.

разгрузку вагонов… вид у этого Хаупта не особенно приветливый, но в то же время не такой уж и злобный, нельзя сказать, что это законченный антифранцозе… завтра в десять часов мы опять с ним встретимся!.. я говорю Лили: «лучше нам лечь прямо так!..» я имею в виду, в одежде… по-прежнему слышен вой сирен… очень далеко… но они вполне могли и приблизиться!.. через пару минут!.. нам известно, как это бывает… в полусне я вспоминаю Бебера… и Ля Вигу… чем они сейчас занимаются?.. Лили отвечает мне… сквозь сон… я продолжаю дремать… о, я вовсе не сплю!.. в случае тревоги мы должны быть наготове!.. тем более, здесь, в незнакомом месте… интересно, сильно ли разрушен Росток? завтра мы увидим…

— Тук! тук!

В дверь… кто-то… очень тихо стучит… я правильно сделал, что остался одетым… я приоткрываю дверь…

— Извините меня, дорогой коллега!.. в такое время!.. но лучше мне вам рассказать, предупредить! возможно, завтра меня уже здесь не будет… заранее ничего не известно…

Этот дорогой коллега говорит шепотом… у него акцент… но не как у фрицев… откуда он вообще взялся?

Сейчас я все у него выясню…

— Подождите, у меня есть свеча!

Это правда… у меня их даже несколько… и спички… я чиркаю… вот!.. теперь этот незнакомец может войти…

— Прошу меня извинить!.. мы просто прилегли, вот и все!.. как бы тревоги не было!..

Он меня просвещает…

— За все время, что я здесь, было всего две тревоги…

А он здесь уже шесть месяцев…

— А бомбят часто?

— Нет!.. было всего три!.. или четыре бомбежки!.. но все еще впереди!.. я не представился!.. извините меня!.. Просейдон… грек, врач из Университета в Монпелье!.. Просейдон!

— Очень приятно, дорогой коллега!

— Моя жена тоже врач!.. из Монпелье!.. я не знаю, где она сейчас… должно быть, пытается меня найти… мы бежали из России… я через Польшу… а она через румынскую границу…

И он рассказывает нам, что они с женой находились в Советском Союзе по политическим мотивам… но не сошлись с Советами… и это продолжалось не один день! они жили и работали у них!.. десять лет!.. но в партию так и не вступили!..

они отказались… просто работали в больницах…

— Я же патолог, а моя жена мне помогала… в общем, мы лабораторные врачи… они определили меня заниматься проказой… я объехал все их республики… в Монголии очень много прокази… пять с половиной лет мы проработали в Монголии… целый год сражались с чумой в Арабиджане… они требовали, чтобы мы вступили в партию… я был против… ведь у них тоже далеко не все в партии… восемь человек из ста… восемь на сто… всего-навсего… нам пришлось бежать… и все-таки, будущее за ними… они покорят всю Европу… всю Азию… уверяю вас…

Я слушаю его… он говорит тихим голосом… стоя навытяжку…

Теперь я к нему обращаюсь:

— Неужели? ну а здесь как обстоят дела, дорогой коллега?

— Здесь они все сумасшедшие! такие же сумасшедшие, как и в Советах, но Советы гораздо сильнее, гораздо больше… они могут себе это позволить… а эти здесь им во всем уступают: раса, почва, кровь, их интересуют только собственные семьи… деревенский снобизм… а Советам это не нужно… они собираются подчинить себе все, и так оно и будет.

Но все-таки… время еще есть…

— Если только Гитлер не продержится еще один… или два года!.. но я в это не верю… он теряет слишком много людей!..

— И что с того?

— Да ничего!.. я просто хотел вас предупредить… вы не возражаете?

— Очень вам признателен, коллега!

— Чтобы вы поняли, куда попали…

Возможно, он знает, в чем тут дело… почему нас высадили прямо в поле? к тому же среди ночи?..

— Он что, вам не объяснил? это же ницшеанская методика… Оберартц Хаупт ницшеанец… естественный отбор!.. сильные все равно выживают! холод, снег, нагота только сделают их сильнее… особенно раненных!.. а слабые умрут, и их похоронят… методика Оберартца Хаупта заключается в том, чтобы вытащить всех из вагонов, сложить тела на лугу… прямо так… их оставляют там… на два… три дня… на холоде, в снегу, совсем голых… те, кто еще в состоянии встать, пытаются это сделать… их сразу заметишь, даже одноногих… они идут в восточном направлении… тогда производится сортировка!.. одних отправляют в больницу, в хирургическое отделение… а других оставляют на земляные

работы… рыть ямы… для мертвых, для тех, кто не двигается уже два…три дня…

Просейдон выполнял там обязанности врача… на лугу и у ям…

— Может, они вас тоже туда направят?

Ясно, что при таком избытке рабочей силы, я ведь видел, сколько там, у вагонов, людей в лохмотьях… этот метод был далеко не плох… но меня-то интересует Дания! а не ницшеанский отбор… у меня есть определенная цель… пусть он побольше расскажет мне про Хаупта, про его мании… и в частности о том, имеем ли мы право отправиться к морю?

— К морю?.. всего один раз!.. на двенадцать часов… только на двенадцать часов… больше разрешить он не вправе! Варнемюнде ему не подчиняется… все в Варнемюнде подчиняется Адмиралтейству… пляж, защитные сооружения, берег…

Он продолжает объяснять мне, что берлинскому руководству нужно было освободить больницы… любым способом!.. отправить всех в Ганновер… в Висбаден… в Росток… в Любек… несмотря на то, что повсюду было примерно одно и то же!.. ни одной кровати!.. и нигде уже не могли никого брать… кстати, один интерес-

ный факт! недавно сюда из Берлина прислали прокаженных… Комитет Красного Креста собрал двенадцать человек… они там бродили по развалинам… должно быть, бежали с востока… их направили сюда, в Росток… к Просейдону, он же специалист… прислали еще и двенадцать ампул хаульмугрового масла[35]… и больше ничего… в здешней больнице от этих прокаженных отказались!.. оставалось только одно, присоединить их к остальным, к тем, что работали на лугу… отправить их разгружать вагоны и рыть ямы… и все устроилось самым лучшим образом… никто не замечал, что они прокаженные, о проказе все забыли… Оберартца Хаупта это не интересовало… главное, чтобы все вагоны были пустыми, а мертвецы — глубоко зарыты!.. его интересовал только Ницше… мне тоже нужно было приготовиться к разным вопросам… он составит обо мне мнение в соответствии с Ницше… кстати, хоть Просейдон был очень осторожен, он все-таки дал маху… он сказал ему, что, по его мнению, Ницше — это всего лишь романтик… ему нравилось со всеми спорить, нести всякий бред, эпатировать… с тех пор они друг с другом почти не разговаривали…

---

[35] Примечания: 35

Хаульмугровое масло раньше использовалось как лекарство от проказы.

— Прошу прощения, мадам!.. я заболтался!.. простите мою навязчивость!.. я мог бы говорить целую ночь!.. знаете, ведь там я десять лет ни с кем не говорил… десять лет!.. ни с коллегами, ни с больными…

— Ладно, ничего страшного! мы вами восхищаемся!

— Пора спать!.. у нас еще есть время…

Он смотрит на часы…

— Уже три часа!.. я убегаю!.. простите еще раз!..

Этот коллега весьма предупредителен… не сомневаюсь, что очень скромен… наверняка, живет на черном хлебе и почти не видит масла… я думаю о нем… больше заняться нечем, я лежу в одежде… а профиль у него действительно греческий!.. конечно, у него есть и другие достоинства, но они не так бросаются в глаза… они не так совершенны… а вот если сравнить с моей здоровенной физиономией… все это кажется мне ужасно смешным…

— Что с тобой?

— Я думаю, ну у меня и рожа!

— Уж лучше бы ты поспал!

Легко сказать, поспал!.. я должен бодрствовать… да еще и с востока доносится уханье… беспрерывно… все время слышны слабые отзвуки…

мы увидим рассвет в окошке… а который теперь час?.. фонарик… на свои часы… недавно было четыре часа… потом пять… в полусне… а сейчас уже шесть часов… семь часов, подъем!.. неплохо бы найти воду, чтобы сполоснуть рожи… а может быть, даже и кофе? Просейдон уже перед нашей дверью… жует кусок черного хлеба, мне кажется, еще вчерашний… мы здороваемся, он интересуется, как я спал… «великолепно, коллега!»… он уже предупредил меня, что обслуги никакой не осталось… поваров тоже… вот уже месяц, как все ушли… абсолютно все, и неизвестно куда!.. ясно, что кофе нет!.. даже эрзаца… он живет на черном хлебе… на карточки… он питается только этим… но все-таки он хотя бы знает, где взять карточки!.. а мне они разве нужны?.. еще бы!.. он тут же приносит нам все, что нужно! целую буханку солдатского хлеба и кувшин воды… но я ведь должен идти к Оберартцу, поэтому мне бы не помешало немного теплой воды, чтобы сполоснуться… там, на платформе, была такая липкая сажа, ее холодной водой не отмоешь… сейчас коллега принесет нам теплой воды!.. он обещал… из больницы! подождем… мы его ждем!.. он ненадолго… вот и теплая вода… смываем грязь… а теперь пора идти!.. это рядом!.. ну да, я вижу! ничего себе! что

тут творится! уже на лестнице!.. Оберартц Хаупт, конечно же, убежденный ницшеанец, но здесь давно никто не убирал!.. в коридорах тоже!.. всюду валяются повязки… здесь не подметали уже много месяцев… лейкопластырь, корпия, бинты… судя по всему, ему не хватает рабочих рук! а где же хирургия, я что-то не вижу… грек мне говорил, что он многих увольняет!.. интересно, каким же образом он управляется?.. а где же он сам?.. где его кабинет? поищем… а, вот какая-то пожилая пациентка!.. спускается со ступеньки на ступеньку… сгорбленная… «выше! выше!» говорит она мне… поднимаюсь еще выше… вижу дверь… на ней ничего не написано, только красный крест… может, это здесь?.. стучу… мне отвечают… но не открывают…

— Что вам нужно?

Кажется, это его голос…

— Разрешение отправиться в Варнемюнде!

Да, это он, Оберартц…

— Можете отправляться! не нужно никакого разрешения… они в курсе!..

А как же билет?.. билет не нужен, все бесплатно!.. заплатим потом!.. и вокзала для пассажиров тоже нет… только грузовой!.. скоро прибудет поезд, который перевозит рыбу… они называют

его «рыбным поездом»… мы поедем на нем и на нем же вернемся… нам разрешено находиться в Варнемюнде только то время, что они указали… не больше двух часов!.. но мы ведь не собираемся совершать экскурсии! мы просто хотим увидеть море!

— Warten sie![36]

Я должен слушать его через дверь…

— Сходите за своими вещами!.. в отеле вы больше не живете!.. никакого отеля!.. не положено!.. хватит с вас отелей!.. заводы тоже закрыты!.. даже Хенкель[37]!.. это приказ из Берлина!.. вернетесь обратно прямым поездом Варнемюнде-Берлин!.. Просейдон тоже в курсе, вы вместе с ним и с его пациентами поедете в Берлин!.. он дождется вас… вы меня поняли?..

— Да! Да! мы пошли!

Хватит разговоров… не стоит с ним спорить… кажется, этот чудак Хаупт нас на дух не выносит… в отель!.. а вот и он!.. я обнаружил вывеску… когда мы прибыли, я ее не заметил… «Отель Феникс»… так тут даже и платить не нужно?.. судя по всему, нет… именно так и завершаются

---

[36] Примечания: 36
Подождите! (*нем.*)

[37] Примечания: 37
Речь идет об известном авиационном заводе.

все режимы! полный Хаос, и все бесплатно… как в Виши, так в Берлине и Зигмарингене… скоро увидим, кто следующий… Лондон?.. Прага?.. Москва?.. посмотрим… но чего они так боятся?.. высадки англичан?.. или русских?.. спросим в Варнемюнде… скорей в нашу комнату! наш узелок с вещами!.. Просейдон ждет в коридоре… все верно, он получил приказ… я спрашиваю у него… неужели они эвакуируют всех из Ростока?.. он не в курсе… хотя вполне возможно… все равно он будет ждать нашего возвращения… вместе со своими прокаженными… мы все поедем в одном купе… до Моосбурга… а потом они пересядут на другую линию… до Штеттина!.. да, кстати! кстати! ведь там наши дамы[38]!.. хотя, может, они уже гораздо дальше?.. если еще когда-нибудь увижу Харраса, этого проклятого шута!.. обязательно у него поинтересуюсь!.. по мнению Просейдона, именно в Штеттине у них выстроен лепрозорий… но он не уверен…

— Вас ждет великое будущее, Просейдон!

Во всяком случае, мы точно знаем, у нас есть два часа, чтобы посмотреть на море… а потом

---

[38] Примечания: 38

Селин имеет в виду героинь романа «Север»: графиню, Изис, Силли, Кретцершу, которые в конце повествования отправились на телеге в Штеттин.

назад…

— До свиданья!.. до свиданья!

У дверей отеля стоят два солдата, кажется, они ждут нас… пришли, чтобы нас арестовать?.. мы проходим мимо… они идут за нами… в десяти…

пятнадцати шагах… мы медленно идем вперед по насыпи… солдаты от нас не отстают… держатся на том же расстоянии… здесь на тропинке довольно много идущего куда-то народу… странно, на улицах Ростока никого, а тут вдруг люди! штатские, военные… на каком языке они говорят?.. я интересуюсь… на датском и венгерском!..

— Скоро в Ростоке никого не останется!..

Это сообщил мне через дверь тот придурок… кстати, он ни словом не обмолвился о своем Ницше… он хотел только одного: чтобы мы поскорее свалили!.. ладно!.. но мы все-таки увидим эту Балтику!.. и порт… у нас есть два часа… все эти люди собираются сесть на корабль… да я и сам вижу!.. вижу корабль… чуть дальше… в Ростоке же есть порт, я забыл… небольшой порт… насыпь переходит в причал… вперед!.. уверен, все эти люди сейчас поднимутся на борт… подходим ближе… небольшое грузовое судно… на его борту во всю высоту очень большими белыми буквами написано: Дания… ошибиться невозможно… два

солдата, что следуют за нами, подходят и показывают нам жестами: не сюда!.. туда!.. дальше! я вижу, как все эти люди, венгры, датчане, друг за другом поднимаются по трапу… а мы идем дальше, мимо судна… это судно без названия, у него только номер: 149… а море, пляж? дальше!.. дальше! да, это здесь… канал расширяется… еще какое-то подобие порта… это порт для парусников и рыбацких одномачтовых яхт… и тут люди!.. полные причалы… наверное, это и есть Варнемюнде?.. ни песка, ни гальки… все усыпано мелкими черными и белыми камешками… неплохо, в общем-то… хотя и есть в этом что-то кладбищенское… очень много домиков… весь пляж застроен… домики в барочном стиле… так называемом стиле «немецкой легкости»… всех цветов… особенно много малиновых и фисташковых… и ни одного купальщика, все ставни закрыты… модный пляж Варнемюнде… но сейчас явно неподходящее время!.. мы ни с кем не говорим… к нам никто не подходит… должно быть, думают, что эту пару куда-то ведут два солдата… на Балтике хорошая погода держится не больше пятнадцати дней в году, такой уж тут климат… а там, чуть дальше, где грузили рыбу, уже готов поезд на Берлин… мы можем взглянуть!.. два

купе уже зарезервированы… судя по всему, для нас?.. хватит с нас пляжа! мы уже все осмотрели!.. занимаем места! вместе с солдатом, который постарше… отдохнем немного… молодой тоже располагается рядом… ни тот, ни другой ни о чем с нами не говорят… мы просто сидим и наблюдаем за происходящим, за поднимающимися на борт людьми… смотри-ка, пускают не всех!.. там не меньше десяти полицаев в форме… они проверяют бумаги… одну печать поставят, затем другую! и еще о чем-то расспрашивают… особенно цепляются к венгерским военным в красных пилотках… одним словом, дохлый номер!.. в Данию так просто не попадешь!.. а о нас и говорить нечего! у нас ведь еще и сопровождение есть… интересно, кто это такие? СС?.. СА?.. я не вижу у них никаких нашивок… никаких знаков отличия… при случае надо будет у них спросить… а пока полюбуемся пляжем!.. раз уж мы сюда притащились… на море штиль… серая поверхность… небо, небольшие буруны, вода… и так до самого горизонта и дальше… в Цорнхофе мы тоже все время видели равнину, которая казалась бескрайней… так значит, это судно «149» отправляется туда, за пределы неба и моря… так что шанс у нас есть… на море ничего не видно, ни одной лодки…

наверное, им разрешается рыбачить только в определенные часы?.. может, только по ночам?.. и этот пляж считается элитарным, самым ультра-шикарным местом в северной Германии… никогда бы не подумал… просто невероятно, до чего тоскливыми становятся все эти места увеселений, казино, пляжи с домиками, как только грянет какая-нибудь беда, и отовсюду начинают поступать телеграммы с дурными вестями… ну а мы что, так и будем сидеть, уставившись на небо и парящих там чаек, в ожидании неизвестно чего?.. тем временем все новые и новые чайки продолжают одна за другой пикировать на сетки и корзины… сложенные на палубе судна… испуская истошные крики! на весь пляж!.. без умолку… нет уж, мы туда не пойдем!.. мы останемся в купе… со своими часовыми… одному примерно лет пятнадцать… а другой гораздо старше… вот старший отдает приказ… молодой вскакивает!.. и бежит через пляж… заходит в какой-то домишко… мы ждем… он возвращается с двумя котелками… и литровой бутылью… быстро же он… решили о нас позаботиться… это горячая пища… два котелка с рисом и рыбой… и литр воды… конечно, мы уже ко всему привыкли, но, все-таки, уже целых три дня мы сидели на голодном пайке, а если бы

не Просейдон, у нас бы и вовсе крошки во рту не было… мы воздаем котелкам должное… молодой интересуется, вкусно ли… «еще как! ja! ja! danke! спасибо!..» в общем, это чем-то напоминает матлот[39]… да еще и с маслом!.. роскошь!.. вот так сюрприз! ну вот, теперь мы чувствуем себя лучше, можно и пейзажем полюбоваться… он того стоит… судно уже отходит… судя по всему… да!.. даже не гудит… только винты работают… но совсем тихо… теперь хорошо виден его планшир… во всю вышину… и надпись огромными белыми буквами: «Дания»… не исключено, что на них уже нацелены торпеды… «доброго пути!»… я машу рукой, прощаюсь с ними через дверцу… никто мне не отвечает… я никого не вижу… естественно, их же проинструктировали… и вот, наконец «149» входит в фарватер… о, вокруг все тихо… море… судно удаляется… море очень спокойное и совершенно серое… ну вот, мы и увидели все, что хотели… наши два солдата жестами показывают, что нужно вернуть котелки и пустую бутылку… тот, что помоложе, все забирает… относит в хижину… а дальше, на путях, как я вижу, «рыбный поезд» уже загрузили… наш вагон толкают к нему

---

[39] Примечания: 39
Рыбное блюдо под винным соусом.

и цепляют… вокруг суетятся рыбаки… молодой солдатик возвращается, все еще жуя на ходу, и садится с нами… они не особенно разговорчивы, что один, что другой… и в самом деле, ни слова не проронили… наконец поезд на Берлин готов к отправлению… прямиком на Берлин… правда нам еще придется забрать в Ростоке нашего коллегу… вместе с его пациентами… по моим наблюдениям, на погрузке всегда работают одни женщины, именно они и грузили вагоны, таскали корзины за корзинами… на песчаных карьерах тоже они вкалывают, будь то в Фекампе или на Мальме… а ремесло человека полностью определяет его бытие… возьмите, к примеру, какого-нибудь komissar'a или депутата, эти без трепотни — все равно, что торговка дарами моря без корзины… в праздном состоянии они все превращаются в обычных людей, от которых не знаешь, чего ждать… интересно, что здесь никто даже не пытается с нами заговорить, узнать, кто мы такие… думаю, все просто опасаются людей, которых сопровождают конвоиры! чухх! чухх! вот и локомотив!.. в этом составе нет ни платформ с оружием… ни артиллеристов… только наши два конвоира… поехали… чухх! чухх! о, да это совсем рядом… Росток!.. поезд останавливается…

Просейдон уже ждет нас… н не один, с ним его пациенты… я справляюсь у него… да! это именно они!.. он собрал всех, только одного не хватает… он даже забрал наши вещи из отеля Феникс… это совсем не тяжело, небольшая сумка… две рубашки, два полотенца, мыло… теперь в Моосбург!.. сто километров!.. мы больше не увидим этого ярого ницшеанца… Оберартца!.. а я, можно сказать, вообще его ни разу не видел, только слышал… и даже через дверь он был со мной не особенно любезен… и неспроста, должно быть!.. мы едем в совершенно других условиях, чем сюда… все вместе… Просейдон со своими прокаженными в соседнем купе… ему нельзя их оставлять… нас разделяет только одна дверь… я вижу их всех, не такие уж они и жуткие, люди без возраста, или, я бы даже сказал, вне возраста… покрытые язвами и закутанные, большинство замотано бинтами… кажется, в основном мужчины… мы едем… и действительно, этот поезд нигде не останавливается… правда, идет он не слишком быстро… прокаженные вытирают себе нос и глаза… своими лохмотьями… уже по одному этому можно легко поставить им диагноз… из носа и глаз у них сочится кровь… должно быть, на земляных работах они оказались не особенно полезны…

теперь их решили перевезти в другое место… в лепрозорий?.. или еще куда?.. мы продолжаем свой путь… самолеты нами не интересуются… хоть они и снуют тут повсюду, пикируют, делают петли… должно быть, они все в курсе, что это рыбный поезд, который проходит всегда в одно и то же время и безо всякого оружия… возможно, даже существует специальная договоренность насчет этого поезда с дарами моря… вот мы в Моосбурге ни разу не видели рыбы… всегда и всюду власть имущие объединяются, чтобы доставить друг другу удовольствие… вот увидите, когда нагрянет следующая война, атомная, они будут доставлять друг другу корзины клубники из Финистера в Крыжополь, и не как-нибудь, а уже посредством ракет… шучу, конечно, но в этом есть доля истины… да, забыл сказать вам про снег… пошел снег… не такой уж густой, но все же… рельсов почти не видно… и еще я забыл про чаек!.. они от нас все не отставали… еще бы, целых четыре вагона рыбы!.. кувыркались в воздухе, парили, садились к нам на крышу… а что Просейдон?.. он молчит и размышляет… мы уже близко… еще одна… две… ну три станции… скоро будем на месте!.. вот, кажется, уже и дома… снег мешает… поезд замедляет ход… если можно

так выразиться… потихоньку, метр за метром… чухх! чухх! да, остановка, это Моосбург… вот мы и на вокзале!..

— Фердина! Фердина!

Это Ля Вига!.. Лили сразу же его спрашивает, ее интересует только одно!

— Ну, как Бебер?.. как Бебер?

— Он здесь!

Мы выходим… и Просейдон со своими подопечными… они помогают друг другу, подают руки… этим все равно, куда идти…

— Сюда, коллега! сюда!

Да это же голос Харраса! он не один, с Крахтом… оба одеты во полной выкладке и разукрашены, как хамелеоны… здоровенные сапоги, гранаты с рукоятками, у Харраса вот такой маузер! я интересуюсь у него…

— А где же русские?

— Пока их нет!.. но они недалеко!

— Ну так привезите их сюда!

— Не стоит! они и сами прекрасно доберутся!..

По-прежнему шутит! но весьма любезен! он дает мне понять, что ждал нас… и даже успел оборудовать для нас уголок в зале ожидания, для нас четверых… для Лили, меня, Ля Виги и Просейдона…

— И куда мы поедем теперь?

— Сперва отдохните… может, хотите немного поспать?

— Да!.. да!.. немного…

— А поесть?

— Да!.. да!.. само собой…

— Сейчас будет рыба!

Наши два конвоира, кажется, даже не выходили из поезда и сразу уселись на наши места… они должны ехать в Берлин… без пищи, без сна… служба!.. служба!.. а потом назад тем же рыбным поездом… хотя, возможно, что уже все изменилось, и в Варнемюнде поезд больше не пойдет… потому что никакой рыбалки уже нет… запретили!.. Харрас осведомлен лучше, чем мы… кажется, англичане направили две большие барки к Сопоту… для установки бакенов?.. а может, мин?.. угроза вполне реальна! а что творится в воздухе! кстати, а об Oberarzt'е Хаупте? что он думает?.. о его прихватах?.. об этих испытаниях на лугу?.. жмуриках в качестве рабочей силы?.. Харрасу все это прекрасно известно…

— О, поймите, он делает все, что может!.. в подобных-то обстоятельствах! конечно, он сумасшедший, я с вами согласен… но кто бы еще взялся за такую работу?

На термометре минус 4…

— Не так уж и холодно… зато удобно, поезд с рыбой останется здесь, на перроне… вы сможете поехать на нем… завтра я вам все объясню…

Я бы предпочел, чтобы он объяснил мне все прямо сейчас… вот и опять этот зал ожидания, полный лежащих солдат, которые кажутся спящими… все немецкие вокзалы одинаковы, заполнены спящими солдатами… среди них есть и раненые… справа в углу приготовлено четыре котелка… суп с капустой… я вижу, что Ля Виге и греку уже не до того… они даже не притрагиваются к своим котелкам, а сразу же засыпают…

— Детуш!.. Детуш! хочу представить вам сестру Фелицию!..

У сестры Фелиции вид вполне довольный… она совсем не грустная… я бы даже сказал, веселая… и довольно молодая, лет тридцати…

— Орден Послушания!.. она ухаживает!.. за заразными больными… она была сестрой милосердия… ну помните, там, в нашем большом госпитале!.. сестра Фелиция!

— Понятно! понятно, Харрас!

Он представляет ее Просейдону… Просейдон вылезает из своей соломы… отвешивает низкий поклон… и просит его извинить…

— Сестра Фелиция!..

Харрас мне все объясняет: она только что прибыла из Берлина… прямиком… в танке… для добровольной работы в лепрозории… она уже ухаживала за такими, даже за заразными… я вижу, они знакомы, обнимаются… странно видеть их такими веселыми… она уже десять лет работает сестрой милосердия… сперва стажировалась, ухаживала за больными католиками, а потом решила остаться… выгонять ее не стали… в общем, уезжать она не собирается… вокруг было много таких сестер, как она, изо всех стран мира… это были «сестры»… и «матушки»… они не интересовались последними известиями и занимались ранеными, подбирали их на полях сражений… а сестра Фелиция занималась исключительно заразными больными… прокаженных собрали в одну группу, и теперь все они были в ее распоряжении… человек десять… пятнадцать… должны были прибыть еще и другие… те, что пока остались в лагерях… мне кажется… идея создать лепрозории принадлежала министру Конти[40]… сестра Фелиция была прекрасно экипирована:

---

[40] Примечания: 40

Леонардо Конти — государственный секретарь Министерства Здравоохранения, которое в нацистском правительстве подчинялось Министерству Внутренних Дел. Покончил с собой в октябре 1945 г.

солдатские башмаки, сумка через плечо, а в ней черный хлеб… прокаженным действительно требовался уход… им нужно было сменить повязки… она бы с радостью, но у нас не было ни бинтов, ни ваты… да нет же! нет! оказывается, все есть! у Харраса на втором этаже, в кабинете начальника вокзала полно перевязочного материала… никаких проблем… Крахт сейчас все принесет…

— Ja! ja! ja!

Однако сестра Фелиция не готова заняться этим прямо сейчас… прежде всего ей бы хотелось привести в порядок свой чепец!.. Харрас, оказывается, и об этом подумал! на втором этаже! утюг, доска, дрова для печки… она может там уединиться… начальника вокзала и стрелочника забрали на восточный фронт… я заметил, что Харрас уже больше не смеялся своим самодовольным смехом… никаких «ооаах»! нельзя сказать, чтобы он погрустнел, просто не смеялся… мне о многом нужно было его расспросить… я хотел бы с ним поговорить… мы все сидели на соломе и ждали… а потом легли… мы ждали сестру Фелицию… насколько я понимаю…

* * *

И вот я снова слышу поезд… чухх! чухх!.. он замедляет ход, потом останавливается… еще один поезд с рыбой?.. вероятно… оттуда высаживается целый отряд… стук сапог, звяканье оружия… и отрывистые хриплые немецкие команды, распоряжения… мне все ясно!.. вроде бы, они собираются у вокзала?.. так и есть… из зала ожидания, где лежат люди, тоже доносятся звуки… храп, причитания, стоны… среди тех, кто там лежит, вероятно, есть и такие, кому совсем плохо… конечно, это не ницшеанский метод, как в Ростоке, не отбор холодом, но в результате все сводилось к тому же… наверняка, каждые три-четыре дня здесь проводился обход… проверяли всех, кто валяется на вокзале… окоченевших, вероятно, забирали… и сваливали в могилы… многие умирают в дороге от потери крови и гангрены… еще бы, ведь от одного фронта до другого путь неблизкий… дни и ночи на соломе, ни санитарок, ни перевязок… а мы тем временем продолжали отдыхать… Ля Вига, я, Лили… само собой, мы не спали, куда там!.. но хотя бы покой… куча соломы!.. о! нельзя сказать, чтобы мы чувствовали себя в безопасности!.. Бебер в

своей сумочке, и тот был начеку, даже не мурлыкал… иногда и в жутком шуме удается кое-что расслышать!.. распознать приближение своих… а вот, кстати, я слышу тех двоих… Харрас… Крахт… их шаги снаружи… они ищут нас… да! это точно они!.. перешагивают через тела… Харрас меня заметил… и освещает своим фонариком…

— Детуш!.. Детуш!.. послушайте! для вас это очень важно!.. для всех вас… очень!.. чрезвычайно!..

Я вылезаю из соломы, Ля Вига, и Лили тоже…

— Я позволил себе… мадам, вы меня простите… но для вас это очень важно…

Ладно, мы слушаем… он возбужденно шепчет…

— Французское правительство оставило Виши…

— И что же?

— Оно эмигрирует в Зигмаринген…

Однако пусть он нам все объяснит… Зигмаринген? это в Германии?.. да! да!.. именно!.. на самом юге!.. на швейцарской границе!..

Я вижу, как лицо Ля Виги меняет цвет… только что он был мертвенно бледным, настоящий мертвец, и вдруг стал пурпурно-красным…

— Ах Фердина!.. Фердина! это же спасение!

Восклицает он…

— Не спеши, Ля Вига! поживем — увидим!..

— Так поехали! когда?

Ля Вига уже не может сдержаться!

— Слушай, мы возвращаемся! во Францию!

Однако я не очень хорошо его вижу, я ведь все еще лежу, а он стоит… в зале темно… правда, я все слышу… Крахт и Харрас продолжают светить своими фонариками… а он подпрыгивает, буквально скачет от радости на одном месте… перескакивая через тела… то туда… то сюда… ему кажется, что кошмар закончился… он уже видит себя в Швейцарии… а может, и дома, на Монмартре…

Я стараюсь привести его в чувство…

— Ля Вига, дружище, это ведь еще не конец! послушай доктора Харраса!.. и не ори так! ведь здесь на этих подстилках полно шпиков! они всюду! ты что, этого не понимаешь?..

Харрас меня прерывает… он достает из кармана печать…

— Ну ладно!.. взгляните-ка сюда!

Мы смотрим… это уже не Reichsgesund…

— Военный приказ, касающийся Зигмарингена!.. это уже гораздо серьезнее! не так ли?

На мой взгляд, радоваться тут особо нечему… он пытается все нам разъяснить… хуже всего

придется в Берлине…

— Вы знаете, там ситуация критическая… все сгрудились на вокзале… и не только беженцы… солдаты тоже… настоящее столпотворение!.. все хотят в Ульм, на юг… вы знаете этот вокзал Anhalt?..

Да, разумеется!.. наш рыбный поезд остановится, не доезжая до Берлина… мы выйдем… и пойдем до Anhalt'а в сопровождении наших двух конвоиров, они дорогу найдут…

— Хорошо!.. ладно!

Ну теперь все, пора действовать!

Я передаю ему наши бумаги, Ля Вига тоже… волшебной печати Reichsbevoll уже недостаточно, необходима еще и печать O. K. W… Oberkommando der Wehrmacht… Верховное Военное Командование… Харрас приписывает сверху своей рукой: Wehrmacht befehl[41]!.. Зигмаринген… думаю, с этим у нас теперь все в порядке… но вот билеты!.. неужели опять бесплатно?

— Вы заплатите позже! потом!

Сколько долгов у нас уже накопилось! и действительно, скоро мне стало ясно… чуть позже! что это еще далеко не конец!..

---

[41] Примечания: 41
Приказ Вермахта (*нем.*)

А пока что нужно было покончить с нашими бумагами… вот они! я запихиваю их себе в карман… вместе с визой Ля Виги, он не против… но это еще не все! осталась еще одна формальность!.. ему нужно предупредить Берлин… А. А… и Канцелярию… а ведь все линии оборваны… и подземные… и воздушные… конечно, их должны восстановить… само собой… а пока невозможно понять, кто есть кто… арестовали уже сотню подозрительных лиц… их число может перевалить и за тысячу!.. правда, технические службы Wehrmacht'а изобрели новейшую систему «веломагнитной связи», так что ускользнуть никому не удастся… ну-ка, посмотрим… сейчас мы все увидим… я не верю своим глазам… наверху, на подставке, велосипед Крахта!.. его невозможно не узнать!.. Крахт ведь обожает велосипедный спорт!.. но теперь его велосипед припаян к подставке, намертво закреплен на одном месте… а заднее движущее колесо приводным ремнем соединено с двигателем… Крахт залезает в седло и крутит педали!.. крутит педали!.. кажется, до меня доходит… он производит электричество… черт побери, да он еще поднажал!.. длинная антенна, установленная в передней части подставки, будет передавать! и также принимать!.. антенна с дву-

мя концами… Харрас нам все объясняет… главное только, чтобы Крахт не сбавлял обороты!

— Noch! noch!.. еще!

Харрас пытается связаться с Берлином… передает… он показывает мне свой аппарат… совсем крошечный… умещается у него в ладони… так, а теперь Берлин должен ему ответить… на Харрасе шлем… он вслушивается… вот!.. есть!.. довольно быстро!..

— Сейчас я предупрежу их, что вы приедете… это необходимо!

Ничего не имею против!.. та… та… ти!

Вижу, ему знакомо ремесло телеграфиста, а вот тому, что сидит на своем велосипеде, явно не до смеха…

— Noch!.. noch!.. Крахт!.. еще!

Крахт выкладывается на всю катушку… все-таки, речь идет о двигателе! нельзя делать перерывов!.. нельзя останавливаться!.. чтобы антенна не заикалась!.. стоп!.. передача закончена!.. так, быстрей!.. теперь нужно принять! самое ответственное — это прием!.. теперь Крахт должен крутить педали в обратную сторону… черт побери!.. вот так!.. к счастью, Крахт хорошо натренирован…

— Gut! Крахт! Gut!..

И действительно, антенна начинает потрескивать… вот, теперь Харрас слышит… слышит Берлин… слышит Канцелярию…

— Детуш, все в порядке! они все поняли!.. ja!.. ja!.. вы можете ехать!.. так, еще минутку!.. noch! noch Kracht! Stettin!.. теперь мне нужно предупредить Штеттин! поставить их в известность!..

Да, точно!.. о нашем греческом коллеге, прокаженных и сестре милосердия… а я о них и забыл!.. двенадцать покрытых язвами больных… даже пятнадцать… целые сани… двое саней… Штеттин не отвечает!.. хоть Крахт старается изо всех сил! э, ну и ладно!.. они не потеряются!.. в Штеттин ведет только одна дорога… она в прекрасном состоянии, за ней постоянно ухаживают… поддерживают порядок… сам видел… через каждый километр — снегоочистители… основной поток беженцев, штатских, военных, двигается именно по этой дороге «Штеттин-Берлин»… и еще по дороге «Мособург-Балтика»… Харрас рассказывает мне про маленьких татарских лошадок, предназначенных специально для саней… они уже запряжены и стоят там… все такие мохнатые, с бородками… по правде говоря, они больше похожи на пони для детей, чем на лошадей для работы в упряжке на Крайнем Севере… в снегах… они прибыли из

Штеттина и туда же возвращаются… неплохо справляются!.. Харрас больше не вызывает… Штеттин ему не отвечает… к тому же, и силы Крахта тоже на исходе… он уже высунул язык… и наша антенна больше не потрескивает…

— Noch! noch!

Напрасно Харрас его подгоняет…

— Nun! nun! lasse! достаточно!

Крахт слезает с седла… и ложится прямо в снег… на бок, он явно выдохся… а ведь он всегда так любил кататься на велосипеде!.. мы уходим… надо проведать остальных… они уже готовы к отправке… сестра сменила все повязки… ни одной обнаженной культи, все покрыто корпией, бинтами и ватой… они закутаны с головы до ног, как будто переоделись в туарегов… а уж как довольны!.. радуются от предвкушения путешествия в санях… и оттого, что их сестра снова с ними… они поедут не торопясь… до Штеттина ехать дней пять… их будет сопровождать обозный солдат… в каждые сани запряжено по две лошади… обозный солдат пойдет пешком, он вооружен, у него гранаты и карабин… вижу, это серьезно… думаю, в пути им придется поменять лошадей… а там, в Штеттине, состоится передача… в лепрозорий… он не в самом городе, а в деревне… судя по всему,

нашего Просейдона это не особенно вдохновляет… правда он не протестует, но предпочел бы остаться с нами… он целых десять лет ездил в санях, так что привык к ним… как и прокаженные… но он бы с удовольствием поехал с нами, все равно куда, только бы на юг!.. однако ему предписано отправляться в Штеттин!.. он не протестует, но явно недоволен… это выражается в том, что он ведет себя более сдержанно, чем обычно… он выстраивает всех прокаженных в ряд и ведет их к саням, рассаживает там вместе с сестрой милосердия… вот все уже и сидят… он говорит нам: прощайте!.. мы отвечаем ему: до свиданья!.. до свиданья!.. сани скользят… сдвигаются с места… ну вот!.. они уже на дороге… им предстоит четыре дня пути… никто нам не машет… ни прокаженные, ни сестра милосердия, ни Просейдон…

И действительно, мы никогда больше их не видели и ничего о них не слышали… так же, как и об этом лепрозории… и о Штеттине… я много раз наводил справки… тут… там… у людей, которые много путешествовали… кажется, многие города и деревни изменили названия… и там больше никто не живет… неплохо бы, конечно, туда съездить самому… посмотреть… но вряд ли это возможно!

Ну а мы втроем, Лили, я, Ля Вига, и наш котяра опять садимся в этот «рыбный поезд»… в то же самое купе… наши два вояки даже с места не сдвинулись, ждут нас… ну вот… Харрас еще раз нам все объясняет…

— Там вам придется идти пешком, это примерно полчаса, от депо до вокзала Anhalt… вас проводят эти солдаты…

— Великолепно, дорогой Харрас!.. с богом!.. и heil Hitler!..

Мы жмем друг другу руки… и довольно сильно… он обнимает Лили… обнимает Бебера… ну вот!.. понятно, что на душе у нас неспокойно… каждый чувствует, что мы не скоро увидимся снова… а Крахт все валяется на снегу, пытается отдышаться… втягивает воздух… и смотрит на нас…

— До свиданья, Крахт!

— Heil! heil! Doktor!

Он тоже неплохой парень… стукач, конечно… но иначе нельзя!.. с ним нам тоже тяжело расставаться… что с ним будет дальше?.. это не трудно предположить…

А наш «рыбный поезд» уже отправляется… наконец-то!.. чухх! чухх! трогается… в путь! мы еще раз прощаемся с Харрасом… и Крахтом!.. вот и все… я их так больше никогда и не видел… ни

Просейдона, ни сестру, ни того ницшеанца из Ростока… и результаты его экспериментов по естественному отбору остались мне неизвестны… это сейчас люди могут вообще не расставаться, до Нью-Йорка на сверхзвуковом лайнере можно добраться всего за три часа, и плевать они хотели на доброго боженьку, а вот когда вам приходится так беспорядочно путешествовать, вы должны быть крайне осторожны, так как рискуете в любую секунду потерять людей навсегда, и удивительно уже одно то, что я о них все еще помню, хотя доказать вам, что все эти персонажи были реальными и живыми людьми, мне теперь крайне тяжело, так что имейте хоть капельку сострадания к бедному хроникеру!..

Поезд нас увозит… сначала он идет очень медленно… потом вдруг резко тормозит… но все равно такой способ передвижения не так уж и плох… я вижу, как убирают кучи булыжников… а мы удобно устроились и сидим себе… нам есть, о чем подумать… теперь с нами нет ни Харраса, ни Крахта… придется выпутываться самим… а два наши солдата и ухом не ведут… посмотрим, что будет по прибытии… на ту станцию возле Берлина… в воздухе кружит несколько самолетов… но мы их совсем не интересуем… мы продолжаем

свой путь… без остановок… вот уже и какие-то здания… это вокзал или депо? солдаты с нами не разговаривают… ясное дело, у них ведь приказ… а вот с Харрасом они говорили… мы едем уже три часа… поезд иногда начинает свистеть… может, он делает так на каждой станции?.. а, наконец-то!.. какая-то платформа… должно быть, приехали… старший из двух фрицев делает нам знак… да!.. да!.. ладно!.. мы выходим… идем по тропинке вдоль путей… гуськом… мы пока не устали, но все-таки, далеко ли еще этот вокзал Anhalt?.. я уточняю… «ach, nein! nein!»… и действительно… вот и домишки, какой-то пригород… причем этот пригород довольно сильно разрушен… настоящая каша… дымящаяся… из каждых трех домов два разрушены… наверное, они уже к такому привыкли: два дома из трех… а мы идем себе гуськом вперед!.. ну вот, кажется, мы подходим… да, я узнаю… вокзал Anhalt… все перроны вымощены маленькими квадратиками!.. вот только железная арматура покорежена гораздо сильнее, чем в прошлый раз[42]… я имею в виду огромный свод из стекла и железа наверху… оттуда постоянно что-то валится… бум!.. бом!..

---

[42] Примечания: 42

Селин имеет в виду свое прибытие на вокзал «Берлин-Анхальт», описанное им в романе «Север».

без остановки… настоящий дождь из осколков стекла… падает на перрон и на людей… на поезда рикошетом летят осколки… а сколько здесь народу!.. вот мы уже и на перроне… экспресс на юг весь забит… совсем как тот, на Росток… хотя это поезд с настоящими вагонами, большими и вместительными… внутри стоя сгрудились люди, они так же стиснуты, как и в том… о том, чтобы как-то туда влезть, втиснуться, не может быть и речи, хотя мы довольно-таки худые и пронырливые… мы исследуем этот поезд со всех сторон… вот, похоже, один вагон, не такой забитый… можно попробовать… но оказывается, не только мы, а уже целая толпа жаждет знать… не найдется ли там случайно одного местечка?.. или двух?.. военные в касках и беретах, женщины, дети… нет!.. нету!.. нету!.. и вдруг все начинают выражать недовольство!.. поднимается крик!.. а самые наглые пытаются залезть внутрь… я вижу, как обезумевшие feldgrau[43]… мечутся от одной двери к другой, из конца в конец коридора… пытаются сбросить их с окон… уговаривают… приказывают… но куда там! они объясняют, что это специальный вагон, sonderzug Wehrmacht,

---

[43] Примечания: 43
защитный (цвет обмундирования) (*нем.*)

демонстрируют свои петлицы… там орел… и еще флажок… ну а в ответ!.. на них сыплется град оскорблений!.. и ужасных угроз! подумаешь, какая-то табличка O. K. W.!.. ее вообще срывают с вагона и куда-то уносят… естественно, такое не могло долго продолжаться…

Тррах!.. дзиннг!.. как будто взрыв!.. одно из самых больших стекол вагона разлетается вдребезги!.. осколки — на мостовую!.. а потом еще одно!.. и еще!.. и наконец — стекло двери в конце вагона!.. они уже открывают двери, у них есть отмычка!.. вопившие на платформе уже берут вагон штурмом!.. я много слышал про беспорядки в Германии, но все это чепуха, потому что это надо видеть… а вот мы там присутствовали, и нам было не до смеха… я многое повидал, но мне никогда не забыть немцев, охваченных яростью и жаждой разрушения… озлобленные люди со своими ребятишками и младенцами на руках бросаются на приступ sleeping Wehrmacht… тут же набиваются в купе! повсюду царит полная неразбериха… здесь и офицеры в пижамах, и солдаты, и младенцы, и мамаши… вцепившиеся мертвой хваткой!.. весь коридор забит ими! кушетки уже заняты!.. папаши карабкаются вслед за мамашами и тоже протискиваются… скоро

давка здесь будет больше, чем в том поезде в Росток… теперь полезли старики и старухи… что у них за язык? местное наречие?.. кто-то мне объясняет… это финны… они собирались ехать в Цорнхоф, именно их мы тогда и ждали[44]! но они больше туда не собираются!.. и Берлин их не интересует!.. они хотят ехать на юг!.. а это первый поезд!.. поезд на Ульм!.. именно так!.. они уже давно его ждут и хотят ехать!.. но здесь не только финны, еще и латыши, и эстонцы… и датчане из Frit-Korps[45]… с последними мне еще довелось встретиться, но позже, гораздо позже… а пока что я описываю вам бардак, царивший на вокзале Anhalt… все хотят только одного: занять кушетки, вытряхнуть отсюда всех командиров, выгнать офицеров голыми на улицу, а их форму и оружие выкинуть наружу через дверь!.. и сапоги тоже! это как спорт!.. все летит! выкидывается! как можно дальше! и отовсюду доносится ругань!.. из каждого купе! и угрозы… разъяренные дамы сражаются с офицерами, выбивают стекла, а офицеры вынуждены ретироваться прямо так,

[44] Примечания: 44

Селин пишет об этом в романе «Север».

[45] Примечания: 45

Frikorps — датский аналог L.F.V. (Легион Французских Добровольцев), бойцов которого Селин потом встретил в тюрьме в Копенгагене.

в пижамах, бежать за своими штанами… в самом большом центральном купе расположился лысый толстяк в халате и с моноклем… дверь в его купе взломали… туда втиснулись сразу пятнадцать человек, которые и устроились на его диванах и двух кроватях… остальные вопят в коридоре… лысый толстяк сопротивляется, но ничего не может сделать… его форма летит через окно… шинель, сапоги… и фуражка… детишки хватают ее, начинают примерять… а потом рвут на части… шпана с платформы… то же самое они делают и с его формой, и в частности, с увешанным наградами мундиром… да там еще и сабля!.. кто же это?.. какой-то немец мне объясняет… это даже не генерал!.. маршал!.. и кто такой? фон Лубб!.. это имя мне ничего не говорит… но ему нужно в Ульм… а этот вагон, да и поезд тоже, направляются в Ульм… как и вся толпа на вокзале, черт бы его побрал! в этом вагоне теперь хуже всего, коридор усеян осколками стекла… как и платформы… ничего не поделаешь… и люди обозлены гораздо больше, чем те, что были тогда в метро[46]… под ногами валяются осколки стекла!.. а сверху с гигантского свода на голову

[46] Примечания: 46
Селин намекает на эпизод из романа «Север».

сыплются куски железа… маршал хочет уйти, пытается выбраться из коридора… да хрен тебе! женщины не желают его пропускать!.. им нужны его тапки!.. он сопротивляется! «ach, nein!.. nein!..» тогда они силой стаскивают с него тапки… а теперь пусть идет! босиком!.. все его офицеры уже разбежались, причем в тапочках… заметив маршала, они бросаются ему на помощь… сейчас они его понесут!.. вот они его поднимают… а что творится в поезде, какой хохот!.. маршал на щите… его несут вдоль поезда… heil! heil! кричат ему!.. фон Лубб!.. фон Лубб!.. schwein! schwein[47]! но самое интересное, что он вполне вежливо им отвечает… schwein!.. schwein!.. пассажиры устроили ему настоящую овацию… свинья!.. а он приветливо машет им руками… кивает головой… наверное, он глухой… его несут человек десять… вот так, на щите… уносят дальше!.. еще дальше, за паровоз… там один… два… три огромных тендера… это вам не какой-нибудь пригородный «челнок»… а настоящий здоровенный состав… и локомотив у него прямо как завод! пыхающий, чухающий… испускающий едкий дым и клубы пара… к нему страшно приближаться, но офи-

---

[47] Примечания: 47
свинья (*нем.*)

церы-носильщики не боятся, их уже двадцать… фон Лубб на щите… просто триумфальное шествие… они передают ему флажок и табличку с их вагона… O. K. W… Верховное Командование Вермахта… механик что-то вопит… обращаясь к ним… я все понимаю:

— Ладно! залезайте!..

Должно быть ему известно, кто они такие… и что их выставили из купе…

Теперь уже они бросаются на приступ!.. первого тендера! по-прежнему с маршалом на щите! вперед сквозь выхлопы и клубы пара… пшшшт! готово! они карабкаются… вот они уже и влезли!.. прямо на уголь!.. все!.. не так уж и плохо… ну а мы-то чего рот раскрыли? поворачиваем и бегом! в наш вагон!.. представляю, что там сейчас творится… но может, драка, которую там развязали, уже закончилась?.. они же сражались, главным образом, ради детей… думаю, и нам следовало сказать, что Бебер — это наш младенец… его ведь не видно в сумке, где он спрятан… да!.. да!.. именно так мы и сделали… Лили его укачивает… женщины у дверцы отказываются ее пропустить… они-то уже устроились!.. да, но Лили ведь акробатка… тут уж ничего не скажешь… она подтягивается на руках! и через окно! там нет стекла, одни

осколки… хоп! она уже там!.. я передаю ей Бебера в сумке… а вот мне будет сложнее… к счастью, тут наши два молчаливые конвоира замечают нас и сразу же подскакивают… хватают меня за ноги и оп!.. вот я и на месте!.. теперь очередь Ля Виги!.. нам остается только протиснуться среди этих пассажиров, литовцев… на ногах или на четвереньках… а может, это боснийцы? даже не знаю… мужчины, старушки… с ума сойти… всюду полно младенцев, полные сетки!.. а какое вокруг верещание… чмоканье! сюсюканье!.. клинк! локомотив дернулся!.. и весь состав тоже!.. мы тронулись… в хвосте есть еще один локомотив, не только спереди… тот, что плюется прямо на платформы… я сам видел…

— Ну вот, Ля Вига, все прекрасно, мы уезжаем!..

И в самом деле, поехали… правда совсем медленно…

— Понимаешь, Ля Вига, дошло до тебя наконец?

Я не слышу ответа…

— К тому же, с нами едет маршал…

— Да уж, конечно, так мы и поверили! он такой же маршал, как и я!

Так ему кажется…

— Знаешь, а ведь от Ростока до Ульма путь

неблизкий!

— Ульм? Ульм? ты что, веришь, что этот Ульм действительно существует?

По правде говоря, мы уже вообще ни во что не верили.

* * *

Но верили мы во что-нибудь или нет, а поезд тронулся… причем довольно мягко… чуххх!.. чуххх!.. кажется, локомотив в голове поезда более нервный, чем тот, что толкает нас сзади… вагоны катятся вперед… а внутри — мы втроем и Бебер в окружении прибалтийских женщин и их сопляков… наверное, они уже обратили на нас внимание… но все-таки, мы влезли, черт побери! в эту кашу из задов, грудей, рук и волос… нас так сдавило, так стиснуло, что никому уже не под силу вытолкнуть нас наружу… у меня на шее примерно три ляжки… а на голове… чья-то нога… просто удивительно, как этот вагон выдерживал подобные нагрузки, казалось, что он вот-вот треснет, развалится на куски, покатится под откос… нас ужасно трясет… и нет никакой возможности посмотреть, в чем там дело… в рельсах, колесах или в путях… хотя, надо сказать, этот поезд все же не так раскачивается и трясется, как поезд с

Балтики… вот там-то мы определенно оттянулись по полной программе!.. этом составе с прокаженными и рыбой… где-то он теперь?..

Впрочем, довольно воспоминаний!.. лучше оглядимся по сторонам!.. женщины переговариваются между собой… да уж, действительно, странные обороты… вот в таком языке, по-моему, вообще понять ничего невозможно… даже самые простые слова, с которыми матери обращаются к своим ребятишкам… ни фига!.. о, но думаю, если бы наше путешествие продлилось чуть дольше, я бы все это быстренько усвоил… хорошие способности к языкам? да этим может похвастаться любой портье в отеле… или даже питон… ведь идиома подобна куску мяса… сперва вы мнетесь, не зная, что с ним делать… и worzt! заглатываете! с удовольствием!.. одним махом!.. ну да ладно… а тем временем поезд все едет, движется вперед, а мы, как я уже сказал, стиснуты внутри… поезд же все едет… точнее даже скачет по рельсам… трах!.. и снова опускается на рельсы, обретает равновесие и катится дальше… вот здесь я хотел бы немного отвлечься, сделать небольшое отступление… я заметил, что вот уже скоро тридцать лет, как, где бы я ни появился, будь то в охваченных пожарами городах, а мы немало их повидали,

полусгоревших или полностью превратившихся в пепел и развалины, от Констанца, что почти в Швейцарии, до Фленсбурга, там, вверху, и даже во Франции, скажем, в Курбвуа, в пассаже Шуазель или на улице Лепик[48], всюду и всегда у меня такое ощущение, что лучше бы мне вообще не рождаться на этот свет… и даже здесь в Медоне, где я веду себя, можно сказать, невероятно скромно, демонстрируя просто неслыханную предупредительность и услужливость, мне все равно постоянно дают понять, что обо мне не забыли… сначала под барабанный бой составляются петиции под барабанный бой, потом барабанный бой начинает звучать все сильнее, и наконец все, о чем раньше только шептались, доносится из граммофонов и громкоговорителей, и уже ни у кого не остается сомнений в том, что я из себя на самом деле представляю… я в десять ужаснее, чем Петьо… гипер-Ландрю… супер-Бу-

[48] Примечания: 48

Селин часто упоминает в своих романах эти три места: Курбвуа — парижский пригород, где он родился; пассаж Шуазель — место, где прошло его детство; на улице Лепик на Монмартре он жил с 1931 по 1938 год.

гра[49], предатель, постоянно меняющий свои обличья, порнограф, у которого аж сто членов… о, я ко всему этому уже привык!.. невероятно, но факт: и в Копенгагене, и на Монмартре, и в Цорнхофе в Пруссии со мной происходит одно и то же… то же самое будет и в Гонолулу… и у меня еще хватает наглости жаловаться! а те несчастные, что вынуждены со мной общаться! да им памятники при жизни надо ставить: quos vult perdere[50]! (читайте дамские романы.)

Но к делу! я отвлекся и забыл про наш поезд!.. мы были в нем настолько сдавлены, стиснуты, спрессованы, сжаты… что постепенно, мне кажется, из нас выдавили абсолютно все жидкости: мочу, пот и кровь… а вагон все скакал по рельсам, и думаю, он бы с удовольствием перевернулся и вывалил нас на какой-нибудь развилке… но как это ни странно, пока что мы продвигались

---

[49] Примечания: 49

Селин часто упоминает в своих романах эти три имени. Доктор Бугра был обвинен в убийстве в 1925 году после того, как у него в шкафу обнаружили труп. Был приговорен к пожизненной каторге и отправлен в Гвиану, откуда почти сразу бежал в Венесуэлу, где бесплатно лечил бедняков до самой смерти в 1961 году. Дело Ландрю привлекло к себе внимание французской общественности между 1919 и 1921 гг. Ландрю был обвинен в том, что убивал женщин, с которыми знакомился по объявлениям в газетах. Его казнили 25 февраля 1922 года.

[50] Примечания: 50

Намек на латинское изречение: Quos deus perdere vult, dementat prius — Кого бог хочет погубить, того прежде всего лишает разума.

вперед… в просвет между чьими-то бедрами и затылками я вижу, как мы проезжаем луга, рощи и какую-то ферму… даже две… о, да там резвятся ребятишки!..

Ульм — это конечная станция!.. кажется, мы должны проехать Лейпциг… хотя я не уверен… увидим… а вдруг вообще все это сплошное вранье? и они просто возьмут и высадят нас на каком-нибудь лугу?.. в Ростоке репетиция ведь уже состоялась… хотя мы по природе своей довольно выносливы, и мы не раз уже это доказали… во всяком случае, мне так кажется… я делюсь своими соображениями на этот счет с Лили и Ля Вигой… они совершенно со мной согласны… наконец-то нам удалось выпрямиться и встать, потеснив остальных… думаю, это исключительно благодаря тряске… вот уже целых два часа мы наблюдаем за мелькающими за окном деревьями… однако мы всем довольны и ни на что не жалуемся, как другие… мы и наш кот вообще крайне неприхотливы… возможно, мы, в отличие от остальных, просто ко всему привыкли, потому что нас все постоянно третируют, отовсюду гонят и дергают то туда, то сюда… о, неужели… я оказался прав… вот и перрон… и надпись: ЛЕЙПЦИГ… большими красными буквами… отлично!.. поезд замедляет

ход… да! это остановка!.. тут есть и другие объявления… «выходить из поезда запрещено»… Verboten!.. вдоль платформы стоят жандармы… вижу, нас уже ждут… а вон и барышни с кувшинами… полными до краев… они выстраиваются в цепочку и передают нам их через окна… ведь стекол-то нет… и через проемы дверей тоже… это бульон!.. конечно, это вполне может оказаться какой-нибудь отравой, прокисшим пойлом… но кажется, это не так!.. остальные уже пьют… ладно! а где же кружки? нужны кружки… у них все предусмотрено!.. даже буханки хлеба… часть кувшинов предназначена для матерей с детьми… там молоко! молоко! milch! и рожки… есть и рожки… весь вагон присасывается к ним… матери сосут быстрее, чем младенцы… чмок! чмок! им даже соски не нужны… а вот и еще один кувшин!.. к нам подходят молоденькие девушки из «Красного креста»… эти тоже кое-что принесли, похлебку, варенье… чтобы эти несчастные прибалтийские матери с детишками прекратили хныкать… весь вагон требует еще!.. milch!.. milch!.. но самое интересное, что никто и с места не сдвинулся… никто не пытается никуда выпрыгнуть… все соблюдают правила… Aussteigen verboten! Verboten!

Так, кажется, локомотивы опять запыхтели…

точно!.. опять полетела сажа… и еще какая!.. густая… застилающая все вокруг… она сразу же окутала весь перрон вместе с барышнями из Rote Kreuz… и жандармами… мы втроем держимся за руки… поезд тронулся, но нам ничего не видно… в этой тряске нас вполне могли разъединить другие тела… эти тела что-то бормочут! здесь ведь еще и младенцы… ой!.. ой!.. папаши, дедушки!.. что у них за язык… а локомотиву на все плевать… мчится себе вперед… чухх! чухх!.. кажется, мы катимся под гору… мы отъехали уже довольно далеко… ну прямо настоящий «экспресс»… в просвет между чьими-то ногами мне видно какую-то насыпь… теперь сажи уже меньше, хотя глаза все равно щиплет… да! вон и деревья!.. и скалы… я вспомнил… Харрас же мне сказал: вы проедете под горами Эйфеля… должно быть, это они и есть!.. либо Эйфель, либо Таунус[51]… во всяком случае, мы едем вниз… а может, это другой массив?.. Гарц[52]? но все-таки, мне кажется, что это Эйфель!.. или же Таунус!.. я вслушиваюсь в то, что говорят вокруг…

литовки говорят только по-немецки… а кто эти

---

[51] Примечания: 51
Таунус — горный хребет на юге Рейнских сланцевых гор.

[52] Примечания: 52
Гарц — горный массив в Германии.

другие женщины?.. латышки?.. финки? ладно, главное, чтобы этот поезд доехал… и чтобы нас не раздавило в туннеле… такое тоже вполне возможно… может, этого им и нужно?.. впрочем, от нас уже ничего не зависит… как и тогда, в поезде Росток-Берлин… к концу этого путешествия мы должны мумифицироваться и прокоптиться, ведь мы здесь набиты, как сельди в бочке… ну и что с того?.. какая разница!.. самое главное, что мы едем! так ведь?.. поезд теперь катится как будто сам собой… у меня такое впечатление… неожиданно вся эта махина как будто проваливается в пропасть, раздается ужасный грохот… пролетаем! один свод! другой! я чувствую удушье… и вдруг резко тормозим, раздается скрежет, поезд ползет вперед… ррррии-ии… потом назад… опять вперед… нас толкает то туда, то сюда… и вот опять!.. о, да это не просто толчки!.. сверху падают бомбы! на самом деле… один раз!.. другой! они бомбят! хвост нашего поезда… заднюю часть!.. к счастью, мы уже в туннеле… им не повезло!.. брум! еще раз тряхануло… неужели, попали по последним вагонам?.. наверное, следовало бы пойти к выходу!.. именно это и собирался сделать Ля Вига.

— Нет, малыш! нам придется слишком долго

добираться!

Я пытаюсь его успокоить… Ля Вига собирается мне что-то ответить, но его прерывает ужасный удар… вокруг все черно, сажи здесь больше, чем воздуха… кажется, мы уже почти парим надо всеми этими семействами… одновременно на нас обрушится еще одна взрывная волна… с другого конца туннеля… вот это номер! да они крушат туннель! собираются обрушить гору и своды!.. бомбы летят пачками… они решили все тут развороти́ть и добраться до нас, до нашего поезда! теперь мы сидим, съежившись, прямо как крысы… при каждом ударе сверху, с воздуха, мы все больше спрессовываемся с этими людьми… можете себе представить, что происходит с вагонами, как они трясутся… весь состав дребезжит, раздается лязг цепей и звон остатков стекол, и все это сопровождается воплями… а вот и цепи лопаются, падают, скребут по гравию… вокруг периодически мелькают вспышки! так что можно рассмотреть свод… от одного конца туннеля до другого… у нас не просто искры из глаз сыплются, а целые снопы искр!.. каждая бомба буквально сотрясает поезд… толчки сверху!.. снизу! еще раз!.. трррах!.. ну прямо как на аттракционе в Луна-парке!.. однако это не смешно!.. какой-то

железнодорожный аккордеон! ах, вот взорвалась одна мина! бррум! еще одна!.. они пытаются взорвать скалу! ту, что сверху, и добраться до самого туннеля!.. этого только не хватало… от таких сотрясений может покорежиться поезд… ну и удары… гидравлические… похоже на то… хотя на вид этот состав довольно прочный… впрочем, такое же впечатление производили и другие… все это продолжается уже два часа… матери стонут… задыхаются… выплевывая сажу и серу прямо на своих детишек… что там происходит сверху? а сбоку? мне ничего не видно, только слышно… все время раздается жуткий скрежет железа… и еще бум! и трррах!.. вероятно, несколько головных вагонов уже разнесены вдребезги… все пассажиры выходят!.. раздаются приказы verboten! verboten! ну да, как же!.. да пошел ты!.. вокруг все уже делают ноги, никто никого не слушает!.. в нашем вагоне тоже царит паника… так!.. на четвереньки, и вперед по булыжникам, вдоль туннеля!.. на коленях… при каждом ударе с воздуха все сворачиваются в комки и катятся кувырком под вагоны… даже в метро я такого никогда не видел… хотя несколько раз между

«Римом» и «Сен-Лазаром»[53]… меня и заставали тревоги… и тогда в Берлине, на Tiergarten[54], тоже была разъяренная толпа… но все это не идет ни в какое сравнение с этим туннелем, забитым задыхавшейся ребятней и прибалтами… да еще в полной темноте… представляете? от одного конца туннеля к другому проносятся ураганные порывы, я не преувеличиваю, даже своды над нами трепетали… настоящий тайфун в туннеле… в конце концов, думаю, здесь все рухнуло… уверен… должно быть, так многие и закончили свою дни… в Гарце?.. или же в Таунусе?.. мне об этом рассказывали… но одних «рассказов» мне недостаточно… если я когда-нибудь закончу эту книгу, обещаю, специально съезжу туда, чтобы лично убедиться, удалось ли им сравнять с землей все эти горы… снести хребты, которые всегда так нравились туристам… засыпать все входы и выходы…

Так вот, пока я тут с вами разглагольствую, вокруг меня на земле повсюду распластались люди, которые уже заполнили весь туннель, и больше никому не подчинялись… в туннеле бушевал

---

[53] Примечания: 53
Названия парижских станций метро.

[54] Примечания: 54
Селин описывает этот эпизод в берлинском метро в романе «Север».

ураган, летели куски металла, булыжники и раздавались взрывы… стоило только приподнять голову… бум! и черепушки как не бывало!

А ведь эти вагоны были целиком из металла, такие крепкие и надежные, но и они все равно тряслись, дергались, сжимались и стонали, как аккордеон… причем не только наш вагон, а весь состав, от начала до конца, от головного локомотива до последнего вагона… не понимаю, как он вообще держался, от такой тряски он бы должен был уже давно развалиться на части, этот поезд, и вывалить наружу все свое добро и людей… ан нет! налетит вихрь с какого-нибудь конца, и весь поезд вдруг бр… р… ранг! и снова выпрямился!.. а потом опять затрясся… в потоке сажи и серы… настоящие конвульсии!.. невероятно… казалось, что поезд катало по туннелю туда-сюда… что он скачет то вверх, то вниз, в такт ударам бомб!.. то взад, то вперед… тем не менее, я не сомневался, что это было только начало!.. ага, вот и еще!.. я вижу пламя… знакомая картина!.. желтое!.. это фосфор!.. неплохо!.. все ясно, эти бомбы… наполнены жидким фосфором!.. и фосфор разливается… честно говоря, я не представлял себе, как мы отсюда выберемся… каким образом?.. до мамочек, что ползали по булыжникам, наконец дошло, что

их ползание ни к чему не приведет, лучше уж встать и бежать… но куда?.. через потоки пламени?.. ну нет!.. лучше проползти под поездом на ту сторону!.. туда, где не было фосфора… к другой стенке… кажется, они хотят вернуться обратно в Лейпциг!.. и вопят об этом!.. какой-то старик мне переводит… в Лейпциге у них будет все!.. они сами видели! все!.. в Лейпциге есть все! молоко!.. бульон!.. похлебка! Rote Kreuz!.. Красный Крест! нужно вернуться туда!.. главное, выбраться из туннеля… и не садиться обратно в поезд… его все равно разбомбят, РАФ от него ничего не оставит! никто не спасется! у самого выхода из туннеля: брум! стоит только прислушаться! самолеты все тут испепелят! спасайся кто может! на булыжниках остаются лежать тела… это старики, и те, кто в обмороке… я не собираюсь уточнять, что с ними! а, вот и какой-то офицер!.. он тоже пробирается по булыжникам… между стеной и поездом… при свете фосфора… видно почти все от одного конца туннеля до другого… должно быть, это один из тех офицеров, которых выгнали в пижамах из вагона O. K. W… вместе с маршалом фон Луббом… он опять нацепил свои эполеты и витые шнуры, прикрепил их прямо к пижаме… он заметил меня и обращается ко мне по-французски… ему из-

вестно, кто мы такие, хотя вокруг темно, да и мы сами покрыты сажей… и, черт возьми, мы ведь ведем себя крайне скромно… даже наш кот Бебер в своей сумочке… но ему известно, откуда мы едем… Росток-Берлин… рыбный поезд… вся информация… кто… что… куда… откуда… подумать только, оказывается, даже во время самых ужасных катаклизмов, о вас уже все всем известно, причем до таких мельчайших подробностей, что вам остается только рот раскрыть от изумления… люди приписывают вам все, что хотят, все выворачивают наизнанку, изображают вас так, как им заблагорассудится, и вам нигде от них не скрыться… даже здесь в этом туннеле, в этой фосфорной печи, под обстрелом шрапнели с обоих концов, в этой пылающей мясорубке, где вот-вот начнут плавиться рельсы и вагоны… ни нам троим с Бебером, ни этому нахальному офицеру… да и этому маршалу фон Луббу тоже!.. вместе со всеми прибалтийскими женщинами и младенцами… сплетни будут существовать всегда и везде! где бы вы ни очутились! неважно, где! хоть на оголенных пиках Эвереста или Невады… они всегда вас опережают! и все больше и больше обмусоливаются… в самом сердце Везувия происходит то же самое! в глубине скал, под мириатоннами

лавы и потоков расплавленного железа!

Но довольно гипербол! теперь факты… возвращаемся в туннель! как я уже сказал, там была настоящая мясорубка для мамаш, детишек и стариков из уже не существующих прибалтийских, субпомеранских, лапландских и еще более экзотических стран… в это трудно поверить, но на нас действительно все косились с большим интересом, причем исключительно на нас троих… кто мы такие?.. откуда?.. любопытство… при том, что сами они прибыли черт знает откуда, а Франция для них вообще ничего не значила… они о такой стране никогда даже не слышали… тем не менее, они задавали друг другу вопросы… продолжая ползти по рельсам… если вы всех так интересуете, то вас уже никогда не оставят в покое… даже в самых жутких туннелях… можете мне поверить… сплетням ничто не может помешать, никакие преграды… да и вы сможете узнать про себя и Бебера такое, что вам самим никогда бы даже в голову не пришло!.. возьмите хотя бы этого офицера, который к нам подошел… как он нашел нас во всей этой подземной неразберихе, откуда узнал наши имена?

— Доктор Детуш!.. это ведь вы, не так ли?.. а это ваш друг Ле Виган? и ваш кот Бебер? мое почте-

ние, мадам!

Он говорит по-французски отрывисто, сухо, но четко…

— Разрешите представиться, мадам! честь имею!.. капитан Гофман, седьмой инженерный полк… штаб маршала… кстати, господа, вы случайно не видели маршала?.. ну, вы же знаете, он был на втором тендере?.. маршал фон Лубб!..

— Нет, капитан! нет!

— Черт знает, что творится, ничего не понять!.. он же был на самом верху, на куче угля… мы с офицерами и машинистами все перерыли… но его нигде нет… даже уголь проверили… а поезд нужно отправлять!.. эскадрильи скоро опять вернутся… нам известно… и на сей раз с запасами бомб… представьте себе… и тоже с фосфором… с жидким…

— О, конечно, капитан! вы правы!

— Этот туннель просто затопят…

— Совершенно верно.

— Поезд нужно отправлять!

Да, кстати…

— Капитан, мамаши отказываются возвращаться в поезд… боятся!

— Тем лучше! тем лучше!

Все, что угодно, только не этот поезд!.. они хотят

вернуться в Лейпциг… по путям… по насыпи… по гравию!..

— Тем лучше!.. тем лучше!

— В Лейпциге им давали молоко! они боятся ехать в этом поезде! боятся ехать в Ульм!..

— Конечно! конечно!.. как им угодно! ну а мы уезжаем! у нас только десять минут… взгляните-ка на свои часы…

Он светит мне… своим фонариком… я делаю вид… что что-то вижу…

— Да, да, капитан!..

На моих часах нет ни стекла, ни стрелок…

— На насыпях уже путевые рабочие… через двадцать минут эскадрильи пополнят запасы бомб… и опять взлетят… а может, и раньше!..

Похоже, этот капитан Гофман не ошибается и знает, что говорит… плевать ему на всех этих мамаш и семейства, пусть себе отправляются обратно в Лейпциг… в Красный Крест за сосисками и бульоном!.. через двадцать минут сюда хлынет настоящий поток фосфора…

Я спрашиваю у него, который час, ведь мои часы сломаны!

— Без пяти шесть!

— Вечера или утра?

— Вечера!.. скоро сами увидите! будет светло!..

они всегда начинают с этого… знаете? с фейерверков!..

Знаем ли мы!.. да мы уже насмотрелись на эти фейерверки!.. на Монмартре!.. у Рено!.. в Безоне!.. в Берлине!.. розовые… зеленые… голубые… фейерверки! конец света тоже начнется с этих фейерверков! я говорю ему: «вот и дождались праздничка!» он согласен…

— А какая иллюминация! что за букеты!..

Да, этот капитан Гофман не такой уж и зануда, как я погляжу… и совсем не злой… отнюдь… а я-то подумал… мы часто относимся к людям с предубеждением! а как же маршал? его маршал? Лубб?.. он о нем больше не вспоминает… и в самом деле! может, он сбежал со своего тендера? вернулся в Лейпциг?.. и он тоже? один или вместе с прибалтами?.. позже узнаем… скоро поезд отправляется, так что лучше нам занять свои места… и что, опять в том же маршальском вагоне? надо спросить у него… у этого капитана должны быть полномочия… я думаю о женщинах, которые так стремятся обратно в Лейпциг… я-то обратил внимание, как нас там встретили… выходить запрещено, verboten!.. представляю, какой их там ждет прием! ладно! раз им так хочется, то пусть попытаются! и у нас тоже есть еще

один шанс!.. поезд больше не трясется, не сходит с рельсов, хватит с нас этой эксцентрики… по местам!.. если нас куда-нибудь выгонят, перейдем… наш капитан инженерных войск, кажется, все еще ищет маршала… опрашивает семьи, те, что не сумели пролезть под поездом… и перейти на другой путь в туннеле… никто ничего не видел, все-таки, не стоит забывать, что они все время лежали носом вниз!.. ах, вот же вывеска от вагона… O. K. W… нашлась-таки!.. украшенная орлом… может, капитан прятал ее у себя на груди?.. нет!.. ее нашли на рельсах какие-то люди… капитан прикрепляет ее обратно к вагону… и о чем-то их расспрашивает… те ему отвечают… но понять ничего невозможно… какое-то бормотание… кажется, по-русски… похоже… они по-прежнему лежат… капитан Гофман так и не нашел фон Лубба… но достаточно ли хорошо он искал?.. не уверен… то ли он все осматривает, то ли просто делает вид… а нас он не замечает… мы поднимаемся на одну ступеньку… на вторую… ну вот, мы уже и в коридоре… все купе усеяно осколками стекла… они гораздо более острые и опасные, чем булыжники… такое под силу только факирам!.. тем не менее, кое-как, похрустывая, я прохожу вперед!.. в салон маршала… он пуст… никого!.. ан

нет! на середине дивана лежит закутанный младенец… младенцу не больше месяца… но он не кричит… какая-то мамаша положила его сюда… я подхожу… смотрю… младенец как младенец… и чувствует себя неплохо… не болен… крепкий малыш… и что же дальше? где капитан Гофман?.. я зову его… он сразу же подходит… он оказался тут, неподалеку…

— Посмотрите на него… у нас же нет ни молока… ни соски…

Пусть позаботится… я ставлю его в известность… ведь он же здесь командует?.. насколько я понимаю… никаких других командиров я здесь не вижу… но времени у нас в обрез… если мы берем этого малыша с собой, нам нужно молоко…

— Он сможет доехать до Фюрта?

— А сколько ехать до Фюрта?

— Шестьдесят километров… часа два… или полтора… он потерпит?

— Думаю, да… полтора часа…

И вдруг он нас освещает!.. направляет на нас свой фонарик… причем, довольно мощный фонарик… и внимательно на нас смотрит… я бы даже сказал, он нас рассматривает… впервые он нас по-настоящему увидел… и мы тоже! впервые рассматриваем его… до чего мы грязные, липкие

от копоти, просто смешно!.. все четверо!.. но сейчас нам не до смеха… самолеты скоро вернутся, он же нам сказал, с новыми запасами, примерно через десять… двенадцать минут… я еще раз его переспрашиваю…

— Обязательно!..

Интересно, если бы мы сказали, что этот новорожденный не сможет потерпеть до Фюрта, он бы нас высадил? но пока что мы остаемся… как я уже сказал, этот капитан говорит по-французски… он показывает нам на карте, где мы находимся, ему это известно… и судя по всему… путь у выхода из туннеля не слишком разрушен… кажется… а это значит, что наш поезд, как только выедет из туннеля, сможет быстро набрать скорость, до тридцати, тридцати пяти километров в час и помчаться вперед… а рабочие тем временем будут укреплять обе насыпи… прекрасно! прекрасно!.. мы все втроем устраиваемся, вместе с новорожденным на маршальском диване… «агунчики! агугунчики!» вот чем мы теперь занимаемся… малыш не смеется… но и не плачет… нам даже не во что его перепеленать… а нужно бы… вот и остальные офицеры… один за другим… спотыкаясь об осколки… снова расходятся по своим купе… они уверены, что мы приедем в

Ульм… главное, чтобы поезд тронулся… наше присутствие в маршальском купе не особенно их удивляет… они справляются у нас, чей это младенец… не наш ли?.. нет!.. и начинают сюсюкать… «агугу! о!..» младенцы не говорят ни на одном языке, в этом смысле, у них нет национальности… им все равно!.. большинство из офицеров сами отцы семейств… они показывают нам фотографии… своих жен… детей… очевидно, это штабные офицеры, но мне нет смысла их о чем-либо расспрашивать… откуда они?.. постепенно они и сами мне все расскажут… пока же я вижу, что они из разных родов войск: артиллеристы, летчики, интенданты… и наверняка, все говорят по-французски… просто сейчас не хотят… или боятся… а тому, должно быть, разрешили… ну вот теперь, кажется, все вернулись на свои места… весь штаб… а где же маршал?.. о нем никто не вспоминает… неужели свалился под тендер?.. он же сидел на куче угля… высоко… это ничего не значит!.. ну а мы-то уж знаем!.. надо держать язык за зубами!.. что бы ни случилось! только бы поезд поскорей отправлялся!.. чухх! чухх! ну вот и поехали… ан нет!.. не совсем… пока просто попытались… и в голове… и в хвосте… так… наконец-то!.. мы трогаемся…

— Неужели мы едем?

— Мы выехали из туннеля…

— Браво, капитан!

Я стараюсь держаться как можно бодрее.

— Браво!.. браво!..

Они все же восстановили пути, а самолеты пока что не вернулись…

— Через пять минут они будут здесь…

Ему виднее.

— Но мы будем уже далеко!..

Я говорю это очень громко… чтобы меня все слышали! все-таки, это вагон О. К. W… и раз уж мы здесь! мы должны всем демонстрировать присутствие духа!.. малыш, лежа между нами, начинает смеяться… точнее, пытается, выражает желание… с этим малышом легко, он здоровый и не нытик… уверен, он радуется не столько нашим «агугу», сколько тому, что поезд наконец поехал… у нас нет ни пеленок, ни полотенец, нам нечем его перепеленать… нечем!.. впрочем, Лили поискала и кое-что нашла… три рубашки под подушкой… чье это?.. неважно, нужно сменить ему пеленки… «агугунюшки»!.. этот капитан Гофман прекрасно информирован… если поезд не взорвется, то к полудню мы будем в Фюрте… шестьдесят километров… о, он ничего не гаранти-

рует!.. уверен, что патрули РАФ заметили, как мы выехали из туннеля с нашими двумя пыхающими локомотивами в голове и хвосте… настоящий вулкан сажи… если они нас не бомбят, значит, просто не хотят! но страшнее всего для нас оказалась не темнота, а ужасная резь в глазах, просто до невозможности, я не могу ничего разглядеть через окна… горы это или уже равнина… без сомнения, мы уже выехали из туннеля… за окнами — сельская местность… а, вот и мост!.. у меня такое ощущение… остальные тоже ослепли, как и я… я имею в виду Лили и Ля Вигу… они трут себе глаза и только усиливают раздражение… а вот на капитане специальные очки, он запасся ими на случай газовой атаки, у него все предусмотрено… я спрашиваю у него…

— А этот туннель был длинный?

— Шестьсот двадцать пять метров…

— У вас в Фюрте есть врачи?

— В Фюрте есть все, что нужно… но сперва нам нужно туда доехать!..

— Конечно!.. конечно!..

Кажется, путь все-таки не разрушен… «мародеры» или другие самолеты могли бы поработать и лучше… высоко наверху слышен шум моторов… наш поезд продолжает ехать… по-прежнему…

и как мне кажется, довольно быстро… даже слишком быстро для него… так, а теперь надо бы поинтересоваться судьбой прибалтийских женщин с ребятишками, которые отправились в Лейпциг…

— Как вы думаете, они туда уже добрались?

— Нет!

Капитан категоричен!.. мы едем еще какое-то время… потом чуть замедляем ход… вот и какой-то перрон… это Фюрт… опять полетела сажа! визг тормозов!.. какая-то вывеска… да, мы приехали… кажется, этот вокзал не бомбили… мне это сразу бросается в глаза! Wartesaal… зал ожидания… хоть я и моргаю, но это рассмотрел… я спрашиваю у остальных, они видят то же самое… а вот и санитарки!.. уже ждут… как только поезд подошел к перрону… капитан Гофман зовет их на помощь!..

— Schnell!.. Schnell!..

Надо разобраться с нашим сосунком… на диване!.. Лили берет его, передает мне… а я сестре… наверняка это «матушка», ну вы же знаете, из протестантского ордена сестер милосердия… вероятно, их предупредили их Лейпцига… так!.. готово!.. запеленатого малыша уносят!.. а вот и еще!.. целая куча сандвичей! для нас… и целая бутылка пива!.. может, они приняли нас за па-

ломников, вроде тех, что в Шартре? или в Лурде?.. да! да! а так, в общем-то, и есть… не совсем, но почти… Спасение!.. это именно то, чего мы все ищем!.. спасение требуется так же этим паровозам и штабу О. К. W.!

— Доктор!

Капитан хочет со мной поговорить… именно со мной!.. с глазу на глаз!.. я иду за ним… спотыкаясь об осколки… мы выходим в коридор… один вагон… другой… вот мы и пришли… в купе, которое он искал… пустое…

— Послушайте, доктор!.. мои товарищи офицеры были против вас, и против вашего друга актера…

— Понимаю вас, капитан!.. я вам чрезвычайно признателен…

Ничего нового я от него не услышал… в положении прокаженного есть свои преимущества, потому что вам уже не нужно ни с кем быть вежливым, вас отовсюду гонят, а вы только того и ждете!.. я наблюдал в Ростоке за прокаженными… им явно нравилось, когда их выгоняли, выталкивали, выбрасывали в снег! а потом — раз! ударом сапога перекидывали в другой сугроб!

— Я вам чрезвычайно признателен, капитан Гофман…

— Но это еще не все… в свою очередь… я хочу попросить вас об одной услуге!..

— Ну конечно же!.. я в вашем распоряжении!

— Ну так вот!.. мы, я имею в виду штаб, выходим в Аугсбурге… там, в Аугсбурге, формируют две украинские армии… вы не в курсе?

— Нет капитан! впервые слышу!

— А вы втроем вместе с котом отправитесь в Ульм… без промедления!.. sonderzug… вы меня поняли? на этом поезде ведь должны были ехать прибалты… так что у вас будет много места!.. целых четыре вагона!.. и все пустые! Аугсбург пока еще не разрушен… слушайте меня внимательно!.. до Ульма примерно час езды… и вы приедете туда во время похорон…

— Какое это имеет значение, капитан?

— Вы должны знать!.. военные похороны… похороны генерала Роммеля… вас, естественно, это совершенно не интересует… Роммель?.. вы ведь о таком никогда не слышали!.. но там будет… внимание! это имя я прошу вас запомнить… маршал Рундштедт!.. ничего не записывайте, просто запомните… маршал Рундштедт!.. и еще одно имя: капитан Леммельрих… он всего лишь капитан… капитан, как и я… но из штаба Рундштедта… надеюсь, вы запомните… Леммельрих?..

я вам доверяю… могу я вам доверять?

— О само собой, капитан!..

— Ну так вот… в церкви… вы подойдете к этому Леммельриху… вы его сразу узнаете… это несложно… капитан немного похож на меня… высокий мужчина, худощавый, седой… и только одна фраза… «вашей дочери в Берлине уже лучше»… это все… он вам ничего не ответит… но вы должны сказать ему по-французски «вашей дочери в Берлине»… он все поймет…

Я стараюсь никак не выказывать своего удивления! Но подумать все-таки не мешает… пока я тут сижу… наверняка он за мной наблюдает… поезд все едет… едет… едет… можно сказать, все спокойно… если не считать того, что даже после нашего выезда из туннеля сажа по-прежнему заполняет вагон, перелетая из окна в окно, причем такая густая, что глаз лучше не открывать… правда ему в его специальных очках это не страшно…

Да! да! это здесь… поезд останавливается… вокзал… Ульм!.. всюду надписи… можно выходить… нас никто не задерживает… жандармов нет… мы выбираемся из облака сажи… вот и вокзал, его, кажется, даже не обстреливали… похоже так, но посмотрим… нам бы не мешало отдохнуть! отдохнуть? да мы только это и делали, что отдыхали, с

самого Ростока… настоящего покоя, правда, у нас не было… куда нас только не заносило! то туда! то сюда!.. к прокаженным на разбитые пути… в удушливые туннели… но зато теперь мы выходим на перрон!.. проходим через зал ожидания… а вот и перистиль со скамейкой… мы так вымотались, что даже на этой скамейке чувствуем себя вполне сносно… однако, похоже, Ля Вига не в духе… ему явно не понравилось то, что мы с капитаном решили уединиться и отправились беседовать в другой конец поезда… он был очень раздражен и смотрел в небо!.. а погода стояла просто прекрасная, было великолепное майское утро… надо бы мне с ним поговорить, чтобы не дулся…

— Взгляни, какой прекрасный проспект… и прекрасный прежде всего потому, что на нем никого нет… стоит здесь появиться людям, как все очарование развеется… люди сразу начинают суетиться… не могу сказать, чтобы они постоянно делали гадости, просто уж больно они все убогие… смерть действительно все очищает…

Обычно ему нравились такого рода шутки, полные ложной многозначительности… тексты для мрачных героев… гамлетов для всеобщего пользования…

Никакой реакции!

— Ну что, как я вижу, ты собой доволен?

Вот и все…

Да, я забыл описать вам это место, наверное, я просто потерял какие-то страницы, так как я все уже записал… теперь мы находились не на вокзале… а на перистиле, откуда спускались ступени прямо к расстилавшемуся внизу проспекту шириной с Елисейские поля, окруженному величественными деревьями… кстати, воздух в Ульме был очень чистым… никаких заводов… никаких машин… и ни на вокзале, ни на тротуарах — ни души!.. здания стоят… но по-моему, пустые… ан нет!.. кое-кто все-таки есть! но не там, у окон, а рядом с нами! сидит… наверняка, этот тип слышал, о чем мы говорили… старик с бородкой… кто это такой? я обращаюсь к нему…

— Guten tag!

Однако внятного ответа от этого старика не последовало… какое-то ворчание… попробую еще раз…

— Es geht? как дела?

— Nein! плохо!

Он не слишком разговорчив… не думаю, чтобы мой внешний вид имел какое-либо значение, а вот, взглянув на него, сразу можно понять, что он наверняка где-то кем-то служит… полицейский…

или военный… забавно!.. эта форма мне незнакома, хотя каких только форм и нашивок я не видел после Баден-Бадена… и Моосбурга… придется его спросить… он отвечает…

— Feuermann!.. пожарник… Hauptmann!.. капитан!

Опять мне приходится переводить… этот капитан-пожарник говорит только на языке фрицев… да! ни слова по-французски! и в самом деле, он немного странноват… обычно тут у любого, кто хоть немного пообтерся и получил хоть какое-то образование, пусть даже весьма своеобразное, где-нибудь в местном Сен-Мэксане, только одно на уме: чувствовать себя во Франции как дома, болтать, общаться, быть в центре внимания, чтобы вокруг них постоянно суетились услужливые девушки, а у камина собирались очарованные ими господа и дамы… ценители Французской Драмы… и все светские люди, самые сливки общества… ах, Святая Катерина! ах, Анналы!.. Сталинград? мы и не такое видали! а о чем сейчас пишут в Н. Р. Ф.? сразу слышатся стоны! поцелуйте Гастона! а как вам тот ребеночек на черной мессе у Мориака… ах! ах! ах!.. нет, в обществе этого бородача можно было отдохнуть от всей этой бессмысленной болтовни, однако мне хотелось

бы знать, откуда он… я интересуюсь у него…

— Я слишком стар и уже не помню… ну а вы сами-то откуда?

Этот старик чувствует себя хозяином положения.

— Я врач, а мой друг — актер…

А, врач… он тут же заинтересовался… настоящий врач?.. он сомневается… ему нужны доказательства… да пожалуйста!.. в одном из моих шестнадцати бумажников… кое-что найдется! даже и официальные!.. доказательства!.. у меня четыре… или пять карманов… набиты этими доказательствами!.. есть и на немецком… из их министерства… Erlaubnis!.. мне было не так просто его получить… так!.. он достает свои очки… смотрит на меня… и читает…

— Это вы?..

— Ну в общем, да!.. во всяком случае, не кто-то другой!

Он начинает меня раздражать, этот недоверчивый капитан пожарников!

Ну ладно!.. тогда я должен его осмотреть! сейчас же, таково его требование!.. я должен прощупать ему живот!.. согласен!.. но где?.. не на ступенях же!.. он знает одно место, здесь неподалеку!.. на вокзале!.. куда он собирается нас вести?.. он

мне показывает… на какое-то окно… встает… с трудом… он не может выпрямиться целиком, только наполовину… весь кривится… может, ему помочь… но он отказывается и хочет подняться самостоятельно… сам… я предлагаю ему свою трость… даже две трости!.. nein! теперь мы наконец рассмотрели его форму… неужели и вправду пожарник? он опять садится… все понятно, он собирается карабкаться со ступеньки на ступеньку на четвереньках… а это окно, кажется, на четвертом этаже… ну там, где это его место… ступенька за ступенькой, однако мы все еще не дошли!.. пора бы кое-что выяснить… теперь он не возражает… кажется, начинает мне доверять…

— Меня зовут Зигфрид… Hauptmann Зигфрид… но это не настоящее мое имя, меня переименовали!.. кажется, это было необходимо… другие тоже изменили свои имена…

А форма?.. эта форма?.. она тоже ему не принадлежит!.. его форма сгорела в Пфорцгейме… почему?.. да потому, что там собрались все пожарные из Ульма тушить пожар после бомбардировки… бомбы и фосфор… обычное дело… две недели назад… и во Франкфурте на Рождество, они тоже были, все пожарные Ульма… а за два месяца до того и в Штутгарте…

— Раньше у нас было шесть насосов… и сто десять человек в штате!.. а теперь осталось только пять!.. пять пожарников! und noch! und noch!.. кроме того! только один насос, один!.. пять feuermanner у себя дома… verstehen sie?.. вы понимаете?.. пожарники?.. все лежат у себя дома… с ожогами!.. и в моем распоряжении остался только один насос!

Остановка! надо посидеть… передохнуть!.. это же на четвертом этаже?.. мы пока не дошли! я считаю… еще, по меньшей мере, пятьдесят ступеней!.. во всяком случае, на той лестнице, по которой он собирается идти, для служебного пользования… внутренней… я смотрю на него: он сидит… что с ним такое?.. ревматизм?.. табес?.. он ведет нас к начальнику вокзала… на четвертый этаж… со ступеньки на ступеньку… кажется, у него неплохо получается… к тому времени, как доберемся наверх, мы окончательно подружимся…

— Меня зовут Зигфрид… Hauptmann Зигфрид… но это не мое имя… это имя мне дали недавно… нам всем пришлось изменить имена… кажется, из-за шпионов… все остальные тоже изменили имена… а эта униформа?.. она ему тоже не принадлежит!.. его форма сгорела в Пфорцгейме… все

пожарники Ульма были в Пфорцгейме… да!.. да! я уже понял!.. и во Франкфурте, как раз на Рождество… и это я тоже уже слышал… и в Штутгарте… он выпрямляется с каской в руке…

— Но почему вы изменили имя?

— Не я!.. власти! я вам уже сказал! ведь у нас всюду шпионы!.. это было необходимо!.. и сразу же получил чин капитана!.. до этого я был адъютаном!.. десять лет я был адъютаном!.. а через день раз — и капитан! быстро, не так ли? быстро!.. но у нас совсем не осталось лейтенантов!.. и капитанов!.. все погибли, сгорели!.. в Пфорцгейме!.. во Франкфурте!.. только капитан Зигфрид!.. вы понимаете?

У них в пожарной команде больше не осталось кадров, но пусть сами с этим и разбираются!.. ни насосов, ни пожарных… а он по-прежнему старался изо всех сил… еще одна ступенька!.. этот человек старше, чем говорит… но, кстати, он же не сказал, сколько ему лет… пробормотал какую-то цифру… уверен, ему уже за семьдесят… мертвенно-бледный, с отечным лицом… наверху разгляжу получше, ведь он хочет, чтобы я ощупал его живот… ну вот, мы и пришли! дверь… на площадке… еще передышка!.. в это мгновение… я вспомнил про капитана инженерных войск… про

его послание для Леммельриха… ну да, так я и стану нашептывать ему на ухо, что, мол, его дочь… трам! тара! рам! ничего, этот Леммельрих перебьется, тоже мне, Святой Отец! ясное дело, что тот, кто не умеет держать язык за зубами, ведет себя как жалкий паяц, как гнусный безмозглый трепач, от таких ублюдков все стараются держаться подальше… ну ладно!.. перед нами дверь!.. я стучу, Зигфрид застыл в неподвижности… нам открывает не начальник, а какая-то женщина… женщина в фуражке, наверное, заменяет мужа… на ней малиновая фуражка, она начальница вокзала… очень приветливая, лет сорока… без сомнения, это фуражка ее мужа, так как козырек спускается ей на нос… а сама фуражка держится на ушах и закрывает даже подбородок… guten tag! guten tag! тут же радостно закудахтала она, увидев нас!.. полное доверие! она сразу же нам все рассказывает… ее муж на русском фронте… она вместо него… а здесь, под кроватью, ее дети, их трое… она зовет их… те отвечают, но очень тихо… три тоненьких голоска… даже дети, и те осторожны, уже научены… я уточняю: две девочки и один мальчик… трех, пяти, шести лет… пусть сидят, где сидят! чтобы никто их не видел, ни на вокзале, ни на улице, иначе их могут забрать, и

вернуть матери только после победы… с другими детьми из Ульма так уже поступили, когда сюда на большую конференцию «Восток-Запад» приезжал фюрер… здесь проходила встреча всех штабов… они устроили облаву! забирали детей для Hitler Jugend!.. так что тем, что под кроватью, лучше не высовываться!.. «Kindern schweigen! Дети, молчите!»… а наш чудак капитан Зигфрид даром времени не теряет, правда ему никак не удается справиться со своими штанами… они не снимались… это были штаны старого фасона, со штрипками… ну вот, готово! боже, до чего же он худой!.. он снова надевает свою каску… идет к окну, прямо так, голый и в каске… у него какая-то идея…

— Хильда, вы видите эту колокольню?

— Ja Krist! sicher Krist!.. конечно, Крист!

— А может, мне оттуда спрыгнуть?

— Nein Krist!.. nein!

Она отвечает ему совершенно спокойно, должно быть, уже привыкла… может, они живут вместе?.. возможно… особой роскоши здесь не видно… что-то вроде отеля «Зенит»[55]… комфорт примерно такой же, но только дыр и трещин в

---

[55] Примечания: 55

Селин описывает свое пребывание в отеле «Зенит» в романе «Север».

стенах не так много… а обои так же отстают от стен… похоже, их здесь частенько трясло… Зигфрид снова принимается надевать свои брюки… вдруг резко оборачивается и окликает Хильду…

— Хильда!.. Хильда!.. этот бездельник интересовался моим возрастом!..

Бездельник — это я…

Она жестами показывает мне ничего ему не отвечать… у него не все в порядке с головой!.. с головой!.. она просовывает палец под свою фуражку, свою огромную малиновую шляпенцию… мол, именно там его болезнь!.. понятно!.. понятно!

— Идите сюда, посмотрите!.. посмотрите, паршивый мальчишка!

Паршивый мальчишка — это опять я… его Хильда делает мне знак: подойдите!.. лучше уж мне ее послушаться…

— Взгляните туда!.. дальше!.. еще дальше!.. видите колокольню?..

— Да!.. да!.. конечно!..

Действительно, в самом конце проспекта…

— Ее высота сто шестьдесят один метр!.. вы понимаете?.. и в праздник пожарных! Sedantag! я был там наверху!.. на самом верху!.. первым!.. одиннадцать раз я добирался туда первым! на

самый верх!

Я не совсем понимаю… Хильда мне объясняет… в «День Седана», так у них называется «праздник пожарных»… устраивают соревнование по лазанию по канату с узлами… победит тот, кто первым окажется наверху!.. доползет!.. а Зигфрид был победителем одиннадцать раз!.. правда она не могла вспомнить, в каком году это было, он тоже… теперь об этом, естественно, и речи быть не могло… она знаками показывала мне, что не нужно ему возражать… ясное дело, что не нужно! а вдруг он выбросится из окна?.. вполне возможно… но раз уж он и так наполовину голый, то пусть лучше разденется полностью, и я его осмотрю… он же меня сам просил… он ничего не имеет против, покорно подчиняется… присутствие Хильды его не смущает… она ему помогает… кладет на стул его черный редингот и каску… он тут же ложится на большую кровать… на этой кровати нет ни тюфяка, ни простыней… только матрас, а сверху навалена куча тряпок… очень грязных тряпок, засаленных, наверное, ими протирали машины и лампы… еще до войны… ну а теперь мне необходимо его осмотреть!.. но он меня останавливает…

— Как вы думаете, если выпрыгнуть из окна,

то можно себе что-нибудь сломать?.. два?.. три перелома?..

Она знаком показывает мне ничего ему не отвечать… да я и не собирался… я смотрю на него, совершенно голого… действительно, кожа да кости… а разлегся, как жена посла… голая жена посла, которая только что проснулась… у него полная мышечная атрофия… естественно, учитывая его возраст и скудный рацион… а как его живот?.. я щупаю… еще раз… ничего! он очень истощен, но все нормально… а сердце?.. небольшой шум… аорта?.. легкие?.. эмфизема?.. возможно… а что во рту?.. осталось только три пенька… но он не жалуется… слух?.. зрение?.. это я никак не могу проверить… а давление? у меня с собой нет Пашона[56]!.. я щупаю пульс… неровный… даже по вискам видно… он напоминает мне пациентов центральной больницы в Ренн… папаша Фолле[57]у кровати больного… ежедневный ритуал… в клинике… папаша Ледюк из Нанта… так иногда внезапно на вас обрушивается целая куча вос-

[56] Примечания: 56

Аппарат для измерения артериального давления, изобретенный физиологом Пашоном.

[57] Примечания: 57

Доктор Фолле был врачом в Ренн, директором Медицинской Школы, где с 1920 по 1923 год учился Селин. На его дочери Селин впоследствии женился.

поминаний, и вы даже не знаете, смеяться вам или нет, какое-то мгновение вы в нерешительности, но лучше все же выразить сочувствие, в определенном возрасте подобное становится неизбежным… и эта бабенка, начальница вокзала, тоже о чем-то задумалась… а может, просто вздремнула стоя?.. нет!.. это храпят ее ребятишки… она жестом показывает мне: не шумите!.. черт побери, лучше быть поосторожнее! я вообще предпочел бы спуститься на улицу… сюда вполне может явиться полиция… не знаю правда, чья?.. но какая-нибудь да явится!.. фрицы, русские, англичане?.. а может и все сразу!.. я хотел бы поговорить с Лили… но не с Ля Вигой!.. Ля Вига переживет!.. я тихонько говорю Зигфриду…

— Dann!.. dann!.. ну так что? мы пошли?.. hinabsteigen?

Пусть одевается… а эта мадам начальница пусть ему поможет… я жду… она спрашивает у меня… что с ним?..

— С ним все в порядке!.. возраст, вот и все… это нормально!..

Хватит уже с меня их вопросов… о, ей тоже кажется, что с ним все нормально… и что мы можем идти… конечно… она передает ему рубашку, кальсоны… потом штаны… редингот… и каску…

пыль и грязь хороши тем, что вы постепенно перестаете обращать на них внимание… ваши глаза привыкают… безукоризненные модники… щеголи, на кой хрен вам все это сдалось? э-ля! я же забыл!.. как там его рефлексы?.. у меня нет молотка, но сойдет и пальцами… я снова его усаживаю… это недолго… локти?.. почти нормально… немного вялые… колени? левое в порядке! а правое?.. правое почти не реагирует… он наблюдает за моими действиями… это его забавляет… кажется, он собирается что-то сказать… слышится какой-то скрип, я имею в виду его смех… похоже, это он надо мной смеется.

— Они уже делали со мной такое в Маннгейме!..

А теперь он собирается спуститься вниз… этот Полишинель нетерпелив… он берет меня под руку… одна ступенька… две… три… четыре… передышка!.. он садится… то же, что и на подъеме… ничуть не быстрее… что он хочет мне сказать?.. он задумался…

— Кажется, эта женщина все еще от меня без ума?..

— Какая еще женщина?

— Да Хильда же, та, что наверху!..

— Конечно!

— И вас она тоже будет обожать…

— Не все сразу!.. не все сразу!..

Ладно!.. еще четыре ступени… передышка!

— А теперь, доктор, послушайте!.. я чувствую, что у меня сейчас очень много всяких мыслей… но скоро их не останется… они улетучатся… о, я себя знаю!..

Как это смешно… он смеется… над тем, что мысли исчезают… из его головы!.. хи! хи!.. у него из головы!

— А на похороны я не пойду!.. нет!.. нет!..

— Что за похороны?

— Там, в соборе… в конце проспекта… где шпиль, я же вам показывал!.. сто шестьдесят один метр… хи! хи!.. нет уж, доктор! нет!

— И кого хоронят?

— Роммеля!.. генерала Роммеля!

Кажется, я уже об этом что-то слышал… по-моему, от Харраса… про Роммеля…

— И почему же?

— Он предатель!.. я не собираюсь туда идти! а вы сходите!.. Роммель, Afrika Korps[58]!.. и учтите,

---

[58] Примечания: 58

Генерал Роммель участвовал в заговоре против Гитлера 20 июля. Он покончил с собой по приказу Гитлера. Но в то время этого еще никто не знал, и даже друг Роммеля, маршал Рундштедт, в своей торжественной речи на похоронах с пафосом говорил о его преданности фюреру.

все окна, выходящие на этот проспект, будут закрыты!.. посмотрите!.. посмотрите!.. ни одного жильца… там не осталось!

— Почему же, капитан Зигфрид?

— Все жильцы уже в лесу! весь проспект!.. их увели туда СА, всех!.. они больше никогда не вернутся!.. никогда!.. nimmer! nimmer!

Он машет в воздухе пальцем… nimmer! nimmer!

На сей раз восемь ступенек… потом еще восемь!.. но он чем-то озабочен! хватается за лоб и погружается в размышления…

— Доктор, хочу вам признаться!.. эта женщина любит меня уже двадцать лет… но ее дети не от меня! нет!.. нет!.. от ее мужа, который сейчас на востоке!.. Gott sei danke! благодарение богу!.. это их дети!

Ну наконец-то он успокоился… снова присел… Ля Вига и Лили уже стали волноваться, куда мы подевались… они стоят все там же, никуда не уходили… вокруг — ни души… ни на вокзале, ни в аллее… вот уж никого, так никого… я интересуюсь у этого старого шута…

— Вы думаете, Рундштедт приедет?

— Ach ja!.. он уже в пути, он будет в Ульме к вечеру… он поедет по этому самому проспекту,

что перед вами!.. хи! хи!.. но я не хочу его видеть!

Это еще почему? странно, ведь он же главный пожарник, к тому же капитан, кстати, именно поэтому он и получил продвижение по службе, так как именно он должен разъезжать по всему проспекту со своим огнетушительным аппаратом!.. это приказ!.. не лично ему, а его бригаде!.. но где его бригада?.. во время бомбардировки Франкфурта они потеряли три насоса и сто двадцать пять человек… кто пропал, кто сгорел, кто убит, а оставшиеся покалечены и лежат у себя дома, так что здесь остался только один Зигфрид, именно он и должен курсировать с огнетушителем по этому проспекту, от вокзала до собора… я не собираюсь давать ему советы!.. в том, что он мне рассказывает, нет ничего удивительного… все вполне логично, хоть я и не до конца все понял… все-таки я еще не очень хорошо его знаю…

— Но я просто не хочу ничего тушить! ничего!.. ничего!

Судя по всему, он настроен решительно!

— Verstehen sie?.. вы понимаете? rechts!

— Капитан Зигфрид, вы правы! тысячу раз правы!

Сзади нас кто-то есть… так я и думал… Хильда!.. она спустилась… с огнетушителем… и так на-

хлобучила свою малиновую шляпенцию, что та доходит ей до самого кончика носа… она тут же набрасывается на него…

— Вильгельм, ты должен!.. должен!..

Кажется, мне тоже нужно высказать свое мнение… что он должен!

— Er must! Er must!

А вот он считает, что совершенно ничего никому не должен!

— Mein arsloch! Пошла в задницу!

Он плюет!.. и еще раз плюет!.. вдаль!.. прямо перед собой… продолжая сидеть… он упрям… но теперь уже Хильда выходит из себя… она приглашает нас в свидетели… Лили, Ля Вигу, меня… посмотрите-ка на него… да, этот чертов безумец, Зигфрид, просто настоящий ублюдок, каких еще поискать!.. разве нет?.. нет?.. да это же самый ленивый в мире пожарник, жуткий пьяница и гнусный лицемер!.. он спятил с ума, потому что не может раздобыть себе выпивку!.. просто больше ничего не осталось! они в своей бригаде все уже выжрали!.. а этот хуже всех!.. горький пропойца!.. в Пфорцгейме им не удалось ничего найти!.. ни капли! шнапса! и во Франкфурте тоже! весь Франкфурт! превратился в море огня! двести тысяч женщин и детей были в подвалах!..

они все сгорели… а Зигфриду был нужен только шнапс!.. это все, чего он искал во Франкфурте!.. чудовище!.. а это чудовище, этот Зигфрид сидел себе к нам спиной… и снова попытался плюнуть… но так и не смог… у него пересохло во рту… от страданий… а Хильда может обзывать его как угодно, ему все равно… ведь кроме нас здесь никого нет… а мы не в счет… на этом проспекте до самой колокольни — никого… ни одной кошки… впрочем, не совсем!.. Бебер!.. Лили выпустила его из мешка… он уже помылся… старательно вымыл свои уши, лапки, одну за другой… Бебер совсем не грязнуля, стоит его выпустить на свет, на воздух, он сразу этим пользуется… и ни рожа, ни вопли этой Хильды в малиновой фуражке ему совсем не мешают!.. закончив свой туалет, Бебер снова складывает свои лапки, сворачивает хвост в кольцо, и смотрит куда-то вдаль, очень далеко… на нас он не смотрит… я бы сказал, он полон достоинства… в отличие от начальницы вокзала, в которой вообще никакого достоинства нет… ей на все плевать… но, кажется, она слишком много требует от своего Зигфрида!.. я говорю «своего», хотя мне об их отношениях ничего не известно… впрочем, все-таки, они на «ты»… а тот скорчился на скамейке, и ему, похоже, нужно только одно:

чтобы его оставили в покое!

— А огнетушитель? как же твой огнетушитель?

После этого она решила переключиться на нас!..

— Но вы-то, конечно, об этом ничего не знаете!.. сюда придут жандармы!

Они уже приходили, эти жандармы! она нам все объясняет… они же поднимутся наверх, к ней!.. и заберут ее троих детей!

— А как же мои дети?.. сволочи!

Сволочи — это жандармы!..

— Я все им скажу!

Вижу, все усложняется… назревает ссора…

— Вам ничего не известно!.. я все вам сейчас расскажу!.. правду!.. только правду!.. они назначили эту пьяную свинью Hauptmann'ом просто потому, что у них больше никого не осталось из пожарных!.. ни одного человека! никого!.. а все это ради маршала Рундштедта, чтобы он увидел здесь пожарных!.. но никого ведь нет! все оставшиеся не могут встать! а эта пьяная свинья здесь! этот Шмидт!.. ja! ja! давай!.. хоть на четвереньках! Зигфрид!.. вот! капитан Зигфрид! вы понимаете?

Пьяная свинья ворчит… ах!.. сейчас он начнет все опровергать… но нет!

— Hauptmann Шмидт!

Я трогаю его за руку…

— Ja!.. ja!..

— Каковы ваши указания?

Он размышляет… так-то лучше.

— Sie! Sie!.. вы понесете аппарат! apparat!

Ага, он уже все решил… мы!.. мы понесем аппарат!

— Вот вам аппарат и повязка!..

Хильда нам все объясняет… нужно просто пройти по проспекту… очень медленно… осторожно ступая… потихоньку… до самого собора… ну того, со шпилем… с огнетушителем… переходя с одного тротуара!.. на другой… и заглядывая в сточные канавки… нет ли там «пластинок»… что еще за пластинки?.. она мне все объясняет… пожароопасные пластинки… а откуда они там возьмутся? сверху, с воздуха, с самолетов… ну и что с ними делать?.. пластинки нужно быстренько залить!.. всего одной струйкой!.. Хильда знала, как это делается… но сама она никуда не пойдет!.. а я тоже на такое не способен, с моими-то костылями… я осматриваю этот огнетушитель… резервуар в заплечном мешке… с распылителем на конце… думаю, этот apparat довольно тяжелый… может, Ля Вига?.. вот он не против… это

же просто прогулка!.. а мы с Лили тоже пойдем и поможем ему…

— Sicher! sicher! конечно!

Зигфриду больше ничего и не надо, главное, чтобы от него отвязались и дали спокойно посидеть… а как же повязка!.. вот!.. у Хильды целая связка таких повязок… но нам нужна только одна! для того, кто будет «огнетушителем»!.. так Ля Вига?.. или же я?.. да, Ля Вига!.. на повязке их «демилитаризованной зоны», то есть Ульма, изображена сова… голова совы… Ля Вига берет ее и обматывает вокруг руки… затем берет apparat… теперь ему хочется взглянуть на себя, как он выглядит… во всей той экипировке… чтобы посмеяться!.. однако зеркала тут нет!..

— Просто блеск, малыш!

— А вы меня не бросите?

— Не волнуйся, от нас ты никуда не денешься!

Я начинаю постепенно привыкать к прихватам этих фрицев… ага, это еще не все!.. настроение Хильды вдруг резко меняется… так и есть, точно… я сразу же это замечаю… одним пальцем она приподнимает свой козырек… и я вижу ее глаз… так!.. под глазом красуется черный фингал… она что, подралась?.. с этим пожарником?.. или с жандармами?.. а может, еще с кем?.. впрочем,

мне-то что!.. как бы там ни было, но она вдруг успокоилась и помогает Ля Виге пристегнуть огнетушитель… сперва пояс, потом бретельки… она уже не молода, но еще и не старуха… мужеподобная, с небольшими усиками… но у нее же в подчинении целый вокзал, ясное дело, что слабой женщине такое было бы не под силу, она бы не справилась…

Зигфрид нам все объясняет, еще кое-что уточняет… инструктирует!.. описывает проспект…

— Если вы заметите пластинки… plaketten!.. потушите их!.. вот так!.. струйкой!.. из огнетушителя! зззз!.. пеной!..

Да ради бога, пожалуйста, мы все потушим!.. а этот бездельник будет прохлаждаться здесь!.. ну а plaketten? где искать? Хильда должна знать…

— Wo die plaketten?

Спрашиваю я ее…

— Повсюду на проспекте!.. пожароопасные пластинки!..

— Вы их видели?

— Нет!.. здесь ни разу!.. и он тоже! но зато во Франкфурте… и в Пфорцгейме… эти пластинки просто сыпались дождем! такое может случиться и здесь!.. ведь тут будут похороны… и маршал!

— Какой еще маршал?

— Рундштедт, я ж вам уже говорила… они пойдут по этому проспекту… вечером…

Ладно, пускай… но как же повязка?.. у нас же нет повязок… хотя нет, у меня есть! и она на руке! я и забыл… повязка из Безона: «Силы самообороны»… я ее так и не снимал, но она вся черная, в саже и копоти… надо бы ее сполоснуть! нет!.. у Хильды есть идея получше…

— Вы со своими костылями будете изображать слепого!

Она демонстрирует мне… я должен дать одну руку Ля Виге, а другую Лили… а как же Бебер?.. Бебер пойдет за нами, он уже привык, все лучше, чем сидеть в мешке… на этом проспекте — никого, а если он заметит, что кто-то идет, то сразу запрыгнет на меня, одним прыжком… он достаточно попутешествовал!.. ведь он дошел даже досюда, до Медона, дошел, и похоронен здесь, в саду…

Таким образом, мы пойдем по этому проспекту… взявшись под руки, я в роли слепца… ну и идеи у этой Хильды… а вот Зигфрид явно решил на все забить… мы и пластинками должны заниматься! и ходить тут! вместо него!.. Бебер пойдет за нами, в этом я не сомневаюсь… в сумке его тащить не придется… а как же хавка?.. не

то, чтобы мы были очень голодны, но кое-какие запасы нам бы не помешали! пара буханок хлеба и маргарин… а как насчет карточек?.. может, у Хильды они есть?.. ja! ja! она готова… мигом!.. она поднимается к себе и приносит все, что нам нужно… мы складываем это в сумку… Бебер пойдет сам… все, можно идти!

— До свиданья, мадам! до свиданья, капитан!

Мы трогаемся… один шаг… другой… очень медленно… кажется, я неплохо изображаю слепого… правда мне бы не помешали очки… но можно ли их найти в Ульме?.. сомневаюсь…

— У окон хоть кто-то есть?

Справляюсь я… нет, они никого не видят… мы прошли, наверное, метров сто… на мой взгляд, достаточно…

— Ты не видел пластинок?

Но я ведь не должен заглядывать… в сточные канавки… это поручено ему…

— Да плевать я хотел на эти бредни!.. пусть засунут себе эти пластинки в задницу!

Он не особенно стесняется в выражениях… и орет довольно громко…

— Потише, Ля Вига!

— А они как себя ведут?

Да уж, пожалуй он прав… черт! мне надо при-

сесть!.. на скамейку…

— Лили, крошка, не знаю, что такое, но мне как-то нехорошо… пусть Ля Вига идет… а мы его догоним… ты не против?

— Да!.. да!.. все в порядке!

Ля Вигу это вполне устраивает… ему надоело топтаться на одном месте…

— Послушай, ты иди!.. а мы тебя найдем… ты же видел эту колокольню со шпилем… если нас долго не будет, тогда возвращайся… мы будем сидеть здесь… но смотри повсюду! не забывай!.. у тебя же есть аппарат! зззз!

Мы смеемся, а Бебер смотрит на нас с невозмутимым видом… он никуда не идет, решил остаться с нами, он уже сделал свой выбор… ему тоже нужно отдохнуть… он ведь тоже не так уж и молод… а мне еще нужно обдумать все, что я от них услышал, и все, что мне предстоит сделать… вот наглецы!.. особенно тот капитан инженерных войск… как там его?.. забыл… ну и ладно!.. черт с ним!.. вот пусть сами и ищут этого типа, которого он мне описал… того капитана… на похоронах он будет или в заднице!.. на кой хрен мне сдались эти их послания о том, что чья-то там «сестра из Берлина чувствует себя неплохо»!.. я-то тут при чем!.. кстати, а куда делся этот маршал фон

Лубб?.. задохнулся в куче угля? может, его вообще не существовало? а этот Рундштедт, о котором он говорил, куда запропастился?.. мы тремся здесь уже довольно давно, а мимо нас так никто и не проходил, ни один человек… ни одна тварь…

— Слушай, Лили… я с этим Рундштедтом говорить не стану… если такой вообще существует! и если он наконец притащится на эти похороны… и вопить «Heil» я не собираюсь! как Преториус в Берлине… ты же помнишь!.. он даже на цыпочки встал… этот придурок наверняка двойной! да, двойной! двойной агент!.. впрочем, они тут все «двойные»! Харрас… фон Лейдены… Крахт… да всех и не перечислишь… были же еще наши знакомые с Монмартра и многие другие! настоящий паноптикум! а вообще это даже полезно… помогает заснуть… как начнешь считать да пересчитывать… всевозможных стукачей… припоминать… тех, кого забыл… так сразу начинает клонить в сон… ведь если вы прошли через все эти раздолбанные армии, пылающие разрушенные города и империи, видели всех этих растерянных, обезумевших, затравленных людей, о господи, младенцев, женщин, и все остальное!.. в том же духе! если вы все это видели собственными глазами! все это запечатлелось в

вашем мозгу! черт! и именно в вашем, а не чьем-то еще!.. не в другом!.. тогда вас очень сложно чем-то удивить… э, а как же Ля Вига?

— Послушай, Лили, ты что-нибудь видишь?

— Нет!.. ничего!..

Речь идет о проспекте… он уже давно не изображал из себя Христа… да и «человека ниоткуда» тоже[59]!.. где он сейчас?..

— Ты же его знаешь!.. он любит гулять один!..

Ясное дело, все мы устали… однако… как бы там ни было… но когда он уходил, у него было хорошее настроение… ну ладно, мы встаем… хорошо тут, конечно, сидеть на скамейке… но вот наша сумочка?.. к лежавшей в ней еде мы даже не притронулись… мало ли… может, позже попробуем… потом… надо посоветоваться с Ля Вигой… а пока заберем все с собой! красивый тут проспект все-таки… широкий, величественный… впрочем, я вам это уже говорил… раз двадцать!.. однако довольно длинный… и где же он кончается?.. там, у шпиля!.. там и похороны будут… в соборе… надеюсь, у него хватит благоразумия дождаться нас, тогда мы его там найдем… я имею в виду Ля Вигу… вот еще одна скамейка… можно

---

[59] Примечания: 59

Селин намекает на роли, сыгранные Ле Виганом в кино, а также на странности в его поведении, описанные в романе «Север».

передохнуть… я больше не изображаю слепца… надоело!.. я осматриваю окружающие дома… судя по всему, Хильда говорила правду… никого!.. СА всех забрали… вокруг — ни души… и где же все сейчас?.. да где-нибудь в лесу, под елками… не знаю, ницшеанцы они тоже или нет, но я тут такого насмотрелся, что бы готов ко всему… невозможно же все время о чем-то думать, что-то анализировать… иногда хочется просто сидеть и любоваться вселенной, этими обманчивыми сверкающими звездами, которые миллиардами заполняют небосвод… даже если все они уже и умерли миллиарды лет назад!.. улетучились!.. не стоит смеяться над безумными астрономами, которые пялятся на небо, вычисляют, калькулируют пустоты… ведь они, как и вы, просто зарабатывают себе на жизнь…

А мы все отдыхаем… ну и что? никакого Рундштедта пока тут не видно… да и вообще никого…

— Ну так пошли!..

Кажется, теперь мы уже почти у цели… вот и шпиль… шпиль высотой в сто шестьдесят один метр, именно на него и взбирался наш Зигфрид, ошибиться невозможно… кстати, этот Зигфрид впал в старческий маразм и пользуется этим, чтобы ни хрена не делать, а «пластинками» вме-

сто него должны заниматься мы! впрочем, мы ничего так и не нашли ни в сточных канавках, ни у стен… может, Ля Вига?.. да где же он?.. получается, что вся ответственность опять ложится на нас с Лили! мы и прогуливаться тут должны, и вкалывать… не удивлюсь, что в следующий раз этот капитан Зигфрид предложит нам поступить в Hitler Jugend… сутенер чертов!.. собор тут тоже неподалеку… но где же Ля Вига?.. его нет ни на этой стороне… ни там, на противоположном тротуаре… а если его арестовали, да еще с резервуаром, полным пены!.. вдруг его вид охотника за «пластинками» кому-нибудь не понравился? ведь перед этим собором, наверное, собралась целая куча важных шишек?.. весь генералитет и высшее духовенство! нет уж, лучше им на глаза не показываться… поворачиваем!.. к тому же, в этих сточных канавках никакими «пластинками» и не пахло!.. а тем двум придуркам, старикану и красной шапочке, я выскажу все, что я о них думаю… вот пусть сами идут и ищут здесь огненные пластинки! или же пусть его сожительница Хильда вытаскивает своих детишек из-под кровати и отправляет за пластинками, за фейерверками должны охотиться ее ублюдки, а не мы! в общем, я уже все решил, поворачиваем

обратно! Бебера — в сумку… но нет! он не хочет… а я своего котяру знаю, если он сопротивляется, значит что-то увидел… ладно!.. сейчас я посмотрю… там вдалеке… на склоне… газончик… и там кто-то есть!.. он прав… в траве кто-то сидит… хотя нет!.. лежит!.. так, вглядимся повнимательней… точно… Ля Вига лежит на спине… вытянувшись во весь рост и уставившись в одну точку… и что же? он нас не узнает…

— Ну как ты тут?

— А это вы? привет, Бебер!..

Ладно, с меня довольно!

— А твой резервуар?.. где он?

Он показывает мне… огнетушитель… лежит в траве…

— А что в этом такого?

Поначалу он что-то недоговаривает… но потом раскалывается… ага, теперь мне все ясно, и если все это правда, то он точно сбрендил… все понятно: у церкви он не был… точнее, не у церкви, а у собора… все ясно! ясно!.. ну и что?.. мы же все осмотрели!.. ни одной пластинки! «ты уверен?.. да»… но зато на паперти — целое сборище Landsturm'ов и разных попов, вплоть до архиепископов!.. они его заметили и давай вопить! сразу же! так что ему со своей повязкой и

огнетушителем… пришлось сваливать! впрочем, он бежал мимо жандармерии… Feldgendarmerie… и там ему даже ничего не сказали, абсолютно ничего… зато рядом на каком-то заводе, он видел людей, запертых на замок!.. да, именно запертых! представьте себе!.. настоящий пивной завод, а не какая-нибудь там лавка или бистро… нет!.. пивной завод… большой завод… и там полно людей… он тут же с ними заговорил… через окошечки… там были не только немцы, но и иностранцы тоже… и женщины, и мужчины… они собирались ехать на поезде в Берлин… но почему в Берлин?.. даже его это удивило, Берлин… почему не в Росток?..

— А они не спросили тебя, что ты тут делаешь со своим аппаратом, наполненным пеной…

— Нет! послушай, я же не освобождать их пришел!

Теперь он опять замолчал…

— Ну и что дальше?

Там были рабочие, занимающиеся производством кранов, которые приехали с завода в Саксонии… просто в Саксонии больше не осталось меди… поэтому их и решили отправить в Берлин на какой-то цементный завод…

— А, я все понял, Ля Вига: они тебя узнали!

— Да!.. как ты догадался? нет, кроме шуток! представляешь, я все отрицал! само собой!.. но все равно!.. они меня узнали!

Ну наконец-то с ним случилось хоть что-то приятное: они его узнали! причем сразу же!.. это же Ле Виган, великий Ле Виган! а те козлы в Цорнхофе и в Ростоке из-за своей безграничной тупости так и не догадались, с кем имеют дело!.. а вот тут, на пивном заводе, даже решили это отпраздновать: у них ведь там в этих гигантских залах было все, что нужно! в их полном распоряжении! только выносить ничего было нельзя! а так — пей, пробуй, что хочешь!..

И тут же появились сотни бутылочек!.. горы шипучки и «гусиной печенки»... видимо, из армейских запасов...

— Они опасаются, что их скоро начнут бомбить!

— Ну и чем все это закончилось?

— Я выпил и поел, а потом ушел!

— Так я тебе и поверил... наверняка ты начал им трепать: Петэн! Петэн! Зигмаринген!.. не так ли?

И тут он ловит меня на слове... ладно!.. я согласен!.. чтобы попасть в Зигмаринген, нам нужно на вокзал! вернуться на вокзал!

— Но лучше все-таки подождать!

— Подождать чего?

— Пока проедет маршал!.. Рундштедт!

— А на кой он нам?

— Просто вокруг него же будут шуппо… наверняка, они его сопровождают!.. потребуют у нас документы!.. начнут расспрашивать!.. то да се!..

Он со мной соглашается… лучше пока оставаться здесь!.. в траве не так уж и плохо… погода прекрасная… подождем, пока проедет маршал!..

Пока посидим здесь… но… но… коварный обольститель!.. так я и думал…

— Смотри-ка, это кажется к тебе!

Какая-то темноволосая барышня… не решается подойти… топчется на газоне… на противоположной стороне… ага, наконец решилась… шаг… еще один… она переходит через дорогу…

— Ты с ней знаком?

Да! да!.. он признается… она убежала с пивного завода!.. черт возьми!.. да у них тут рандеву!.. ее-то он и ждал!

— Продолжаешь соблазнять девушек?.. тоже мне, ловелас!.. ты просто неисправим!

— А что в этом такого?

— А ты не подумал, что начнутся сплетни?

— Она же тебя не знает!

— Так узнает!.. трепло!.. смотри-ка, вот, кстати,

и маргаритка!.. развлекай ее! обрывай лепестки! обрывай! вам и говорить не придется!.. вокруг полно маргариток! вполне достаточно!.. поднеси же ей букет!.. от чистого сердца!

— Ее зовут Клэр!

Судя по всему, они уже успели познакомиться, в пивной это обычно быстро происходит… а вот и Клэр…

— Здравствуйте, мадмуазель!..

Вид слегка утомленный… милая улыбка… и вообще, довольно симпатичная… нам не до церемоний, она — на пивном заводе, а мы и вовсе просто на краю дороги… хотя по природе я, в сущности, довольно любезен… Лили тоже… ну а Бебер смотрит себе на дорогу и больше его ничего не интересует…

— Мсье Ле Виган…

— Дитя мое…

Что за взгляд!.. вот этого дорога не интересует!.. он пожирает глазами Клэр… а она и рада… быстро же у них там на пивном заводе все закрутилось!.. я интересуюсь…

— А много там французов?..

— В основном, француженки!.. и тоже с завода по производству кранов…

— А в Берлин вы собираетесь?

Да!.. впрочем, там видно будет… про туннель ей лучше не рассказывать… но кажется, Ле Виган как раз и собирается это сделать… я его перебиваю… прикидываюсь, будто меня мучит жажда…

— Мадмуазель, а у вас там в пивной случайно не найдется воды?.. я имею в виду минеральную воду!..

— О, конечно же найдется!.. целый склад! подождите!.. подождите, я сейчас!..

— Нет!.. нет, прошу вас, мадмуазель!.. потом! побудьте с нами!

Действительно, вода есть и здесь!.. я вижу колонку через дорогу!.. на противоположной стороне!.. я и сам могу туда сходить!.. не стоит больше им мешать… он провел на этом пивном заводе всего час… или два… но судя по всему, они успели подружиться… в Ростоке его так никто и не узнал, зато здесь все пошло на лад, он снова обрел известность!.. само собой… мадмуазель Клэр снималась в массовке… ага!.. так я и думал!.. не всегда ведь она работала на заводе… мне и вслушиваться не надо, и так все слышно, потому что они совсем рядом и говорят довольно громко… ей явно не хочется, чтобы мы с Лили приняли ее за какую-нибудь нахалку… Лили спит, а вот Бебер — нет… мне прекрасно видно, как они

сидят там, все четверо… пожалуй, сейчас самое время перейти через дорогу к колонке! так, я поднимаюсь с травы… осторожно… все нормально, я перехожу через проспект… кстати, погода, кажется, окончательно разгулялась… ясное дело, ведь сейчас разгар июня… в воздухе наверху — ни одного самолета… ни одной белой полоски… и пушечных выстрелов не слышно… так… ладно… все хорошо!.. на другой стороне трава еще выше… у колонки… я пью прямо из крана, сложив руки в виде блюдечка… вода очень холодная, свежая, как раз то, что нужно… глотнул, опять сложил руки, выпил еще… ррррт! один мотоцикл! два!.. четыре!.. откуда они едут?.. с вокзала… а может, и еще откуда-то… ну вот, судя по всем, уже началось!.. то, чего мы ждали… правда машин не видно… вот еще один мотоцикл… потом еще несколько!.. ррррт! ах, да! вон и одна машина!.. должно быть, это он… он!.. Рундштедт… я так и застыл неподвижно у колонки… целая стая мотоциклов!.. рррт!.. целый взвод!.. ошибки быть не может!.. я слегка поворачиваю голову… это жандармы!.. похоже, бензина у них хватает… кроме того, я замечаю, что на той стороне дороги… Ля Вига и его поклонница лежат в траве… и ищут глазами меня, но не замечают, так как я стою у

колонки… а вот я их вижу! и вдруг происходит что-то странное! Ля Вига встает… отряхивается… сходит с лужайки, пересекает тротуар… и тут вдруг появляется новая когорта мотоциклистов… ррррт!.. а он, воспользовавшись случаем… вдруг выскакивает на середину проспекта!.. честное слово, я не вру… и застывает неподвижно!.. вот так!.. со вскинутой вверх правой рукой!.. ну вот, этого только не хватало!.. решил покрасоваться!.. а я, вместо того, чтобы стоять себе незаметно за колонкой… куда там!.. я тоже высовываюсь!.. и вижу, как тормозит здоровенный мерседес!.. тормозит!.. и более того, останавливается!.. в одном метре от него!.. кстати, а мотоциклисты так ничего и не заметили… из-за всей этой суматохи и шума моторов… кроме того, потом до меня дошло, что они спешили добраться до колокольни со шпилем… они, очевидно, опасались, как бы в этих облаках пыли им не напороться на связку мин! бабах! поэтому они так и мчались… на такой бешеной скорости… поэтому ни фига и не заметили… ни меня у колонки, ни Ля Вигу… но зато теперь, представляете, они разворачиваются!.. и их уже двадцать… даже тридцать вокруг машины!.. ну а дальше что?.. не знаю даже, вмешиваться или нет?.. вероятно, все же придется…

у Ля Виги уже истерика, опять его понесло…

— Рундштедт, назад! назад, Рундштедт! Франции вам больше не видать никогда!..

Встал посреди дороги, да еще и угрожает! подняв правую руку!

Заладил одно и то же!

— Никогда больше вы не будете во Франции, Рундштедт! больше никогда!

На тротуаре поднимается суета… отовсюду сбегаются шуппо… со всех сторон… и Landsturm'ы… и штатские… Лили наблюдает за всем с противоположной стороны, с травы… я жестом показываю ей не двигаться! но нет! она не слушается!.. Бебер быстро заскакивает в свою сумку!.. оп!.. ему не привыкать… ну а мы-то сами, пардон!.. мы даже глазом моргнуть не успели… или что-либо понять… нас окружили, оп! запихивают в машину! молниеносно!.. в какую-то колымагу, легковушку с закрытым кузовом… меня, Ля Вигу, Лили… а поклонницы и след простыл!.. я видел… как она смоталась… с нами четверо лягавых с повязками… один даже с трехцветной… неужто французский лягавый? я таких тут еще не встречал… и куда они нас везут?.. ага, вот!.. быстро же… большая дверь… Polizei… нас вводят… мое повествование развивается стремительно, но

именно так все тогда и происходило… тем, кто потом будет снимать об этом фильм, тоже следует обратить на это внимание… стремительно!.. с момента появления Рундштедта на дороге… в кабинете — один стол и два стула… входит какой-то шуппо… и следом какой-то штатский… у штатского трехцветная повязка, и он сразу же начинает нас допрашивать…

— Вы французы?

— А вы?

Я тоже не промах!.. повязкой меня не проведешь… что это за полиция?.. откуда? куда он собирается нас отправить?.. все-таки, я постарше его!.. неужели боши решили нас сдать?..

— Я вам помогу… я ведь из Зигмарингена…

А, ну вот и встретились!

— Когда я уезжал, вас, кажется, там не было…

— Нет!.. я приехал позже[60]!

Тогда все понятно… я знаю всех лягавых из зам-

---

[60] Примечания: 60

Селин путает или же сознательно смешивает хронологический порядок событий. В начале он описывает путешествие из Цорнхофа в Зигмаренген через Ульм, но, в то же время, утверждает, что уже побывал в Зигмарингене, откуда выехал в Берлин и Цорнхоф (что было описано в романе «Север»), на самом же деле, он отправился туда из Баден-Бадена. Таких неточностей в романе «Ригодон» довольно много, и порой это затрудняет понимание смысла.

ка, и тех, кто сотрудничал с Милицией[61]… а этого я что-то не припомню… может быть, теперь там появились новые?.. возможно!.. скоро увидим!..

Как поживает Ретиф[62]?

— Прекрасно… он собирается уезжать, но сперва хочет дождаться вас…

Приятно слышать!.. и все же, лучше быть поосторожнее… а вот второго шуппо, который стоит в сторонке, кажется, больше интересует Ля Вига… он смотрит только на него… и его напарник тоже! с другой стороны! ах, еще бы!.. с ним ведь только что приключился припадок, там, перед мерседесом, ясное дело, что это настораживает, но сейчас-то он уже совершенно нормальный, это был всего лишь приступ… он уж и сам, наверное, не помнит… как это его угораздило выскочить на тротуар… подходит еще один шуппо…

— Papier?.. Waffen?

Бумаги? о-ля-ля! да сколько угодно, а вот оружия у нас нет!.. Waffen!..

— И у него тоже?

---

[61] Примечания: 61

Милиция — профашистская военизированная организация во Франции в период оккупации 1940–1944 гг.

[62] Примечания: 62

Имеется в виду Орас Ретиф — персонаж романа «Из замка в замок», командир отряда боевиков французских фашистов.

Этот шуппо обращается ко мне… нет ли оружия у Ля Виги?

— О нет!.. у него тоже нет!..

Наверное, он должен нас обыскать, но, судя по всему, он не собирается этого делать, только расспрашивает меня…

— Sicher nicht?.. точно нет?.. da nichts? а там тоже?

— Это Бебер в своей сумке…

— Ach, nein!

А вот бумаги у меня на любой вкус, целая куча!.. полные карманы, и за подкладкой тоже… у Ля Виги то же самое!.. целые связки!.. мы роемся, перерываем… я выкладываю им на стол целый ворох… плюх… но они вдруг все встают! выпрямляются! застывают неподвижно!.. навытяжку!.. щелк!.. каблуками!.. навытяжку! кто-то вошел!.. это маршал, точно… тогда в машине, в мерседесе, я его плохо разглядел… Рундштедт… он один… теперь я вижу его очень близко… морщинистый, напудренный, хотя помады на губах нет… все старики у них в командовании употребляют помаду, а он — нет… я плохо его рассмотрел там, на дороге… тогда ведь я смотрел только на Ля Вигу, там же был скандал!.. а зачем пришел этот маршал? должно быть, по делам!.. или же узнать, кто

мы такие? а то, что он маршал, это сразу видно! у него под мышкой жезл… шуппо и наш лягавый так и стоят неподвижно, будто застыли!.. маршал обращается к ним…

— Nun?

— Drei Franzosen!.. три француза!

Двое лягавых отвечают хором, каждый на своем языке…

— Papier sind da! kein Waffen! все документы в порядке… оружия нет…!

Но похоже, маршалу на это плевать, он смотрит на нас невидящим взглядом…

— Woher sind die? откуда они?

— Aus Paris…

— Nur gut… ладно!

— Und das?.. а это что?

Это наша сумка вдруг зашевелилась… и он это заметил…

Лили… сразу же встрепенулась!

— Это наш кот Бебер!

— Не покажете ли вы мне его, мадам!.. прошу вас.

А вдруг, он тоже хочет его повесить?.. мы приоткрываем сумку… Бебер высовывает голову и свои усы… тогда усы у него еще торчали, а не свисали, как потом, здесь…

— И он тоже из Парижа?

— Он с нами, мсье маршал!

Тут вмешивается Ле Виган…

— Он с Монмартра!.. раньше это был мой кот, мсье маршал!

— Да он наш!

Даже Лили вдруг заговорила… к моему удивлению… уверен, это только из-за Бебера… обычно она ничего не говорит…

— Вы правы, мадам, конечно, Бебер ваш!

Маршала интересует наш кот.

— А он меня не поцарапает, если я до него дотронусь?

— О, нет, мсье маршал!..

Он кладет руку на его голову… Бебер сначала молчит… а потом начинает мурлыкать…

Один из лягавых, по-прежнему стоя навытяжку, вдруг что-то ему говорит… шепотом… маршал не расслышал…

— Was? was? что?

Кажется, речь идет о нас.

— Вы едете в Зигмаринген?

— Да, конечно, мсье маршал!

— Ja! sicher!.. да! конечно.

Вероятно, мы кажемся ему смешными… ну и пусть… интересно, сколько ему лет?.. почти как и

мне… как мне сейчас… он говорит по-французски почти без акцента, только вот «вы» произносит немного суховато…

Ну вот и все, он встает…

— Мое почтение, мадам!

Он раскланивается.

— Удачи, друзья мои!..

Это уже Ля Виге и мне… еще раз слегка потрепал Бебера… и удаляется… с жезлом под мышкой… так же, как и пришел… через ту же дверь… есть ли у нас какие-то вопросы?.. нет! нет! наши два лягаша тоже его ни о чем не спрашивают! все и так ясно! опять в ту же машину с замазанными стеклами… мы туда залезаем!.. они нам помогают!.. и едем снова по той же дороге… думаю, мы возвращаемся на вокзал, так мне кажется… все понятно!..

— Поезд, должно быть, уже готов!

Это наш трехцветный лягавый говорит… наверное, он знает… я интересуюсь у него:

— А вы поедете с нами?

— Не волнуйтесь! чем больше народу, тем веселее!

А мы все едем… едем… вот и вокзал!.. привокзальная площадь… нас никто не встречает… а где же капитан Зигфрид? исчез! а начальница вок-

зала, ну та, малиновая?.. и ее трое детей? а поезд, что, тоже исчез? нет!.. все на месте, и табличка тоже! Sirmaringen… «специальный» поезд для нас… больше никого!.. мы быстренько залезаем и устраиваемся, наши лягавые тоже… других пассажиров нет… локомотив очень маленький, на угле, я успел его разглядеть… он из дерева и железа, примерно такой же, как в том рыбном поезде… короче, от Ульма до Зигмарингена!.. всего-то сто километров, и если не будет сюрпризов, мы будем там к шести часам… или к семи.

— Успеем к ужину!

Неплохо было бы: к ужину!.. во всяком случае, самолетов в небе не видно… доносятся какие-то слабые отзвуки «бум», но издалека… откуда-то издалека… конечно, нас трясет, и довольно сильно, но все-таки, не так, как в том рыбном поезде… грех жаловаться… я спрашиваю у Ля Виги… не видел ли он больше свою Клэр?.. а что сказали ему там, на пивном заводе?.. я вам все так беспорядочно рассказываю!.. ничего, обдумаем позже!.. и вокзал… и возвращение в сопровождении лягавых… и Рундштедт… и пивной завод… я и сам-то во всем этом еще не разобрался!.. вам, наверное,

это смешно… а вот мадмуазель де Леспинасс[63], например, та вообще нигде не училась, и ни о чем не рассуждала, а просто излагала впечатления! свои впечатления!.. а мои впечатления пока сводились к тому, что нас просто похитили… Ля Вигу, Лили, Бебера!.. похитили!.. ничего, позже узнаем… надеюсь…

* * *

Достопочтенный читатель, прошу меня извинить, но, кажется, дела в Конго[64] пошли на лад, прибыль разложили по карманам, погоревали об убытках, раненых отправили в больницы, так что теперь в газетах — полное затишье!.. правда журналисты не дремлют, пытаются хоть как-то оживить ситуацию, обмусоливают старые сплетни… выжимают последнее из бывших звезд, приписывают им вообще невесть что, только бы

---

[63] Примечания: 63

Жюли де Леспинасс (1732–1776) — незаконная дочь кардинала Тансена и графини Альбон, хозяйка блестящего литературного салона в Париже. Ее «Письма» были опубликованы в 1809 и 1887 гг.

[64] Примечания: 64

В бывшей бельгийской колонии Конго в июле 1960 года, после провозглашения независимости, вспыхнула гражданская война, продолжавшаяся всю зиму. В течение всего этого времени она привлекала к себе пристальное внимание международной, и особенно французской, прессы.

встряхнуть обстановку… а в барах по-прежнему царит оцепенение, льет дождь, казино разоряются… что касается меня, то я, вроде бы, живу, как затворник, однако, представьте себе, даже меня не оставляют в покое, не дают мне закончить просто так, в забвении, мои нелегкие дни… нет, какое там! то один!.. то другой! а то и сразу десять!.. а что за вопросы!..

— О, прошу вас!.. О мэтр!.. О, пожалуйста!..

— Чего вам?

— Каково ваше мнение о Солитере[65]?..

— Самое что ни на есть положительное!

— Речь идет о его свадьбе!.. как вы думаете, на ком он женится?.. какая жена, по-вашему, идеально ему подходит?

— Мистэнгэтт[66]!

— Объясните, мэтр!

— Им будет очень хорошо вместе в банке, заполненной формалином, очень удобно… она — труп, уже почти скелет… а от него тоже уже остался всего один сегмент… не забывайте, он ведь ленточный… солитер вынужден все время

---

[65] Примечания: 65

Селин имеет в виду Жана-Поля Сартра.

[66] Примечания: 66

Мистэнгэтт — сценическое имя французской звезды мюзик-холла Жанны Буржуа (1875–1956).

ползать, извиваться… где бы он ни находился! в штанах, в сортире, на коврике перед кроватью… иначе он не может!.. участь этого существа поистине трагична! вы не согласны? но вглядитесь повнимательней в этот обрубок — вы увидите в объективе исказившееся в конвульсиях подобие лица с вытаращенными, вылезшими на лоб глазами…

— Вы так считаете, мэтр?

— Я же паразитолог! еж твою двадцать! у меня и диплом есть! не забывайте!

— Вы жестоки!

— Отнюдь!.. ясное дело, жизнь солитера ужасна… я согласен… я ему очень сочувствую!.. раз уж он вылез из вашей прямой кишки, ему остается только заниматься плагиатом, произносить обличительные речи в Сорбонне или еще где-нибудь, сплетничать в кафе, постепенно мутировать и закончить свои дни в сортире… правда у него все же есть шанс очутиться в пятипроцентном растворе формалина на этажерке или на столике, но это в лучшем случае… вот так-то, детки!..

— Это если он женится на скелете Мистэнгэтт, мэтр?

— Мадам, мсье, мне больше нечего вам сказать! господа репортеры, прошу оставить меня

в покое!

— Еще один вопрос!.. только один!.. у вас ведь раньше были друзья! и много!

— Черт возьми! да они все продались за бабки, все! предатели!.. все до единого!

— И теперь ни одного не осталось?

— Ни одного!.. впрочем, ни одного — это еще мягко сказано… ведь они все подстроили так, что ни одна стрела в них не попадает… в этих моих так называемых «друзей»… а только в меня! все стрелы летят только в меня!..

— Вы слишком озлоблены, мэтр, к сожалению…

Черт! так они никогда не уйдут…

— Нет! я биолог! я вам уже сказал!.. существует только одна биология, все остальное — бла-бла!.. абсолютно все!.. я уверен, что на «Балу Гамет» в бесконечном мировом хороводе всегда побеждают черные и желтые!.. а белые всегда проигрывают, их «цвет лица» будет размыт, стерт!.. политики занимаются чепухой!.. есть только одна истина: биологическая!.. через полвека, а может, и раньше, вся Франция станет желтой с черной каймой по краям…

— А как же белые?

— Белые останутся только в качестве фольк-

лорных персонажей, да еще в стриптиз-шоу и колясках для рикш…

— Мэтр, а вам никто не говорил, что вы спятили?

— По десять раз в день вот уже тридцать лет!

— А про виселицу?

— Не, этот номер не пройдет, вы опоздали, меня придется собирать по частям!..

— По сегментам, мэтр!.. по сегментам!

Хи! хи! как это смешно! что за маньяки! они заставили меня потерять четверть часа!.. вот они убегают! ну что ж!.. я напишу о них целую страницу… или почти…

* * *

Нет, вы только посмотрите на этих людей! какое невежество! какая наглость! будь их воля, они бы вообще не оставили мне свободного времени… продохнуть бы не дали!.. заставили бы постоянно отвечать на их дурацкие вопросы!.. рассказывать им историю формирования рас: белых, желтых, черных!.. излагать Энциклопедию! а мне-то на кой это сдалось?.. для этого существуют лекторы… пусть они и развлекают этих зажравшихся преподобий, архиепископов, французский банк и мелких разносчиков… а мне нельзя забывать

о вас!.. сейчас мы с вами опять отправимся в Ульм!.. мы же были там, помните, а с нами — двое лягавых: трехцветный и фриц… и мы уже были готовы им признаться… в совершении тех… или иных преступлений… Лили, я, Бебер, Ля Вига…

— Так едем в Зигмаринген!..

— Но вы ведь там уже были! и уехали!

Совершенно верно!.. напрасно мы отправились в Берлин… а потом и еще дальше!.. правильно!.. конечно, это смешно… но согласитесь, в подобных обстоятельствах, вы, возможно, вели бы себя еще более неадекватно!.. сейчас, когда я об этом рассказываю, все кажется очень простым!.. «мы все крепки задним умом», черт возьми!.. комментируем, философствуем!.. не стесняйтесь!.. заодно можно и повеселиться!.. оттянуться на полную катушку! да я и сам по прошествии двадцати лет прекрасно осознаю все, что делал, поэтому рассмешить вас мне совсем не сложно!.. карты открыты, рулетки застыли в неподвижности… как, больше ничего не происходит?.. ну так вперед!.. врубайте свои матюгальники на полную мощность!.. но нет! нет! я так не могу!

Итак, мы — в поезде, предназначенном специально для нас… других пассажиров нет, так что говорить не с кем… остается смотреть на поля,

насыпи, скалы, рощи… а вон там — две… три фермы… вдали… и что нас ждет? куда они нас везут? может, это и не лягавые вовсе… когда мы приедем, нас сразу повяжут… вполне возможно… этот паровоз на угле едет довольно быстро… вот только дым!.. на конечную станцию прибудем все черные… о, это неважно!.. и толчки меня не особенно смущают… не стоит жаловаться, трясет не так сильно, как в Warnemunde… однако спать все равно невозможно, значит, можно подумать… кого мы там увидим?.. удастся ли застать Ретифа?.. нашим двум лягашам, фрицу и второму, должно быть, это известно… возможно, мы там вообще никого не найдем… ни в Lowen'е, ни в Baren'е[67]… вдруг всех уже вывезли?.. или сами сбежали?.. неизвестно… но Ретиф-то должен был остаться… вместе со своими бойцами из отряда «Мужество»… если бы они уехали, мы бы об этом знали… он же, вроде бы, со своими людьми собирался захватить всю Францию, причем, меньше, чем за месяц… цитадели, порты, все… конечно, я понимаю, эта «операция» слишком серьезная и сложная — чтобы все продумать и подгото-

[67] Примечания: 67

Lowen, Baren — названия отелей, в Зигмарингене, которые Селин описывает в своем романе «Из замка в замок».

вить, им нужно время… Марион[68] не раз мне говорил: им понадобится по меньшей мере год!.. они уже раз двадцать объявляли полную боевую готовность… и двадцать раз ее отменяли… стоп! «притормаживали», как сказали бы сегодня… на современном франко-тарабарском наречии… вообще-то, мы были не особо болтливы, как, впрочем, и эти двое лягавых… не стоит забывать, что мы все пребывали в постоянном ожидании того, что наш поезд наскочит на какой-нибудь фугас… или же его сбросят на нас с воздуха… вот уже несколько месяцев, как мы, если так можно выразиться, мотаемся туда-сюда… то на восток… то на север… зигзагами — от одной стрелки к другой… по разрушенным путям, в электричках и специальных поездах… немудрено, что мы чувствовали себя совершенно измотанными… столько всего пережить!.. а между тем, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что это только начало… и впереди нас ждет еще много сюрпризов… забавных и не очень… даже музыкальных

[68] Примечания: 68

Поль Марион — министр Информации и Печати в правительстве Виши. Бывший журналист и коммунист, потом член Народной Французской Партии, с которой порвал в 1939 г. Вошел в Правительство Виши в 1941 г. В Зигмарингене был сторонником Лаваля. Был судим во Франции и приговорен к десяти годам каторжных работ. Умер в марте 1954 г.

— я вам об этом еще расскажу… а пока я собирался задать лягавым вопрос… — А где Раумниц[69]?

— Он там, вы его увидите!

Ретиф и Раумниц… ну с этими-то мы, по крайней мере, знакомы… а наш поезд все едет… немного потряхивает… но не сильно… наподобие американских горок… впадины… а, ну вот… кажется, подъезжаем… замедляем ход… большая вывеска… Зигмаринген… лягавые нам не наврали… я узнаю перрон… сколько раз я по нему ковылял, черт побери! как и по залу ожидания… а вот и Ретиф!.. собственной персоной… прямо у нашей дверцы…

— Не выходите! здравствуйте! здравствуйте! сидите! вас хочет видеть Раумниц! он сейчас придет!..

Наши два лягаша, трехцветный и бош, в курсе… они встают и выходят…

— До свиданья!.. счастливого пути!..

Им обо всем было известно заранее… а вот и Раумниц со своими двумя собаками…

— Подойдите сюда!.. выйдите из вагона, мне нужно с вами поговорить…

Ни приветствий, ни рукопожатий… холодный

---

[69] Примечания: 69

Раумниц — персонаж романа «Из замка в замок», военный комендант Зигмарингена.

прием… все ясно… по-моему, он постарел… осунулся… покрылся морщинами… насколько я знаю, этот человек не пьет и наркотиков не употребляет… должно быть, что-то случилось… такое впечатление, что он пережил большое горе… постарел сразу лет на десять… а ведь мы уехали отсюда всего шесть месяцев назад… и все ради того, чтобы зигзагами колесить по Бранденбургу… конечно, за эти шесть месяцев и с другими могло кое-что произойти! в глубине души мы все — отвратительные закоренелые эгоисты… нам кажется, что беды и несчастья приключаются только с нами, а о других мы и не думаем! с другими вообще ничего не происходит — они существуют исключительно для того, чтобы нас жалеть, утешать, оплакивать нашу печальную участь, осыпать нас подарками… итак, мы встаем… вместе с Раумницем и его собаками идем через платформу… в зал ожидания… вот и он… здесь пусто… шесть стульев, и все… нет больше ни софы, ни пианино… за нами входит Ретиф… комендант закрывает дверь… и что дальше?.. он садится… мы ждем, что он скажет.

— Ну так вот, доктор!.. во время вашего отсутствия были приняты решения… касающиеся вас и всех остальных…

Он подбирает слова… ах да!

— Зигмаринген эвакуируется… все должны быть эвакуированы!.. как можно быстрее… за три дня… а вас заберет специальный поезд… вы поедете вместе с Ретифом и его людьми.

— Комендант, но мы и так уже достаточно путешествовали…

— Я в курсе… в курсе… но это необходимо!..

— А куда, комендант?

— Этого я вам сказать не могу, но довольно далеко… все уже готово… поймите меня… вас там ждут…

Ля Вига вдруг встает… раскинув руки крестом… склонив голову… ну вот!.. опять Христос!..

— Комендант, я не в состоянии двигаться дальше!.. я не могу никуда ехать!.. уж лучше убейте меня! убейте!..

И рыдания…

— Конечно, нет!.. вас это не касается, мсье Ле Виган! по крайней мере, пока!.. кажется, вы хотели ехать на юг… именно на юг!

Откуда он это знает?

— О да, комендант!.. в Рим!.. в Рим!..

Да они уже договорились…

— Завтра, мсье Ле Виган!.. вы отправитесь в

«Бреннер» [70]... а оттуда — в Рим! вы не против?

О, еще бы!.. слезы радости!.. в три ручья!..

— Ах Фердинанд! и ты, Лили! простите меня! я больше так не могу!.. я уже давно просил об этом... высшее руководство!

Он нас кинул! скотина!.. когда он просил?.. кого?

— Харраса!

— Слушай-ка, мерзавец, ты мог бы все-таки...

— Один, Фердинанд!.. я хочу остаться один! ты меня понимаешь?.. простите меня!

— Один в Риме?

— Да, Фердина! да! один... мне это необходимо!

Он снова принимает позу Христа... стоя перед нами...

Слезы... все по полной программе... раскаяние и душевная боль у него всегда хорошо получались... тогда в Грюнвальде он тоже впал в транс, когда мы его застукали с теми двумя маленькими шлюхами... ну, помните тех полек[71]? когда они еще вместе молились, и все такое...

— Ты позаботишься о моем Бебере, Лили?.. ты

---

[70] Примечания: 70

Название отеля в Баден-Бадене, о котором Селин пишет в романе «Север».

[71] Примечания: 71

Селин намекает на эпизод, описанный им в романе «Север».

ведь знаешь, как я его люблю…

Он простирает над нами свою правую руку… очень величественно…

— Ля Вига, похоже, ты нас благословляешь…

У меня нет времени высказать ему то, что я о нем думаю… все, что я думаю… Раумниц меня прерывает…

— Доктор, вы сядете на другой поезд… ваш уже ушел!.. оох! оох!.. Ульм-экспресс!

Он смеется… я не часто видел его смеющимся…

— Теперь вы должны выслушать еще кое-что… вы еще не все знаете!

Я слушаю его невнимательно, так как думаю о Ля Виге… тут есть о чем подумать… что это еще за трюк с Римом?.. он, видите ли, больше не желает оставаться с нами… ни с того, ни с сего!.. ладно!.. ему захотелось погреться на солнце… конечно, нам всем этого не хватает, но ведь это еще не повод, чтобы вот так, хлоп, и бросить нас!.. шмяк!.. я все еще не мог поверить в разрыв…

— Доктор, прошу вас…

— Слушаю вас, комендант!..

— В поезде Ретиф вам все объяснит… Признаюсь, я с трудом себе представлял, как Ретиф будет нам что-то объяснять… он никогда не был в этом особенно силен… и в самом деле, попы-

тайтесь вспомнить!.. у Ретифа в Зигмарингене была своя школа… но к нему на занятия никто не ходил… кроме людей из его отряда, тех самых, что собирались вскоре оккупировать Францию… тогда по рукам ходили тайные списки, повсюду заседали подпольные трибуналы… обсуждали оккупацию Страсбурга неграми… именно Ретиф должен был положить этому конец: сначала освободить Страсбург, а потом и всю Францию… стать современным Жаном д Арком и сбросить всех англичан в море…

Хотите посмеяться! сейчас, в декабре 60-го, по рукам вместе со старыми ходят уже новые списки, куда добавляются все новые имена, а ведь первые составители этих списков уже давно покойники!.. окачурились — кто от простаты, кто от фибромы или сердечного приступа… зато теперь появились желающие эти списки подредактировать… их одолевают серьезные сомнения, а не лучше ли было бы изменить некоторые имена… конечно, многие люди уже умерли, но ведь их сыновья, кузены, племянницы находятся сейчас совершенно в другом лагере… очень трудно быть поборником справедливости, опираясь на списки, которым двадцать… тридцать лет… а вот китайцам ничего подобного делать будет не надо,

даже чисток никаких проводить не придется, как бы им того не хотелось… ведь французов к тому времени уже и вправду не останется, они сами друг друга перебьют… Ретиф начал этим заниматься еще до войны… вы, наверное, помните?.. сестры Розелли в метро… и Баррашин в Булонском Лесу[72]… политические дела… он никогда не раскрывал своих методов, а если вы вдруг сами заводили разговор на эту тему, он сразу же уходил… его интересовала исключительно история… главным образом, греческая, за исключением убийств и жертвоприношений… Марион читал Ретифу и его людям курс истории… опуская описания массовых убийств… и все же, какие такие замечательные методы они применяли? все очень просто!.. однажды Мариону все-таки удалось их разговорить… все делается в два приема… человека хватают и запрокидывают ему голову назад!.. это раз!.. а потом перерезают сонную артерию… два!.. в общем, гильотина сзади! но чуть быстрее! вот так! хватаешь человека, и вззз!.. два движения, в сущности, сливаются в одно!.. голова — назад, два фонтана крови!.. и все!.. а

[72] Примечания: 72

Имеются в виду русский эмигрант Навашин и итальянские антифашисты братья Розелли, которые в 1937 году стали жертвами французской фашистской организации Кагуль.

что за оружие?.. очень острый серп! Как бритва… вззз!.. не то, что крикнуть, икнуть не успеешь…

Так значит, армия негров уже в Страсбурге?.. тем лучше, она угодит прямо в ловушку!.. и будет ликвидирована… Ретиф и не думал хвастаться, но об этом говорили уже буквально все в Зигмарингене… сам Ретиф никогда не хвастался…

— Доктор, прошу вас… ваш поезд скоро будет здесь…

Говорит мне Раумниц…

— И что это за поезд?

Он уточняет… поезд «особого назначения»… да?.. а куда он идет?.. название города неизвестно!.. хорошее начало!.. локомотив на угле… но сажи не будет! и клубов дыма тоже!.. думаю, Ля Вига сумел бы по достоинству оценить подобные преимущества туризма «особого назначения»… и все же неплохо он нас кинул!.. уверен, он начал обделывать свои делишки… еще в Моосбурге… меня, Лили и Бебера собираются запихнуть в какую-то дыру… а этого Христа, Ля Вигу — к солнцу, в Рим!.. конечно… Ретифу об этом наверняка кое-что известно, но, как я вам уже сказал, он неразговорчив… хотелось бы мне знать, как там

Марион, Бу де л’ Ан, Бринон[73]… и другие… но боюсь, меня неправильно поймут… не всем позволено предаваться Воспоминаниям… само небо обрушится на голову того, чьи губы осмелятся прошептать, что могло бы быть!.. бросьте эти ваши «могло бы быть»!.. что там еще за «могло бы быть»?.. правда давно выяснена! она одна!.. и церковь тоже!.. а сомневающимся? колеблющимся?.. вроде нас? цианид!

— Доктор, думаю, вам пора!..

Он, должно быть, имеет в виду наш поезд… он уже здесь… я слышу шум локомотива… Ретиф подает мне знак… нам, действительно, пора… Лили готова… Ля Вига на нас даже не смотрит: обхватил голову руками и не шевелится… пока он никуда не едет — его очередь завтра… итак, мы идем на платформу… я, Лили, Бебер… да уж, такого мы не ожидали… три больших серых вагона и каждый — на «восемь лошадей или сорок человек»… такие есть во всех армиях мира… а вот и наш вагон, уже открыт… да! точно!.. Раумниц подводит нас к нему… это здесь!.. поезд с тремя вагонами прибыл

---

[73] Примечания: 73

Франсис Бу де л’ Ан — профессор истории и географии. Во время войны был одним из лидеров вишистской Милиции. Фернан де Бринон — журналист, активно сотрудничавший с нацистами, во время оккупации представлял в Париже правительство Виши. Был приговорен к смерти и расстрелян 15 апреля 1947 года во Френ.

из Констанца… мы залезаем… да, все верно, это классический вагон для перевозки скота… на полу — подстилка из толстого слоя соломы и овса… а где же перегородки?.. в вагонах для перевозки людей они обычно есть… вот и люди… Ретиф и с ним его команда, человек тридцать, все в «милицейской» форме: плащи, гранаты с рукоятками, маузеры… они перешептываются, проходят мимо нас и группами рассаживаются по углам… продолжая переговариваться… теперь наша очередь устраиваться… Ретифу, должно быть, известно, куда нас везут… я попробую у него узнать… я не слышал никакого свистка!.. а мы уже тронулись… никто с нами не прощается… ни комендант, ни Ля Вига… хорошо хоть мне не пришлось приставать с вопросами к Ретифу — поезд едва тронулся, а он уже тут как тут… сам подошел!..

— Доктор, вас трудно удивить, вы уже много чего повидали, но на сей раз они точно что-то задумали… с ними ведь особо не поговоришь… вы-то их хорошо знаете!.. теперь мы оттуда уехали, ну и ладно! нам, слава богу, терять нечего!.. правда им тоже!.. я уже успел их досконально изучить!.. вы же знаете, я на них работал… причем долго!.. мои люди тоже! теперь боши уже ничем не смогут меня удивить! о нет!.. все их фо-

кусы мне прекрасно известны!.. куда мы теперь направляемся? они вам этого не скажут… у этой дыры нет названия: его убрали, соскребли отовсюду, со всех табличек!.. замазали!.. вы нигде его не найдете… даже на станции… а станция, куда мы едем, называется Оддорт… правда теперь она уже никак не называется… и я знаю, почему…

— А это далеко?

— Гмм! три… четыре часа… они ведь никогда ничего не говорят точно… этот поезд — экспресс… настоящий экспресс… не какая-нибудь там дымящаяся развалюха… он на угле!.. способен развивать скорость до ста километров… вы даже не заметите туннелей… вы вообще ничего не увидите!.. вззз! хотя бы потому, что вы и выглянуть не сможете… окон-то нет!.. эти ставни не откроешь! они заперты снаружи… можете сами убедиться!.. во всех трех вагонах!..

— И кто это сделал?

— Да Раумниц же!.. вместе с Ле Виганом!.. вы что, не заметили? они же с ним заодно, давно спелись!..

Мне нужно было обратить на это внимание… но по какому пути мы едем?.. я уже ничего не понимаю…

Вот!.. Ретиф мне объясняет… техника! этот

путь они проложили за восемь дней… пленные, bibel'и[74] вместе с тремя дивизиями инженерных войск… быстро все сделали!.. насыпи… проложили рельсы, шпалы!.. правда туннели здесь уже были, остались от старой заброшенной дороги… с 1896… они все привели в рабочее состояние, убрали мусор, выровняли… меньше, чем за месяц!..

— Им меня не обмануть, я все про них знаю! ублюдки вонючие!

Ну меня, положим, им тоже обмануть не удалось, хоть они и пытались… во всяком случае, уже тогда мне было совершенно понятно, что они полностью выдохлись… они оказались примерно в том же положении, что и мы — теперь-то я это ясно вижу… в общем, их разделали под орех… а сколько тогда вокруг было трепотни и театральных жестов…

А между тем мы едем довольно быстро: вагоны плавно скользят по рельсам, почти не качаются… будь здесь еще окна и сортиры, тогда жаловаться вообще было бы не на что… лиц людей из «Отряда Ретифа» мне не видно — темнота хоть глаз выколи — но кажется, они спят… этот локомотив работает на угле, однако сажи нет… надеюсь, мы

---

[74] Примечания: 74

Сокращенное от «Bibelforscher» — отказник от военной службы по религиозно-этическим причинам. Букв.: изучающие Библию.

скоро будем на месте… в Оддорте или еще где…

— Ретиф, а где это?

— Недалеко от Ганновера!.. в пяти километрах!

— А пожар там был?

— Небольшой! он и сейчас еще продолжается…

— Откуда вы знаете?

— Просто знаю, и все…

Он спрашивает меня, не слышал ли я про некоего Свободу… не говорил ли мне о нем Раумниц?.. нет! постойте-ка!.. в одном кинотеатре! в Париже… кажется, я его видел в каком-то фильме!.. нет, он имеет в виду другого!.. не того, что был в фильме… другого Свободу! генерала Свободу… генерала-комитаджи[75]… немцы приняли его как своего… поставили этого генерала Свободу во главе всего Сопротивления Центральной Европы… Ретиф прекрасно его знает…

— В Швеннингене я его упустил!..

— А!

— В казино «Орфеум» во время симфонии!.. а ведь он практически уже был у меня в руках…

Больше я его ни о чем не спрашиваю… все понятно… у них свои счеты… мне лучше в это не соваться… я уже ученый… но все-таки, что он из

---

[75] Примечания: 75

Комитаджи — турецкое название борцов за независимость Македонии.

себя представляет?.. что еще за генерал такой?

— Он сам вам все расскажет… ведь он — это «сердце Сопротивления»…

— Где?.. в Оддорте?..

— Да!.. он выступает против англичан, против русских, против всех сразу… сражается в воздухе, на земле, на море… даже в самых отдаленных уголках… вы что, не знали? неужели Раумниц вас не просветил?

Нет!.. ни слова… а вот Ретиф в курсе… тут я внезапно вспомнил о Ля Виге: хорошо, что его больше нет с нами, а то, боюсь, мне было бы с ним тяжело… здорово наш кореш нас кинул, обвел вокруг пальца и, судя по всему, для него это раз плюнуть… ну и пускай, черт с ним!.. в Рим, так в Рим!.. хотя, на самом деле, еще неизвестно… ну а мы все едем, едем… прямо как в сказке… признаюсь, это путешествие кажется мне не совсем обычным… впрочем, все познается в сравнении!.. поезда с прокаженными… поезда с рыбой… я вам уже их описывал: практически без колес, по раздолбанным рельсам… и этот поезд еще свое получит, я уверен… а про восстановление пути все равно интересно было послушать! и тот Зигфрид из Ульма тоже поначалу показался нам очень забавным в своем рединготе, и с этими

его рассказами о молодости и лазанье по шпилю… в начале вас всегда стараются чем-нибудь завлечь… а потом — бум! и понеслось! вы — в бочке со связанными руками и ногами мчитесь вниз по Ниагарскому водопаду… «Внимание, мадам, мсье! грохот потоков воды, смерч, брызги!.. осмотр закончен, мсье, мадам!»… а после! сразу отправляемся на экскурсию вглубь Везувия! сера и порфир! какая цветовая гамма!.. представление начинается! двадцать пять тысяч тонн лавы! разом! вздымаются к облакам!.. неужели вам ничего не видно?.. какая жалость!

Я продолжал размышлять, обдумывать все детали… скоро уж и наша станция… еще где-то час… Ретиф что-то говорит своими людям… вероятно, инструктирует… надеюсь, речь идет не о нас… а вообще-то, все это очень подозрительно… кто встретит нас в Оддорте?.. кто откроет вагоны?.. чего нужно опасаться в первую очередь?.. кажется, поезд замедляет ход… тормозит… локомотив пыхтит… останавливается… да!..

У наших дверей кто-то возится!.. отодвигает засовы… и почти сразу же! дневной свет!.. и перрон, платформа… теперь можно и выйти… так! я пропускаю вперед Ретифа… он обращает мое внимание: никаких табличек и надписей…

нужно знать, что это Оддорт.

— А теперь познакомимся со Свободой…

Я рассматриваю наш поезд: три вагона… а сюда, как я вижу, прибывают и другие поезда… к другим платформам… один за другим… и все по три вагона, как и наш… три… четыре… пять поездов… Volksturm открывают двери… внутри полно таких же, как и мы, обалдевших людей… они вылезают наружу… откуда эти люди?.. отовсюду… Ретиф в курсе… рабочие и чиновники… великая встреча народов в Оддорте?.. вот мы и прибыли!.. на эту станцию без названия…

— Не знаю, известно ли вам?

Ну что там еще!

— Я являюсь здесь вторым лицом после генерала Свободы!..

— Все понятно, Ретиф!

— Я его заместитель!

— Ну и что с того?

— Скоро вы увидите, что это значит!

— Могу себе представить… я готов ко всему, Ретиф!

— А вы мне поможете?

— Ни в чем не могу вам отказать, дружище!

— Сейчас вы сами увидите этого еврея… меня-то он знает… причем уже давно… вот он, можете

полюбоваться!..

Он указывает мне… на седого человека с бородкой… с темным, почти оливковым, цветом лица… нос у него, действительно, с горбинкой… и глаза, действительно, черные… на Балканах все именно так и должны выглядеть… накрашенные генералы, с властными носами, полученными, полагаю, путем пластических операций… к счастью, тут нет Ля Виги, а то бы ему показалось, что у него появился соперник, и с ним бы опять случился припадок…

Надо сказать, что местный зал ожидания выглядит вполне прилично… четыре кресла и четыре табурета… и больше ничего…

Прежде, чем сесть, генерал протягивает мне руку, причем довольно сердечно, и вроде бы, даже с симпатией… говорит он с акцентом… но я бы сказал, скорее с русским, чем с балканским… он, конечно, картавит, но акцент у него певучий, не гортанный, совсем не похожий на турецкий…

— Мадам, позвольте выразить вам мое глубочайшее уважение!.. а вам, доктор, мое искреннее расположение!.. мы поговорим позже!.. там, где не будет этих поездов!.. этих людей!.. этого шума!.. а вы, Ретиф, пойдете с нами?..

Мы следуем за ним… я смотрю ему в спину…

высокий худой и очень сутулый… его кабинет тут неподалеку… картотеки, папки… четыре картотеки… звонит телефон… он отвечает… только ja!.. одни ja!.. а потом nein!.. и вешает трубку… читает какую-то бумагу… точнее, бегло просматривает… что-то бормочет… снимает свой монокль… и наконец обращается к нам!..

— Доктор, вероятно, Ретиф вам уже все рассказал… Ретиф в курсе всего… мне необходимо, чтобы он был в курсе… он должен быть в курсе… когда меня здесь нет, кто-то должен меня заменять… вы меня понимаете?.. здесь всем руковожу я: и вокзалом, и поездами… но у меня тоже есть начальство: там, на другом конце провода! оттуда я получаю приказы!.. поэтому здесь все время и должен кто-то находиться, не так ли?.. чтобы заменять меня!

— О, я прекрасно вас понимаю, генерал!

— Необходимо, чтобы здесь кто-то был!.. постоянно! правда я никогда надолго не отлучаюсь… минут на пять… на десять… но я вынужден!.. мне приходится!.. проверять аванпосты!

Должно быть, вид у меня несколько ошарашенный… потому что я просто обалдел, но не от его слов, а от его кепи… мне приходилось видеть множество представлений, в том числе и в опере

Буфф… тысячи опереток, поставленных с большим размахом… но никогда я не видел таких высоких и расшитых золотыми и серебряными листьями кепи, как у него… можно сказать, это была кепи-тиара… генерал видит, что я отвлекся, но ему хочется, чтобы я все усвоил: он очень часто отсутствует, особенно по ночам!.. он вынужден все проверять!.. сам!.. аванпосты… там ведь стоят одни Volksturm! эти старые апатичные идиоты!

— Вы абсолютно правы, генерал!

Ретиф мне не подмигивает, а просто постукивает ногой по полу… это означает: будьте внимательны!

Ладно!.. видимо, за всем этим что-то кроется… придет время, и я узнаю, что… генерал поднимается, а вместе с ним и его кепи… у Зигфрида в Ульме были разукрашенная красной и белой синелью каска и антикварный редингот… ну а этот Свобода со своей кепи-тиарой и впечатляющей мефистофельской харей тоже был хорош… ага, похоже, Свобода обо всем нам рассказал… «до свиданья»!.. он уходит… теперь его голос доносится с улицы, где он с кем-то говорит… Ретиф прислушивается… наконец все стихает…

— Доктор, а теперь послушайте меня!

Он встает, подходит к дверям, выглядывает…

никого?.. нет!.. возвращается…

— Доктор, нужно торопиться!.. вы, наверное, и сами догадываетесь… эта станция — ловушка… все эти люди и поезда подлежат уничтожению… они все — лишние… как и вы… и я…

— Откуда вы это знаете?

— Доктор, я все объясню вам позже… а пока нужно подготовиться… и побыстрее!.. все произойдет сегодня ночью…

— Но почему?

— Потому что у них не хватает мест в лагерях… и продуктов тоже… это уже всем известно…

— Всем — это кому?

— Ну, в Америке!

— Что у них не хватает мест в лагерях?

Я задумался… а что же сейчас происходит в Цорнхофе? в Ростоке?..

— Да, но ведь скоро сюда придут русские!

— Это правда, русские недалеко… о них все говорят, но их пока никто не видел…

Судя по всему, Ретиф прекрасно информирован.

— Здесь они собираются их остановить!.. именно здесь, у Ганновера… генерал Свобода долгое время служил у русских, и хорошо их знает…

— Ну и что?

— Больше тянуть они не станут… все произойдет сегодня же ночью…

— Правда?

— Я имею в виду не русских! а нас!.. я знаю этого типа!

До меня все еще не дошло… он продолжает объяснять… а мне остается лишь слушать… и молчать… Лили — тоже… нам нужно спасаться!.. вместе с ним! следовать за ним! за ним и людьми из его ударной команды… им тоже уже все известно… а до меня все еще не дошло… я что-то туго соображаю… но я уверен, что Ретиф ничего просто так не говорит…

— Нужно поторопиться, доктор! нужно поторопиться!.. к счастью, он наркоман!..

Ах, опять наркотики!.. сколько можно!.. но в данном случае нам это на руку!

— Он никогда не спит больше одного часа…

— Ретиф, я знаю, что такое сон — если бы он спал только по часу в сутки, он бы давно спекся…

— Он спит еще и днем!..

Днем?.. днем… мы будем уже далеко!.. тише!.. кажется, кто-то подъехал!.. еще три вагона… а народу… все три вагона забиты до отказа… как и вокзал тоже… битком!.. что они все будут жрать? откуда они приехали?.. как и прочие: с заводов

и из контор… нет больше сырья — нет и работы… а где же наш генерал?.. Свобода? все свои аванпосты проверяет?.. интересно, что он им там говорит?

— Говорит: все уже готово!

— И что теперь?

Я уже порядком устал… Лили — тоже… Ретиф это заметил…

— Доктор, прошу вас! вы будете свидетелем… потом вы всем об этом расскажете!.. что всех спас не кто иной, как Ретиф!.. скоро вы сами все увидите!..

— Само собой, Ретиф… но что именно?..

— Он сейчас вернется… и попросит меня: Ретиф, оставайтесь здесь… у телефона!.. а если мне будут звонить, разбудите меня!.. внимание, доктор! все произойдет у вас на глазах!.. я намерен действовать быстро!.. мне потребуется не больше секунды!

Я его слушаю… как все это запутано… черт побери!.. надоела мне эта неразбериха!.. мотаешься месяцами… туда… сюда… и все время какие-то события… ага, кто-то идет!.. я слышу шаги! чьи-то шаги… и голоса… должно быть, это он… да!.. дверь… золотая с серебром кепи-тиара…

— Мое почтение, мадам!.. доктор, а вы можете

поспать — вы ведь, наверное, хотите спать!.. ну а вы, Ретиф, замените меня! вы знаете, там, у телефона… пока я вздремну! на минутку… если будут звонить, разбудите меня! через час мне опять нужно быть у постов… к тому времени я уже проснусь… все должно идти своим чередом, не так ли?.. а вы отправитесь туда через два часа… возьмите мои часы…

В этом кабинете царит полумрак, света явно недостаточно… прямо на полу стоят две большие лампы… генерал ложится на солому… он не раздевается… даже не снимает свое кепи, а просто натягивает его на уши, как ночной колпак… ну и ладно!.. мы тоже приляжем… Бебер так и не выходил из своей сумки… надо бы ее немного приоткрыть, чтобы он мог высунуть голову… генерал объявил, что собирается спать… из зала ожидания доносится гул… настоящее многоголосие… сколько их там?.. у них, наверное, даже соломы нет — могли бы взять у нас… и только я об этом подумал, как вдруг! кто-то влезает… через окно!.. а потом — еще двое… трое… люди Ретифа… они влезли быстрее, чем я успел что-либо сообразить… все уже были тут… десять… двенадцать… мне не видно, что там происходит, правда кое-что слышно…

— Oooya!

И все!.. понятно… видеть я ничего не видел, но зато слышал… а теперь можно и посмотреть! они только что его зарезали… Ретиф мне все показывает… две струйки!.. из обеих сонных артерий… у него в руке — узкий, изогнутый в виде серпа, скальпель… я вижу… да… но как же кровь? шумато не было, но крови натекло аж до самой двери… вот уже и под дверь просачивается… могут и заметить… но Ретиф времени даром не теряет: хватает кепи, эту расшитую тиару, стаскивает с его головы и нахлобучивает на себя… а нам говорит…

— Давайте!.. пошевеливайтесь! хватит зевать!

Я не слышу звонка…телефон! Ретиф подскакивает…

— Ja!.. ja!..

И бросает трубку… думаю, сейчас лучше ему не перечить…

— Все идут туда!

Он показывает мне куда… мы влезаем в окно!.. пересекаем платформу… рельсы, пути… похоже, дальше тут нет никакой дороги…

— Sie sind franzosen?.. вы французы?

На рельсах толпятся люди… но Ретиф держится уверенно… вдруг кто-то встает у нас на пути… ка-

кой-то тип в форме… не дает нам пройти… пафф!.. прямо в голову… и сразу же вокруг поднимается гвалт!.. даже те, что остались на вокзале… тоже вопят нам вслед…

— Morderer!.. morderer!.. убийцы!..

— Ну этим придуркам уже недолго осталось!.. доктор, осторожней!..

— Вы уверены, Ретиф?

— Зуб даю, доктор!.. я вам все объясню!.. но позже!.. а сейчас нельзя терять ни минуты!.. мне нужно еще заглянуть к Volksturm!.. ненадолго! я скоро вернусь… ах, поганцы!.. ничего, мало им не покажется!..

Это он о людях на вокзале…

— Значит мы убийцы? ничего, подождите, мои милые! запомните, доктор! запомните мои слова!.. скоро здесь не останется ни одного человека!.. ни одного! все уже готово! три бронепоезда!.. и даже последний оставшийся у фрицев Мессершмит!.. тоже займется ими! ими!

Ничего не понимаю…

— Их всех зажарят на фосфоре!

Ему не понравилось слово «убийца»!.. я сам только что видел, как хладнокровно он работает, а тут вдруг вышел из себя!.. из-за «убийцы»…

— Ладно, доктор, я пошел, но я скоро вернусь!..

ждите меня здесь!.. я дам вам знать!.. я иду к Volksturm…

Он уходит… кажется, направо, по тропинке… в темноту… в темноте небезопасно… но, думаю, он это понимает…

Можно и подождать, хотя, вообще-то, довольно прохладно… который час?.. кажется, около трех… будем ждать!.. я пытаюсь разглядеть вокзал… там какие-то силуэты… эти силуэты почти сливаются с темнотой… не стоит нам показываться!.. наоборот, нам лучше лечь на землю!.. нам?.. ну, мне и Лили… силуэты двигаются… направляются к нам… нет!.. эти люди… довольно далеко… проходят справа… и слева… куда они идут?.. наверх?.. за Ретифом?.. за Ретифом и его людьми?.. возможно!.. все возможно… вы, наверное, думаете, что я несу околесицу, но события развивались столь стремительно, и вокруг царила такая неразбериха, что понять что-либо было просто невозможно… надеюсь, позже хроникеры во всем разберутся… но тогда, в темноте, должен признаться, я очень плохо соображал… удивительно уже то, что я не спутал правую сторону с левой, и принял единственное верное решение: встать и идти за этими людьми… я до сих пор горжусь собой… что это за люди?.. немцы?.. молдаване?.. китайцы?..

я шепчу Лили:

— Идем за ними!.. вставай… пошли!

Я по природе вовсе не паникер, но у меня было четкое ощущение, что Ретиф не врет, и по вокзалу будут стрелять… хоть я и не знал, кто и откуда… впрочем, мы втроем, включая Бебера, неплохо устроились, распластавшись на животе на щебенке… но все-таки мы находились еще слишком близко… а все эти силуэты, люди, обходившие нас, тоже откуда-то обо всем узнали… Лили не возражает… мы беремся за руки… Бебера — в сумку… встаем… делаем три шага… шесть шагов… и тут из травы… чей-то голос!.. schnell Kerl… schnell[76]!.. быстрей!.. немцы уже наготове!.. раздаются еще schnell, чтобы мы пошевеливались!.. они согласны нас пропустить… но быстрей! быстрей!.. по меньшей мере, четыре… пять, даже шесть пулеметов… дулами… к вокзалу!.. нацелены на вокзал… а ведь мы пришли именно оттуда… Ретиф нас не обманул!.. и…

— Браннг!

Земля содрогнулась! Более того! она как будто разверзлась!.. и небо тоже! да, так и есть! Ретиф не соврал… брум! еще один залп!.. неподалеку!.. нам

---

[76] Примечания: 76
Эй ты, быстрей! (*нем.*)

видно! выстрелы из пушек!.. красные!.. зеленые!. нет! отрывистые залпы! это гаубицы!.. и все — по вокзалу!.. теперь весь Oddort прекрасно видно!.. он, если так можно выразиться, вспыхнул… ото-всюду: из окон, из дверей вагонов, — вырываются языки пламени… бабах! еще!.. еще!.. теперь с вокзала уже никто не убежит, ни один человек!.. Ретиф не соврал… но где же он сам? а куда делись люди, за которыми мы шли?.. я мог бы и не описывать вам этот обстрел… прицельные удары по вокзалу… вы и сами все прекрасно представляете… настоящая жаровня!.. видимость значительно улучшилась… можно все рассмотреть… и артиллеристов, и гаубицы… эти короткие пушки встречаются не так часто… отсюда нетрудно прицелиться, так как до вокзала метров триста, не больше… гаубицы установлены прямо на путях, на небольших платформах… здесь их целый состав… интересно, откуда прибыли эти гаубицы?.. а это еще что за шум!.. жуткий гвалт… тарахтенье доносится с воздуха… самолет, как кофейная мельница… Ретиф же нас предупреждал… Мессершмит… этот звук нам знаком… тррззт! тррррзст!.. трели… такое впечатление, что кто-то крутит ручку… я говорю об этом Лили… но можно было не говорить, она и сама знает… мы опять

падаем на землю! и бабах!.. ттрах!.. бомба! осколки летят во все стороны… это удар милосердия!.. самолет пикирует на вокзал… нам все видно… вокруг светлее, чем днем!.. поезд с гаубицами трогается… его локомотив работает на угле… и пулеметчики тоже собираются… складывают свой багаж… больше на вокзале никого не осталось… оттуда доносится едкий запах гари… ну знаете, примерно как в Берлине, такой же едкий запах свежезажаренного мяса… хотя может, и еще более едкий?.. итак, мы уцелели… но куда нам идти?.. остались только мы двое и Бебер… а вокруг — кучи гильз… от ружей, от гаубиц, не говоря уж о тяжелых пулеметных лентах, и осколках… этот путь, наверное, ведет в Ганновер?.. что ж, пойдем по этому пути!.. смотри-ка, там кто-то есть!.. не призрак, не тень… кажется, это артиллерист… самый что ни на есть настоящий… все ясно: он пришел порыться, посмотреть, не осталось ли здесь чего… и роется пальцами прямо в грязи!.. не стоит!.. я окликаю его!.. эй! эй!.. пусть подойдет! тут, совсем рядом с нами, гильзы!.. полно! как раз то, что ему нужно… он складывает их… в свою сумку!.. кажется, даже разводной ключ нашел!.. он поворачивается к нам!

— Guten tag!

Говорю я ему… и добавляю…

— Хорошо горело!

— Ach ja!.. sicher… es must!

Он тоже считает, что хорошо… иначе и быть не могло!..

— Wo gehen sie? куда вы направляетесь?

Спрашивает он меня.

— Hanover!.. в Ганновер!..

Уверен, он знает, где Ганновер… он показывает!.. там! нужно идти по пути… другой дороги, судя по всему, здесь нет… разве что очень далеко… придется идти по шпалам!..

— Sie sind Franzosen?

Само собой, мы Franzosen! я ему объясняю, что мы рабочие, работали на заводе, а теперь наш завод kaput! сгорел, разбомбили… мы ищем другой!.. не разбомбленный!.. это он понимает!

— Sicher Hanover! конечно, в Ганновере такой есть!

Еще я интересуюсь у него, а не встречал ли он здесь французов… он в этом не уверен!.. правда там, наверху, он видел каких-то иностранцев… он показывает в восточном направлении… они стреляли!.. стреляли друг в друга… во время бомбардировки… а начали они еще до того, как загорелся вокзал… сейчас там, в поле, валяется

куча трупов!.. есть и раненые! вполне вероятно, что это был Ретиф со своими людьми… кстати, с тех пор я Ретифа нигде больше не встречал… ни в Германии, ни в Дании… а потом и здесь, во Франции… я всех о нем спрашивал… Марион, например, знал его гораздо лучше, чем я… но Марион умер, вы же знаете… его я так и не успел ни о чем спросить… бедняга Марион!.. добрейшей души человек… в Зигмарингене мы выжили только благодаря ему… он всегда предупреждал нас о всевозможных ловушках!.. по три… четыре раза… в неделю… а как забавно он наряжал Бебера папашей Декавом[77]… усы торчком, шарф на шее, и капля на носу… как мы веселились!.. теперь уже так ни с кем не повеселишься!.. вот у Ретифа, к примеру, с чувством юмора всегда было плоховато… хотя, надо отдать ему должное, в своем деле он был настоящим асом, буквально творил чудеса, однако в остальном… итак, в Ганновер!.. я же хроникер, мне нельзя терять нить повествования!.. этот артиллерист больше с нами не говорит, он поглощен сбором гильз, которые валяются тут повсюду вместе с пулями… короче,

[77] Примечания: 77

Люсьен Декав (1861–1949) — французский писатель, член Гонкуровской Академии. Был одним из самых горячих поклонников «Путешествия на край ночи». Ему посвящен роман Селина «Смерть в кредит».

решил навести порядок… впрочем, кое-что он все же пытается мне объяснить!

— Du verstehst! Kupfer!.. Krieg!.. Kupfer!.. медь!.. война!.. медь!

Конечно! он прав!

— Sicher!.. sicher!

Война — это медь!.. хлеб — тоже война! и сардины, и колбаса!.. он продолжает копаться в грязи… и интересуется, а есть ли у нас еда… да, у нас есть полбуханки… для нас и Бебера… я ему ее показываю…

— Ich habe Chokolade!

Он что, издевается… нет, все верно!.. настоящий шоколад… да еще и с орешками…

— English flieger!.. Kaput![78]

Все очень просто… он собирает тут не только разбросанные пули и гильзы… он разламывает эту плитку на три части… одну — для Лили, одну — для меня, одну — для себя… а Беберу?.. он лезет в другую сумочку!.. ищет… нет!.. больше у него ничего нет!.. только остатки хлебного мякиша… тоже, должно быть, от английского летчика… Лили протягивает их Беберу на ладони… тот не отказывается… думаю, теперь мы готовы идти по

---

[78] Примечания: 78
Английский летчик!.. Конец! (*нем.*)

шпалам… я справляюсь у него…

— Kein Zug? А поезда не ходят?

— Ach nein! nicht mehr![79]

Ну так, вперед… не спеша, в путь!.. у меня осталась только одна трость… бомбят не сильно, но все равно… итак, на северо-запад… к Ганноверу… что бы он там ни говорил… это не так уж и далеко… вдали виднеется зарево… я выдаю ему все, что знаю по-немецки…

— Guten tag! schone! schone danken! тысяча благодарностей!

Мы пожимаем друг другу руки…

— Gute Reise!.. beide!.. счастливого пути вам обоим! hore mich! послушайте меня!

И вдруг он запел… обращаясь к нам…

— Nach Winter kommst doch ein Mai! после зимы придет месяц май!

Да, забыл его спросить…

— А ракет вы не видели?.. голубых! или зеленых!

— Нет!.. должно быть, спастись не удалось никому!..

Ладно! все ясно… тогда вперед! нельзя терять времени… шпала… за шпалой… наши способы

---

[79] Примечания: 79
Ах нет! больше нет! (*нем.*)

путешествия все более упрощаются, и запросы становятся все более скромными… в конце концов, мы начнем передвигаться на четвереньках… а вот Бебер предпочитает, чтобы его несли… поесть бы ему хотелось чего-нибудь более существенного, чем черствый хлебный мякиш, хотя он и с английского самолета…

— Бебер, потерпи до Ганновера!

Лили уточняет:

— Ганновер ведь на севере… тебе что, действительно так хочется туда идти?

— Мне не хочется, детка… я туда вовсе не стремлюсь… но нашего мнения никто не спрашивает…

И в самом деле, что я мог сделать в сложившейся ситуации…

— Он же сказал, что поезда больше не ходят…

— Должно быть, он знает!

Тот сборщик гильз… мы продвигаемся не спеша, шпала за шпалой… километра два, наверное, уже прошли… еще не рассвело, но свет уже появился… розовый… с облаков… стало значительно светлее… можно разглядеть местность… фермы… нигде ни одного живого существа!.. ни людей, ни животных… а шоколада нам ненадолго хватило…

Шпала за шпалой… кажется, метрах в пятистах от нас на рельсах кто-то сидит… а за ним — еще кто-то… чуть поодаль… мы подходим… я окликаю его… эй! эй!.. трогаю за плечо, толкаю… о, совсем легонько! тюк!.. и вдруг этот кто-то опрокидывается!.. навзничь!.. ногами вверх… брык!.. на щебенку!.. я подхожу к другому… едва я до него дотрагиваюсь… и он тоже опрокидывается!.. я вглядываюсь в их лица… мужчина… женщина… лет сорока — сорока пяти… мертвы уже часов шесть… я привык констатировать смерть, вы же знаете… нужно бы осмотреть тела… думаю, их пристрелили… когда они сидели?.. с воздуха, с самолета?.. или же патруль? кто?.. и откуда?.. о, это нас совершенно не касается!.. пошли!.. пошли!.. а вот и какие-то ободранные стены… похоже, развалины завода… ах, да я слышу чей-то голос… там!.. даже несколько голосов… но никого не видно… они прячутся за стеной… о чем-то спорят… а на каком языке?.. немцы?.. да! впрочем, и французы тоже… но прежде, чем подходить, все равно лучше послушать… они говорят про Ганновер… как предпочтительнее идти через Ганновер… от ближнего до дальнего вокзала… кажется, с этими людьми мы раньше не встречались… они не из Дрездена и не из Ульма… похоже, из Польши…

и в Оддорте они не были… само собой!.. ну тогда ладно!.. мы уже вплотную к ним приблизились, а они все еще нас не заметили… они собираются в Гамбург… тем лучше! мы тоже!.. судя по тому, что они бормочут, поезда до Гамбурга еще ходят… с другого вокзала в Ганновере… ясно! правда поезда ходят не регулярно… да это и неудивительно… но самое сложное — пройти через Ганновер… хотя они здесь все знают! рабочие окраины, сам город… по их словам, здесь все сгорело… что ж, проще будет идти! итак, вперед! думаю, их тут человек пятьдесят, мамаши, детишки, старики… наконец все они отправляются в путь… и мы с ними… целая толпа… однако эти люди не унывают, а, как это ни странно, веселятся… хорошо! следуем за ними… а нас никто так и не заметил: ни меня, ни Лили, ни котяру… мы растворились в толпе… ладно! надеюсь, они не заблудятся… по мере нашего продвижения я замечаю, как мало здесь осталось домов… больше? или же меньше, чем в Берлине? примерно столько же, я бы сказал, но здесь гораздо жарче, пожар посильнее… пламя взвивается вверх, все выше… еще выше… танцует… зеленое… розовое… среди стен… я никогда еще не видел такого пламени… должно быть, теперь они стали использовать какие-нибудь

новые зажигательные гадости… ну и зрелище: на развалинах каждого дома, на кучах обломков, пляшут хороводы зеленого и розового пламени… кружат!.. вздымаются ввысь!.. и надо сказать, что эти улицы в развалинах… охваченные зеленым… розовым… красным пламенем… производили гораздо более бодрое и праздничное впечатление, чем в своем обычном состоянии… когда здесь всюду были унылые ободранные кирпичные стены… видимо, только полный хаос, непрекращающиеся бомбежки, апокалипсические катаклизмы и могли придать этим улицам праздничный вид!.. что, собственно, и произошло! уверен, здесь поработали «крепости»… и не один раз… два… три!.. пока все не разрушили… не один месяц летали здесь сотнями, день и ночь, сбрасывая тонны за тоннами… от города и вправду уже камня на камне не осталось… только фрагменты стен и костры… я вам их уже описал… объятые пламенем и покрытые сажей развалины… отовсюду доносятся слабые отзвуки взрывов… запахи я вам тоже уже много раз описывал… так вот, и в Берлине, и в Оддорте, так и здесь пахло примерно одинаково… горелым деревом… жареным мясом… а мы, сгрудившись в кучу, плечом к плечу продвигались по середине улицы, вернее, того,

что от нее осталось, по направлению к вокзалу… похоже, они действительно знали, где он находится… приближался рассвет… к счастью, зданий тут больше не было… зданий, которые могли рухнуть… всюду, как призраки, витали завитки пламени… розовые, фиолетовые… над каждым домом… тысячами домов!.. уже почти рассвело… я вам уже сказал: здесь не осталось ни одного дома, где бы жили люди!.. ни одного!.. хотя нет!.. вон там! там!.. кто-то есть!.. у стен неподвижно стоят люди! там!.. теперь хорошо видно… там какой-то человек… мы останавливаемся, подходим, ощупываем… это солдат!.. и еще один… целая шеренга!.. все стоят, прислонившись спиной к стене… неподвижные!.. мертвые, окоченевшие… их застигли врасплох!.. мы уже видели таких в Берлине… они, если так можно выразиться, внезапно мумифицировались!.. на поясах у всех подвешены гранаты… поэтому приближаться к ним все-таки небезопасно! а вдруг эти гранаты взорвутся… тра-ах!.. если они вдруг повалятся на землю! Vorsicht! осторожно!.. не трогать!.. а на другой стороне улицы, у других развалин… тоже окоченевшие солдаты… уверен, они и глазом моргнуть не успели!.. как их накрыло!.. взрывной волной!.. да, я забыл уточнить вам одну деталь…

они все были в камуфляже типа «хамелеон»!.. так и застыли!.. лучше нам держаться от них подальше… а где же вокзал?.. хотелось бы все-таки туда добраться… э, похоже, мы уже у цели! но никакого вокзала нет! в отличие от тех солдат, он не застыл!.. его просто снесло! рвануло несколько бомб!.. и он улетучился! вот вам и вокзал! даже развалин не осталось… одни платформы… три… четыре… думаю, это был центральный вокзал… Ганновер-Юг… этим личностям, похоже, все известно… но это еще не все, теперь нам нужно добраться до вокзала Ганновер-Север, что на другом конце города… ах да, чуть не забыл самое главное!.. толпы народу! все сидят, лежат на платформах и даже прямо на рельсах… гул голосов… я слышу английскую речь… англичане?.. да, это они… несколько женщин и мужчина… все англичане в штатском… что, интересно, они здесь делают?.. может, парашютисты?.. сейчас посмотрим… нет!.. это землевладельцы… три женщины и один мужчина… мужчина-инвалид… во время войны вы всюду натыкаетесь на безногих… ничего удивительного!.. эти типы направлялись навстречу английской армии, которую надеялись встретить где-то между Ганновером и Бременом… у них дома, в Брауншвейге, было радио… на-

сколько я понял, там и находились их обширные владения… причем весьма обширные… конный завод, для скаковых и рабочих лошадей… ну и само собой, кормовые культуры: люцерна, рапс… а как нацисты отнеслись к их деятельности?.. интересуюсь я… весьма благосклонно! только попросили их открыть курсы английского, и в первую очередь, разговорного… о, у них были хорошие ученики, очень прилежные… а этот калека, кажется еще больший инвалид, чем сын фон Лейденов… надеюсь, вы помните?.. в Цорнхофе? [80]… но этот совсем не похож на злобного маньяка!.. весьма галантный и рассудительный калека… как же они его довезли?.. из Брауншвейга в Ганновер?.. на пригородных поездах… за две недели… примерно, как мы из Ростока… вот уже два года, как мы катаемся на этих пригородных поездах… все это началось практически одновременно с бомбардировками Гамбурга[81], и продолжалось почти до самой капитуляции… судя по всему, в тот момент уже все решили делать

---

[80] Примечания: 80

Фон Лейдены — персонажи романа «Север», с которыми Селин встречался во время своего пребывания в Цорнхофе.

[81] Примечания: 81

Основные бомбардировки Гамбурга начались в июле-августе 1943 года.

ноги… а эти англичане просто не представляли, как они со своим калекой пойдут по Ганноверу, по этим улицам… охваченным желтым… красным пламенем… я вам уже говорил, там были не только они… на платформах и рельсах было полно народу, и все они тоже собирались идти через Ганновер в северном направлении… люди буквально со всех концов света… вот какой-то пожилой итальянец… услышал наш разговор с Лили… я сказал: пожилой… но он был примерно в том же возрасте, что и я сейчас… он нам объясняет, что ему необходимо вернуться к *своему хузяину*! он возвращается из Италии, куда ездил повидать семью, своих четверых детей… теперь он опаздывает!.. опаздывает на целых восемь дней!.. задержки на границе… а где *еуго хузяин*?.. на кирпичном заводе в Бранденбурге… прямо ему туда не добраться!.. сперва придется доехать до Гамбурга… а потом сделать небольшой крюк! и сесть на пригородный поезд! я не хотел его пугать… до этого он работал во Франции, в Тулузе и в Нарбонне… тоже на кирпичных заводах! а теперь вот в Бранденбурге, так уж получилось… он волновался, что опаздывает… но он не виноват!.. его задержали на итальянской границе… он показывает мне свои документы, мол, у него все

в порядке! и печати, и визы, и фотографии… так в чем же дело? у него слишком много документов, вот! и в одном кармане, и в другом!.. и еще в сумочке!.. только чтобы разложить их все по порядку, ему понадобится час… война есть война: все время приходится ставить печати!

Он жестами показывает мне! как они их ставили! и тут — *шлеп!*… и там — *шпок!*… без конца! ну а мы?.. кто мы такие?.. мы? откуда?..

— Оттуда!.. издалека, с юга!

А куда мы едем?

— Туда, на север!.. это дальше, чем Гамбург!

– *К хузяину*?

Да! да!.. конечно!.. у нас там тоже есть *свуй хузяин*!.. и мы тоже опаздываем… как и он!.. ну тогда ладно… это еще понятно… война его не интересует… для него война идет где-то в другом месте… а *хузяин*… вот!.. и опоздание!.. на восемь дней!.. было, отчего впасть в ярость! он ворчит себе под нос, что его восемь дней продержали на итальянской границе!.. ах! но что такое с Лили? он смотрит на нее… по его мнению, она скверно выглядит… я объясняю: немного устала… о, она бледная! согласен… ее знобит… немудрено!.. все эти люди, сгрудившиеся на платформах, много болтают, но ни один не догадался разжечь костер… правда

костров здесь и так хватает… в ста метрах отсюда, на каждой улице, и справа, и слева… по всему Ганноверу… пылают развалины домов… словами этого не передать… на месте каждого дома, прямо по центру… среди остатков четырех стен… полыхает пламя… желтое… фиолетовое… колышется… взвивается!.. до самых облаков!.. переливается… исчезает… снова появляется… это души домов… фарандола красок начинается у первых развалин и устремляется вдаль… все дальше и дальше… весь город… расцвечен красным… синим… фиолетовым… а сколько дыму… кирпичник решает развести для нас небольшой костер… такой маленький костерок…

— Меня зовут Фелипе…

Больше Фелипе ничего не говорит… он ищет кусок дерева… уже нашел… на той же платформе, прямо за нами… он достает свой нож… похоже, этот рабочий свое дело знает… и пяти секунд не прошло, как уже все готово — целая куча щепок… такое впечатление, что это длинные спички… Фелипе — настоящий умелец… а что теперь? Лили хочет попить чаю!.. у нее в сумке есть маленькие пакетики чая… а где же вода?.. Фелипе и это знает… в конце нашей платформы… можно взять полотняные ведра… и три цинковые кружки…

теперь у нас есть все! мы уже давно стали профессиональными «туристами»... в самом деле, с самого Баден-Бадена мы без отдыха болтаемся на всевозможных колымагах то туда, то сюда!.. и это не конец!.. нас еще много чего ждет!.. а пока попьем чайку... вода сейчас закипит... пригласить мы никого не можем, нам самим едва хватит!.. на нас косятся! они считают нас последними эгоистами... однако мне почему-то кажется, что они вовсе не любят чай... вот и Фелипе чай не любит, а пьет его только за компанию с нами... он ведь горячий!.. он рассказывает нам о том, что любит... *сулнце*... *сыир*... и хлеб... белый или черный... без разницы! вкусы у него простые... как и у нас... но он все-таки предпочитает кофе... а не чай... и я его понимаю, я бы рад доставить ему удовольствие... но кофе последний раз мы пили в Ростоке! и с тех пор!.. больше ни разу! а вот и англичане возвращаются... женщины и калека... они обошли все платформы: искали, нет ли здесь других англичан... нет!.. они одни... ну так что?.. каково мое мнение?.. этих женщин волнует одно: как они пойдут через Ганновер со своим инвалидом!.. тащить на себе его так далеко они не смогут, его нужно на чем-нибудь везти!.. примерно в таком же состоянии был у

нас в Цорнхофе и сын фон Лейденов… такой же безногий… его утопили в навозной жиже… а здесь все улицы с двух сторон объяты пламенем… и так до самого вокзала Ганновер-Север… а туда путь не близкий… у этих трех преданных женщин будет масса удобных случаев, ведь жаловаться на них никто не будет! даже здесь в Париже мне постоянно приходится сталкиваться с поступками куда более сомнительными… чего только со мной не вытворяли, причем в моем же собственном доме… и кому мне жаловаться?.. так уж устроен мир!.. если ты на коне, «делай все, чего душа пожелает»! а вам лучше молчать в тряпку… вас убили? аминь! вас забыли?.. вам крупно повезло! на колени, скотина!.. молите бога!.. заткнитесь и подыхайте, сучье отродье!..

Ну допустим, бросят они своего калеку в огонь… он был бы далеко не единственным liquidares! представляю, сколько уже здесь выпало из окон лишних бабулек и крикливых младенцев… «семейное жаркое», так сказать…

— Вы видели хоть одного служащего?

Спрашиваю я… да!.. на третьей платформе… взять, к примеру, нас… у нас с собой целое хозяйство: тарелки, кружки, ножи, рис, мука… уверен, все это нам еще пригодится… но как дотащить

эту кучу барахла до другого вокзала?.. кстати, может, здесь найдется тележка для багажа?.. я уже видел какие-то бесхозные… на них расположились люди, некоторые храпят… может, спросить у служащих?.. с третьей платформы?.. я обращаюсь к самой главной фуражке, самой высокой, малиновой… мне знакома местная иерархия… и постоянно помню об одном: сто марок!.. без этого лучше в разговор не вступать… здесь начальник — не женщина, как в Ульме, а седой бородач… я подхожу к нему, крепко жму руку, сто марок, и объясняю… излагаю свою просьбу, ведь времени терять нельзя… прошу его позволить нам взять одну тележку… одолжить для перевозки багажа до другого вокзала, Ганновер-Север… потому что мы сами уже выдохлись… к тому же, мы инвалиды: моя жена, я и наш итальянский друг… а нам нужно сесть на поезд в Гамбург!.. да!.. он возражает: а кто привезет ее обратно?.. я это предвидел… у меня припасена еще одна тщательно сложенная бумажка в сто марок!.. я хорошо подготовился!.. он снисходит… шепчет мне «сейчас я за ней схожу!»… я ему совершенно не верю… думаю, ему плевать и на тележку, и на все остальное… его вокзал уже разрушен!.. до основания!.. осталось только четыре перрона… я оглядываюсь… кругом

валяются спящие, прямо на рельсах, дрыхнут целыми семьями… о, я не ошибся, они зашевелились!.. встают… кажется, заметили, что мы говорим с начальником вокзала… и несмотря на свою крайнюю измотанность… и истощение… вдруг поднимаются! им интересно, о чем мы тут беседуем!.. ну и любопытство!.. оказывается, тот англичанин и его три женщины тоже обдумывали этот вариант!.. они показывают мне жестами: мы тоже! и мы!.. мы!.. начальник вокзала не возражает, мы можем взять тележку напрокат… ну все, за ней уже можно не ходить… похоже, они все слышали… вокруг тележки уже собралась целая толпа, человек пятьдесят… навалили на нее свои мешки, сумки, бутылки, спиртовки, а надо всем этим, на самом верху, как на троне, гордо восседает заботливо укутанный инвалид-англичанин… это напоминает мне карнавальное шествие!.. черт побери… быстро же они сориентировались!.. нам остается только кое-как засунуть в эту кучу наши три тюка, и пусть себе катится!.. главное — не отставать!.. они спешат!.. Ля Вига бы нам пригодился… хотя нет, вряд ли!.. похоже, мы с Лили оказались более выносливыми и здоровыми, чем он… это точно… сил уже правда совсем не осталось… а Бебер по-прежнему сидит в своей

сумке… наверняка, они за нами давно следят и обо всем догадались… определенно… догадались еще тогда, когда валялись на платформах… все пронюхали!.. вероятно, это покажется вам полнейшим бредом, но не сомневаюсь, что и сегодня, где бы они ни находились, в Москве или Буэнос-Айресе, на улице Броттэн или на Бродвее, при одном мысли о том, что мы все еще живы, их прошибает холодный пот…

Наконец-то я разглядел этого англичанина, его взгромоздили на самый верх, и он, если можно так выразиться, верховодил… до этого я на него не смотрел… честное слово, не вру… в профиль — вылитый полишинель… у англичан он называется Панч… лицо не особо приветливое, даже злое, но забавное… а где же Фелипе?.. он здесь, но просто ничего не говорит… тоже сумел пристроиться… я ему напоминаю…

— Фелипе!.. Гамбург!.. Бранденбург!

— Certo![82]

Уверен, этот думает только о том, что опаздывает и как бы поскорее вернуться… ладно!.. все заняты делом… предоставим другим связывать и укреплять это сооружение… их тут человек трид-

---

[82] Примечания: 82
Конечно! (*итал.*)

цать… пятьдесят… вот пусть и толкают… думаю, нам предстоит пройти километров пять… через весь Ганновер… здесь осталась еще куча народу… все платформы забиты… по-моему, они недовольны… еще как!.. уже орут на нас… поднимаются и собираются за нами бежать… видимо, им тоже нужны тележки, чтобы пройти по Ганноверу… уверен, если мы не поторопимся, они от нас не отстанут… вцепятся и прикончат!.. судя по всему, шутить они не намерены… необходимо уходить… и немедленно!.. полишинель-англичанин ничего не говорит… на этом троне из рюкзаков, матрасов и посуды, ему не особенно удобно, он раскачивается, с трудом удерживая равновесие… по такой улице не покатаешься… слишком много выбоин… а вокруг остатки стен… этот город разрушен еще больше, чем Берлин… тем не менее, наша тележка продвигается вперед… с остановками… естественно… все толкают… но мешают впадины… я их подбадриваю!.. они что, не видят тех, кто сзади?.. там уже все сбились в кучу, сгруппировались!.. тоже раздобыли себе тележки!.. четыре… пять… шесть!.. я чувствую опасность!.. и предупреждаю всех по-немецки… оповещаю их о надвигающейся опасности, о том, что сейчас с нами сделают…

— Schnell!.. schnell!.. morderer!

А потом по-французски:

— Там убийцы! убийцы! быстрее!

Короче, тревога… они гонятся за нами не для того, чтобы приласкать!.. пять… шесть тележек… это не сон!.. могут сами посмотреть!..

— Толкайте!.. толкайте! оп! черт бы вас всех побрал!

Не уверен, что они меня понимают… они французы?.. латыши?.. молдаване?.. да это и неважно!.. кажется, нам почти удалось оторваться от преследования… бултыхаемся с кочки на кочку, лавируем среди развалин…

Должен вас предупредить, что, начиная с этого момента моя хроника становится еще более беспорядочной, но ведь я сам пережил все, о чем рассказываю, поэтому-то мне и трудно сосредоточиться… я уже говорил вам о комиксах, но даже комиксы вряд ли смогли бы передать эти хаотичные события и этих персонажей… все происходило слишком стремительно… увы, именно так все и было!.. оказавшись в такой заварухе, вы уже ничего не можете сделать… даже сейчас, через двадцать пять лет, когда я вам это рассказываю, меня начинает трясти, я плохо соображаю… в голову лезет всякая всячина! вы

уж меня простите…

— Ближе к делу!.. хватит мямлить!

Само собой! представляете, а нас тогда едва не догнали!.. разгневанные преследователи со своими четырьмя… пятью забитыми до отказа тележками!.. нас, беглецов… а все из-за балкона, который рухнул прямо перед нами и перегородил улицу… он свалился с уцелевшего фасада дома!.. здоровенный такой балкон! из кованого железа!.. издали я не обратил на этот дом внимания… правда дом — это слишком громко сказано! фасад и пара стен… и в тот самый момент, когда я уже было подумал: ну вот, мы и попались, сейчас нас разорвут!.. тррррах! бомба!.. и не маленькая, а огромная… гремит взрыв: бабах!.. и сразу вторая, еще ближе… все в панике… и мы, и наши преследователи… во всяком случае, мне так показалось… не уверен, но думаю, что так оно и было… я уже ничего не соображаю… неужели обморок? на меня это не похоже… но даже будучи в бессознательном состоянии, я почувствовал легкую боль… в шее… что-то капает… кровь… кажется, у меня разбита голова… думаю, в области мозжечка… я просто уточняю… даже успел подумать о Лили… и о Бебере… но они внезапно куда-то исчезли… уплыли вдаль… и я сам тоже,

еще дальше… за пределы! единственное, что я отчетливо помню… это место, где упала бомба… прямо на перегороженной улице… среди рытвин и обломков железа… уже почти двадцать семь лет назад…

* * *

Я говорю себе: Лили, ты здесь, я снова с тобой!.. и с Бебером тоже!.. о, что за сирены… жуткий вой сирен… как и в Берлине… могли бы и угомониться, и так уже все здесь перекорежили!.. или почти все… да им без разницы!.. ууууу!.. опять тревога… а вокруг все залито лунным светом… я забыл вам описать этот лунный свет!.. ууууу!.. трах!.. тарарах!.. бомбы… вот именно, бомбы!.. и что они еще тут бомбят? кстати, а Фелипе?.. где же он? я спрашиваю у Лили… мне отвечает сам Фелипе, я его просто не заметил… хоть он и недалеко, в двух шагах…

— Вы угодили на кирпич!

Он мне все объяснил… не знаю, почему, но мне очень больно… болит шея у основания черепа… Фелипе ошибается, это кирпич угодил в меня, у основания черепа… он все перепутал… а шея, должен признаться, у меня ужасно болит… надеюсь, подняться я все-таки смогу, это самое главное…

нам же, вроде как, нужно двигаться дальше, вперед… ууууу! но это еще не конец!.. на юге и востоке продолжают падать бомбы… на горизонте виднеется пламя, вернее, язычки пламени… пляшущие огоньки, я их вам уже описывал… все руины охвачены пламенем… оно взвивается ввысь… потом резко опадает!.. как яйцо на струе воды, вы себе представляете… зеленое… красное… уж не знаю, что там еще может гореть… обугленные останки?.. кажется, эти «крепости» вернулись только для того, чтобы разжечь угасающие угли… они сбрасывают огромное количество бомб… тысячи!.. я уже ничего не понимаю… должно быть, эти люди очень богаты… так, что не знают, куда девать свои деньги… ууууу!.. вероятно, так они развлекаются… а какое освещение!.. лунный свет прямо как на оперной сцене… и еще лучи из «демилитаризованной зоны»… прожектора, наведенные прямо в облака… настоящая феерия!.. такое зрелище увидишь не часто… в 43-м мне довелось видеть бомбардировки Рено, Исси… я знаю, что такое тропические ливни… в Камеруне, в 18-м, при свете молний я наблюдал за тем, как уносило целые хижины, причем далеко не маленькие, огромные, почти как мой дом… вместе со всем барахлом!.. но все это не идет ни в какое

сравнение с тем, что тогда творили «крепости»… с этим безумным градом бомб… мне приходилось видеть кое-что и в другом жанре, весьма запоминающееся зрелище, такого уж никто никогда больше не увидит: грандиозные кавалерийские маневры в 1913 году, в лагере Серкотт… тогда разворачивались, выстроившись в одну линию, сразу семь дивизий!.. под звуки горна!.. а вот в будущем, захочешь продемонстрировать героизм — слетай в стратосферу… свяжут по рукам и ногам, заткнут рот кляпом — и вперед!.. и помочиться не успеешь, как оп! опять дома!.. сколько раз облетишь вокруг земли, столько и получишь званий героя!

А теперь давайте вернемся к фактам… мы тогда находились на насыпи, и вокруг было светло, как днем… нет, серьезно, луна светила очень ярко… почти как ласковое осеннее солнце… уууу! о, небольшое разнообразие!.. и там!.. и тут!.. рвется шрапнель!.. а на облаках! и между ними… расцветают разрывы мин… действительно, незабываемое зрелище… уверяю вас!.. и все это под музыку… я ищу мелодию… аккомпанемент… я спрашиваю Лили… «ты ничего не слышишь?»… конечно, слышит!.. сирены… и только!.. выходит, эту музыку слышу один я?.. а Фелипе?.. он при-

слушивается… но никакой музыки не слышит, кроме разрывов мин и воя сирен… уууу! откуда эта музыка?.. я ведь не музыкант… отнюдь… конечно, порой у меня в ушах звучат разные мелодии… даже довольно сложные… но я не музыкант… уж я-то это знаю… конечно, за столько лет мне пришлось многое услышать… больших и маленьких концертов… хотя я и не светский лев, иначе бы я был влиятельным человеком, пользовался бы авторитетом… меня бы пригласили к биржевому маклеру… все гораздо проще… как только до меня доносится… отголосок звучания какой-нибудь струны… оттуда!.. или отсюда!.. как на меня тут же наваливаются воспоминания! целая груда! подобно тому, как старая жаба покрывается бородавками, стоит вам лишь слегка до нее дотронуться… а ведь я был оглушен!.. можно сказать, едва не загнулся!.. я никому об этом не говорил, но рот у меня был полон крови… уверен, что кровь была и на рубашке, и на штанах…

Фелипе же мне объяснил: кирпич… все из-за кирпича… пусть будет кирпич!.. именно в тот момент, когда все смешалось, когда преследователи на шести тележках нас уже почти догнали, полные решимости с нами разделаться… взрыв положил конец этой сцене, похоронив всех

этих маньяков под пятью с половиной этажами кирпича… так почему один кирпич не мог попасть в меня?.. это и видел наш Фелипе… мы же находились совсем рядом!.. просто чудо, что пострадал только я!.. а надо сказать, я чувствовал сильное недомогание, и дело было не только в кирпиче, угодившем мне в шею у самого основания черепа… левое ухо… оно у меня уже давно травмировано, причем серьезно… врачи это констатировали после двух… трех осмотров… еще в 1916-м… а потом гораздо позже, в городской больнице Копенгагена… череп и массивная часть височной кости у меня в ужасном состоянии… одному богу известно, как давно я это терплю!.. свистки… звуки барабанов… паровозные гудки… ладно!.. а теперь еще и какая-то мелодия!.. мелодия!.. говорю вам: торжественная! величественная, как и вся эта панорама… думаю, что-то вроде симфонии для этого океана руин… зрелище довольно забавное… всюду язычки пламени… розовые… зеленые… то тут, то там появляются вспышки… души домов… танцуют вдали… исчезают… надо предупредить Лили:

— Не шевелись, сейчас я ее ухвачу!

— Да я и не шевелюсь! а что с тобой, у тебя что-то болит?

Но я не собираюсь рассказывать ей про свою голову!.. мне не помешала бы помощь профессионального композитора!.. причем прямо сейчас!.. у меня в голове проносятся разные реминисценции! какие-то обрывки!.. совершенно нелепые!.. ведь без контрапункта симфоний не бывает!

От виска к виску ужасная боль!.. пронзает мою голову! извините меня!.. я не хотел жаловаться… моя рубашка прилипла к спине… да!.. но я не собираюсь об этом говорить… хватит уже кривляться!.. что за хроника: я!.. я!.. Европа рушится? а вот у меня рубашка! прилипла к спине! я!.. *тююююу! тю! тю!* опять где-то сигнал тревоги… я пытаюсь воспроизвести музыку… как жаль, что меня этому не учили!.. *тюююююш!* послушаем!.. мне бы очень сейчас пригодилось второе ухо — того, что у меня осталось, явно не достаточно… хорошо бы на пианино, наугад… одним пальцем, вторым… позже я два года отбарабанил за решеткой в Копенгагене, время у меня там было… там я все время вспоминал про Ганновер и сочинял по-настоящему величественные мелодии, можно сказать, симфонии… я тихонько мурлыкал их себе под нос… самому себе… там, в каталажке… брум!.. трррах!.. уууу! я был там один, и никому не мешал… сторожа уже привыкли… я провел

в тюряге два года, в павильоне К, Vesterfangsel… раз уж я оказался в Дании, им пришлось куда-то меня пристроить…

Сейчас я сижу здесь и пишу, а сверху[83] доносится музыка, рулады симфоний… мне так кажется, я никогда никого ни о чем не спрашиваю… слушаю и молчу… но я не собираюсь напевать себе под нос, как там, в тюрьме Vesterfangsel… надеюсь, здесь танцуют барышни, а не язычки пламени, как в Ганновере… мне так сказали, а сам я их никогда не видел… я хорошо представляю себе эту студию: я поднимался туда два… или три раза… по ночам… я ведь не умею вести светских бесед, чего нет, того нет… убогого постоянно мучают угрызения совести… он молчит… как и я… вот человек, от рождения занимающий удачное положение, без колебаний сразу устремляется вперед!.. всюду лезет!.. высказывает свое мнение, обо всем судит!.. навязчиво указывает вам, что вы должны думать! светский человек ничего не умеет делать… но он таким родился… он или она всегда обо всем судят, ведь у них есть на это полное право!.. еще бы!.. а вы можете бормотать себе под нос, вас никто не услышит!.. одно дуновение,

---

[83] Примечания: 83

Селин имеет в виду свой дом в Медоне и расположенную над его кабинетом студию, где его жена Люсетт давала уроки танцев.

и вас больше нет!

Но тогда я находился совсем в другом месте, и слышал только три… ну, может, четыре ноты… сидя там, на платформе, в куче обломков и строительного мусора… на остатках платформы, на месте вокзала Ганновер-Север… надо сказать, больше у нас ничего не осталось… наши последние тряпки и рюкзаки пропали во время взрыва! землетрясение, обвал, и все семь тележек похоронены под лавиной кирпича от двух… трех фасадов, плюс балконы из кованого железа!.. а что за лунный свет! никогда вы не увидите таких трагических событий ни в кино!.. ни в театре!.. уверяю вас: Голливуд умер!.. черт побери!.. задним числом они не смогли бы вам показать того, что происходило!.. в действительности!.. что касается меня, то я не могу даже смотреть на фотографии!.. призванные воспроизводить, доносить до нас! вот именно! запечатлевать, фотографировать! мгновенно извращать реальность!.. вам не хочется видеть то, что тогда происходило?.. тогда прибегайте к транспозиции!.. к перемещению!.. и еще к поэтизации, по мере возможности! но кому это нужно?.. да никому!.. возьмите, к примеру, ту же Гонкуровскую премию!.. это же просто конец всему!.. всем и всему!.. «транспо-

зиция уже невозможна»… а зачем нужны были крестовые походы?.. но в те времена люди хотя бы перемещались сами!.. а теперь они в своих усовершенствованных супер-реактивных самолетах катапультируются с шестнадцатого этажа в Пасси прямиком на Голгофу… за семь минут… фотографируются под «Оливковыми деревьями»… мсье — в роли Иосифа… мадам — в роли Марии… детишки, естественно, в роли ангелочков… и обратно, чтобы успеть к аперитиву!.. теперь ведь у каждого в заднице мотор, они едут, куда захотят и как захотят, им уже не нужны ни ноги, ни голова, они превратились в пустые оболочки, переносимые ветром… они даже исчезнуть не смогут, это уже произошло…

Вы можете сказать: ну до чего же надоел этот старый придурок!.. безусловно, я согласен, вы правы, меня заносит… я должен продолжить рассказ об этих трех нотах… надо поспешить! прекратить выпендриваться… и описать Ганновер… вы же понимаете, это необходимо!.. до того, как я свалился от удара кирпича, я вообще никаких забот не знал… спокойно напевал, что в голову придет, беззаботно мурлыкал себе под нос, музыка меня не интересовала… но теперь я вдруг почувствовал потребность!.. мне была важна

эта мелодия… вы только посмотрите на меня! не имея ни образования, ни опыта, пытаюсь собрать какие-то обрывки… да кстати! мои костыли!.. тоже пропали во время этого идиотского взрыва… ведь на нас обрушился сразу целый фасад… так мне кажется, хотя я не уверен…

— Фелипе, дружище!.. Фелипе!

Я сообщаю ему о своей проблеме… конечно, сейчас он найдет мои костыли!.. ведь нам нужно двигаться дальше… по другому пути… на этом вокзале Ганновер-Север остался только один путь… я слышал разговоры, что скоро должен прибыть какой-то поезд… увидим!.. пассажиров-то здесь хватает!.. обычные люди, вроде нас… и военные… фрицы и венгры, по-моему… они тихонько переговариваются, перешептываются… всматриваются, как и мы… вдаль… а вокруг… продолжают полыхать пожары… догорают остатки домов… буйство красок… в ярком лунном свете мы все напоминаем пьерро: как будто мукой обсыпаны… Фелипе приносит мне мои две трости, которые оказались неподалеку… да!.. да!.. да!.. а как же моя величественная мелодия?.. она прекрасно подходит к этим руинам… я бы сказал, к этому океану огня, язычкам пламени, охватившим весь Ганновер… эта мелодия все

громче звучит у меня в голове… кажется, она совсем недурна… но как же ноты?.. ведь нужны точные, верные ноты? о, это только реминисценции… конечно… а еще?.. несколько спокойных нот после бури…

Если хотите, можете мне не верить, но после той ночи в Ганновере я не раз задавался вопросом… а может, я всю жизнь искал именно это… и везде… и всегда…

«Все ясно, он уже впал в слабоумие, мы же читали об этом в „Пари-Матч“ [84]! этот деградировавший полутруп! он уже ходит под себя!»

Можете меня перебить… правду все равно не скроешь… но после всех этих пережитых мною приключений, забавных и не очень, я по-прежнему задаю себе один вопрос… удалось ли мне сохранить в себе это музыкальное сопровождение?.. о, я ведь не претендую на многое!.. три-четыре ноты… нотки доброты, если так можно сказать… мне этого достаточно!..

И вот однажды я решился… поднялся наверх к этим барышням, танцовщицам… в одиннадцать часов вечера… я ясно слышал!.. эти три… четыре нотки… в одиннадцать часов вечера наверху уже

---

[84] Примечания: 84

Селин намекает здесь на опубликованную 24 сентября 1960 года в «Пари-Матч» статью, содержавшую резкие выпады против него.

никого не было… я знаю, что мне нужно… симфонии!.. перебираю пластинки… вот они!.. можете мне поверить, я сразу же нашел… то, что мне нужно… да!.. нет!.. да!.. а теперь к пианино! оно на другом конце студии… наверное я слишком долго об этом думал… я тыкаю в клавиши… готово!.. почти верно, так!.. да!.. эти «ля» на клавиатуре звучат точно… я продолжаю!.. ничего удивительного! если вы ломаете над чем-нибудь голову в течение двадцати лет, то, черт побери, у вас все получится!.. даже если у вас нет музыкального образования и не очень хорошо со слухом!.. я снова спускаюсь к себе, я нашел эти четыре ноты… соль диез! соль! ля диез!.. си!.. запомните!.. именно их я там тогда и слышал.

Но там, на насыпи… я чувствовал себя не особенно хорошо… плюхнулся в обморок, как барышня… а когда Фелипе меня разбудил, уже светало…

— Поезда не было?

Спрашиваю я.

— Нет… нет… пока нет!

Он меня успокаивает… ладно… я говорю себе: Лили, я снова здесь, с тобой!.. и с Бебером!.. о, но сирены: ууууу!.. так же, как и в Берлине… могли бы и успокоиться, все ведь и так разрушено!.. или

почти все… ууууиииии!.. все залито ярким лунным светом… и ттрах! бабах!.. разрывы бомб… что же они еще здесь взрывают?.. кстати, а где Фелипе?..

* * *

Вот наконец и поезд!.. вы наверняка думаете: да он только тем и занимается, что садится на поезда!.. и все же, вот он!.. кажется, это последний поезд из Ганновера в Гамбург… если, конечно, это можно назвать поездом… локомотив на угле, к которому прицеплена дюжина или же пятнадцать разбитых вагонов… вагонов?.. нет!.. покореженных фургонов, без перегородок и дверей… что-то вроде разнокалиберных платформ… но хуже всего то, что эти повозки все забиты какими-то запчастями, кажется, больше всего тут огромных прожекторов в чехлах… пассажиры при желании могут залезать и устраиваться, по возможности, тем более, что на этой линии поездов больше не будет… а потом рельсы будут взорваны, по стратегическим соображениям… все вокруг только об этом и говорят… наверное, они знают… в сплетнях далеко не все ложь, хуже всего то, что в них много правды… ну а нам все же лучше не рисковать… даже если допустить, что сведения относительно прекращения движения по линии

Ганновер-Гамбург не совсем точны, а только приблизительны… о, полезли!.. с трудом, но нам это удалось!.. мы пристроились между огромной катушкой кабеля и какой-то махиной, кажется, динамо-машиной… в тесноте, да не в обиде… Лили, Бебер в сумочке, Фелипе и ваш покорный слуга… но вот чтобы согреться остается рассчитывать друг на друга, надеть на себя нам больше нечего, все потеряно во время этой погони… и обвала… или почти все… рюкзаки и «канадки»… все осталось под кирпичами… вероятно это так, хотя точно я не знаю… успокойтесь, совсем голыми мы конечно не остались!.. но чувствовали себя почти таковыми, из-за дождя и ветра… и из-за погоды и потому, что мы ничего не ели с самого этого обвала… на самом деле ничего, ни кофе, ни хлеба… правда, положение остальных, в других вагонах, было ничуть не лучше… я видел, как они устроились… вскарабкались на эти повозки, втиснулись, как и мы, между грудами запчастей… они тоже не шевелились, как и мы, пытаясь согреться… целые группы по десять, пятнадцать человек… мужчины, женщины, между бобинами колючей проволоки, стальными брусками и прожекторами… там было полно этого хлама… и все это везут в Гамбург?.. кажется, в

хвосте были еще и остатки вагонов… четвертинки… половинки… все перекореженные… мы их тоже тащим с собой… как и вереницы прожекторов… я не против… для ремонта!.. ну и ладно!.. я обещаю Лили: «скоро позабавимся!.. увидишь!..» она не уверена… она спрашивает меня… «а тебе что, весело?»… и в самом деле, я чувствую себя в чрезвычайно веселом расположении духа… хотя голова раскалывается… и из носа, и изо рта идет кровь… не так сильно, но не переставая… капает… и еще кровь струится ручейком у меня по спине и между ног… я не жалуюсь, но там на улице, во время налета, удар пришелся мне между мозжечком и сосцевидным отростком височной кости… в волосах я нащупал сгусток крови, смешанной с грязью и чем-то еще… такой влажный теплый комок… худо-бедно, но я все-таки держусь на ногах… нам удалось влезть… в очередной раз… хоть мы и стиснуты между чехлами и динамо-машинами… главное, не свалиться с этого насеста… с этой полуразбитой платформы… задача, прямо скажем, не из легких… естественно, нам холодно!.. на дворе уже сентябрь… если мы отсюда упадем, нас никто не будет подбирать… я имею в виду, с рельсов… если они еще вообще существуют!.. мы так спешим, что кажется, будто

этого пути уже нет!.. хи!.. хи!.. я объясняю Лили, насколько это смешно… ей так не кажется… она вообще-то никогда не сердится, а вот сейчас, я вижу, рассердилась… мне кажется, это все из-за того случая с кирпичами… ну а я — совсем наоборот!.. после того случая с кирпичами, меня все время так и подмывает расхохотаться, несмотря на боль в голове… мне все кажется смешным… и эта платформа, на которой мы едем… и утренняя свежесть… свежесть?.. пожалуй, это слишком мягко сказано… настоящий холод… но я не собираюсь жаловаться!.. «Лили, у меня жар!.. а у тебя?.. а у вас, Фелипе?»… здесь кого-то трясет, не знаю, кого, но одного из нас… я уже давно болен малярией, не говоря уж о нынешних обстоятельствах… позже… чуть позже я вернусь к этой теме… к ее клиническому аспекту… но… но… эта платформа все-таки едет!.. да!.. я же сказал… мы уже едем… и сами не заметили… как тронулись с места!.. катимся!.. а что за великолепный пейзаж!.. правда, немного расплывчатый… я бы сказал: поэтичный… те, кто тащится за нами, на других платформах, наверное, тоже дрожат от холода… и тут… и там… я различаю силуэты людей… забившихся, как мы, между чехлами и прожекторами… жалких, скукожившихся… правда, одеты они получше,

чем мы… во всяком случае, мне так кажется… но уверен, что под чехлами спрятаны не только запчасти… а еще и люди, притворяющиеся кусками металла… неизвестно, откуда едут эти безбилетники… люди, которые не хотят, чтобы их видели… мы тряслись на платформах в окружении невидимых личностей… как это теперь говорят: сосуществование… ну так вперед, давайте сосуществовать!.. главное, что мы едем!.. и в Гамбург приедем вместе с этими невидимками, если, конечно, наш поезд не взорвут!.. в жизни имеет значение только то, чего не видишь, а все, что ты видишь и слышишь — это маскарад, кривляние, театр!.. например, заслуживает внимания то, что происходит где-то внутри вашей простаты… какая-нибудь микроскопическая часть гаметы вдруг решает, что все, с нее хватит, она больше не подчиняется приказам и работать отныне будет только на себя… плевать она хотела как на всех ваших дам, так и на ваш прибор! она начинает быстро размножаться делением! очень быстро, так уж ей захотелось! и оп! вы отправляетесь в могилу! оп! вы никогда не увидите эту микроскопическую частицу… эту распоясавшуюся гнусную раковую гамету!.. вы даже не узнаете о ее существовании!.. э-ля! если я буду продолжать

распространяться, то окончательно потеряю вас из виду… оп-ля! шухер!.. опять прошвырнемся по природе?.. конечно, я ведь вас предупреждал!.. моя голова!.. моя голова опять принялась за свое… о, лучше уж мне остановиться!.. и вернуть вас на нашу платформу… она катится… нагруженная огромной кучей хлама и людьми, забившимися между динамо-машинами… вот! не стоит жаловаться, ведь мы едем… а под этими чехлами, конечно полно народу… уверен! поживем — увидим!.. а как же Генрих IV? Романовы?.. Людовик XV?.. эти-то, вроде, жили припеваючи, а убийцы уже поджидали их у дверей… на каждом углу улицы… но все это, как вы понимаете, больше по части Парк и к нам отношения не имеет!.. подведем итог: этот удар кирпичом пришелся не очень кстати… это точно! но он не вверг меня в депрессию… отнюдь!.. я бы даже сказал, совсем наоборот!.. я внезапно ощутил прилив веселья!.. это выражалось несколько своеобразно… например, домишки по обе стороны дороги… обрели весьма живописный вид… что-то вроде картины с перекошенными кривыми домиками… а уж трубы на крышах… что за вид, что за стиль… естественно, дело было в моей голове!.. кирпич… я справляюсь у Лили… нет!.. кривых домиков она

не видит… не буду больше об этом говорить!.. а вот свою порцию дыма мы уже получили, целое облако сажи, мы ведь находимся рядом с паровозом… но все равно, никакого сравнения с нашим путешествием по туннелям! по подземельям Гарца! здесь-то равнина… вокруг поля… я вам говорил: тревоги не слышно!.. слышно, как очень высоко пролетают эскадрильи… но они не обращают на наши платформы ни малейшего внимания… очевидно, считают, что мы и одной бомбы не стоим… вообще-то, мы часто оказывались в ситуации, когда на нас было жалко даже одной бомбы… и тем не менее, меня ранило, хотя и рикошетом… каким-то кирпичом!.. по словам Фелипе… но во рту у меня полно крови, причем свежей, не сгустков… откуда она льется?.. тоненькой струйкой… может, из внутреннего уха?.. я размышляю, способность думать я все еще не утратил… и тем не менее, я чувствовал радость… непонятно, с чего… радоваться ведь особенно нечему… разве что тому, что мы едем в Гамбург… дальше… все дальше… а может, нам удастся найти способ проехать еще дальше?.. сосредоточьтесь целиком на какой-нибудь одной мысли, пусть она станет вашей идеей-фикс, тогда вам не придется размениваться по мелочам…

пусть теперь вместо вас думают другие… пусть тратят силы на всякую чушь… эти жалкие рабы, зацикленные на казуистике, автомобилях, алкоголе, сексе, страдающие булимией, пожирающие экскременты, постоянно совершающие абсолютно бессмысленные идиотские поступки!.. вот я, например, всегда был довольно хитрым, но совершенно неожиданно вытянул такой лотерейный билет, вляпался, можно сказать, по самые уши… даже и сейчас, через двадцать лет, я все еще задаю себе вопрос: и как это меня угораздило?..

Ладно!.. достаточно вы меня слушали! вам бы хотелось, чтобы я закончил… я вас прекрасно понимаю!.. вас уже достали все эти рассказы о кирпичах и ушах… я закругляюсь!.. наш поезд с платформами идет вперед… безо всяких инцидентов… похоже, пути в неплохом состоянии… немного потряхивает… немного… терпимо… но слишком холодно, не заснешь… главное неудобство платформ!.. остается любоваться пейзажем… мы едем уже час… или два… вокруг — все то же… фермы, крытые соломой, поля… и сплошной туман…

Но должен признаться, лично я думал о своей прилипшей к спине рубашке… я уверен… кровь все продолжает идти… и брюки тоже промокли…

однако, незаметно для себя, не обращая внимания на холод, я все же, кажется, заснул… а когда я снова раскрыл глаза, мне показалось, что я брежу… наш поезд стоял, а прямо перед нами возвышалось какое-то нагромождение металлолома… примерно метрах в ста от нас, прямо посреди поля… целый локомотив вверх тормашками… искореженный… и не такой маленький, доложу я вам, двенадцать колес!.. все двенадцать колес смотрели вверх!.. я их сосчитал один раз, потом второй… должно быть, это произошло в результате вулканического взрыва, который поднял его на воздух, подбросил, и перевернул! одним дуновением! на вершину!..

Однако я не был уверен в своей голове, в своих ощущениях… все казалось мне странным, поэтому я решил справиться у Лили… и у Фелипе… да!.. точно!.. они тоже это видят… этот локомотив брюхом вверх!.. да!.. конечно, такое могло случиться и с нами… причем не один, а сто раз!.. ведь мы без конца зигзагами колесили по Германии… однако, этот локомотив там, наверху, так высоко?.. еще и вверх тормашками? подобно святому Фоме я верю лишь в то, что вижу!.. «взгляни, Фома! дотронься!..» пока наш поезд с платформами и прочим скарбом стоит, я ничем не рискую, можно сходить

и удостовериться… я имею в виду это странное явление… гору металлолома и локомотив на самом верху… я предлагаю Лили и Фелипе… не такой уж и смелый это поступок, в поле уже было полно людей, которые спустились с платформ, как и мы, чтобы сходить и убедиться *de visu*[85]… семьи, говорящие на разных языках… тоже в лохмотьях, но все же одетые теплее, чем мы… закутанные в довольно плотное тряпье… а мы все продолжали испытывать на своей шкуре последствия этого взрыва… сорвавшего с нас практически все… была какая-то загадка в этом взгромоздившемся на самый верх горы у железной дороги локомотиве… как это могло случиться?.. здесь в поле произошло извержение? чтобы поднять и перевернуть подобную махину, одной бомбы явно недостаточно!.. забросить ее на вершину горы, так сказать… все вокруг это обсуждали… причем, очень тихо, почти шепотом… до нас доносились обрывки слов… какая-то пародия на немецкий язык… из каких они могут быть стран… никто не мог найти этому объяснение… хотя кое-что и можно было предположить: тут был склад боеприпасов… возможен и другой вариант: отдача от

---

[85] Примечания: 85
глазами очевидца (*лат.*)

испытания секретного оружия… как бумеранг… запущенный из Пенемюнде[86]… Пенемюнде же недалеко… объяснение приемлемое, вполне приемлемое… в принципе, это оружие предназначалось для Лондона… но думаю, они вполне могли повторить это еще раз… забросить и нас туда же, наверх, на эту гору… а тем временем окружающие внимательно нас рассматривали… мы были здесь самыми оборванными… должно быть, им кажется, что это неприлично… так больше продолжаться не может!.. они тут же догадались использовать брезент с платформ!.. и оп!.. карабкаются туда, возвращаются! режут, кроят!.. ради нас!.. черт побери!.. большие лоскуты зеленой… коричневой материи… чтобы мы могли прикрыться… сделать себе пеплумы… подвязав их веревками… на этих платформах есть все!.. кажется, между прожекторами и мотками кабеля все еще полно спящих людей… и детей… ну так вот, мы сделали себе пеплумы из кусков брезента… и наконец обрели приличный вид!.. хотя ткань довольно мокрая… как-никак, осень… мы и к завтрашнему дню не просохнем!.. я вам

[86] Примечания: 86

Пенемюнде — остров в Северном море, неподалеку от берегов Померании, где находились немецкие лаборатории по разработке различных видов «секретного оружия».

уже говорил, что все вокруг перешептывались… на смеси нижненемецкого и других наречий… позже… позже я у них поинтересуюсь… теперь у меня новая идея-фикс: локомотив наверху, в воздухе… кажется мне смешным… я задаю вопросы… тому… этой… им самим ничего не понятно… они для того и спустились со своих платформ, чтобы узнать, что случилось… я начинаю проявлять нетерпение… кроме того, знаете, у меня по-прежнему болит ухо… и хоть я вообще не пью, я чувствую себя немного пьяным… даже трости уже не помогают… точнее, палки… о, ничего удивительного! симптомы вполне обычные… и теперь, через двадцать лет, я постоянно чувствую что-то вроде опьянения… еще бы, ведь мне уже много лет, и я испил чашу до дна… когда смерть уже близко, человека должно качать, он уже пьян от жизни, от всей этой свистопляски, вот и все!.. надеюсь, я вас позабавил… а тогда меня вдруг начало раздражать, что я не понимаю этих людей… — А французов здесь нет?.. Keine Franzosen?

Теперь я говорю громко… хватит шептать, черт возьми!..

— Ja!.. ja!.. eine Dame![87]

---

[87] Примечания: 87
Да!.. да!.. какая-то дама! (*нем.*)

Ага, кто-то все же откликнулся! так где же эта дама?

Все отправляются на поиски… кажется, она где-то на платформе?.. может, под брезентовым чехлом?.. некоторое время ее ищут… а, вот и она!.. однако она совсем не в лохмотьях… одета почти кокетливо… как ей это удалось?.. мы-то прикинуты, как оборванцы… в мозаике из кусков брезента… настоящие пугала!.. откуда же взялась эта барышня?.. лучше спросить у нее…

— Имею честь, мадмуазель!

Она, действительно, похожа на барышню…

— Позвольте представить вам мою жену и нашего друга… Фелипе!.. имею честь отрекомендоваться… Луи Детуш… доктор медицины…

— О, как мне приятно, доктор!.. мадам, разрешите вас обнять!.. если вы не против!..

— Конечно!.. конечно!..

Эту барышню зовут… Одиллия Помаре… внешне она выглядит гораздо лучше, чем мы… я имею в виду ее наряд: платье, корсаж, меховая шапочка, вокруг шеи — горжетка… но вот по ее лицу… похоже, что у нее чахотка… небольшие красные пятна на скулах… худая, вся дергается… истощенная… я ничего не выдумываю, у нее такой вид, будто она серьезно больна… я не соби-

раюсь ни о чем ее спрашивать, она сама тут же начинает покашливать, хочет показать мне свой носовой платок…

— Да… да… и часто?

— Вот уже месяц, как участилось… а началось еще во Франции…

Откуда же она едет? из Бреслау!.. смотри-ка!.. наш приятель Преториус, тот самый, из Берлина, с редкими растениями, живший на подвешенном этаже, тоже был из Бреслау[88]!.. heil! heil! да, точно, в Бреслау был один Преториус, адвокат! она была с ним немного знакома… но, может, это другой? кардинал Рец[89] считал, что мы совершаем столько же ошибок из-за мнительности, сколько из-за доверчивости… э, да бог с ним, с кардиналом! могущественным, и все такое!.. а вот если вы всего лишь убогий доходяга, на кой хрен вам нужна доверчивость! к чертям ее!.. архи-недоверие! и только! ну ладно, я ее слушаю…

---

[88] Примечания: 88

Селин имеет в виду персонажа романа «Север».

[89] Примечания: 89

Имеется в виду Жан Франсуа Поль де Гонди (Рец) (1613–1679) — французский писатель, кардинал, политический деятель. В 1641 г. участвовал в заговоре против Ришелье. Был одним из вождей Фронды, после разгрома Фронды оказался в тюрьме, откуда бежал в Италию. После 6 лет скитаний по Европе вернулся на родину. В конце 60-х начал писать «Мемуары», которые принесли ему славу мемуариста и яркого прозаика 17 в.

что делала в Бреслау эта барышня, харкающая кровью? преподавала в университете!.. о! о!.. а какая у нее должность?.. агреже[90] по немецкому языку!.. она ведь закончила Сорбонну!.. думаю, все это басни! а видит ли она этот локомотив наверху?.. пусть отвечает! черт возьми!.. сейчас же!

Нет, я не шучу!

Конечно, она его видит!.. и это не кажется ей странным?.. нет!.. похоже, эта малышка не в своем уме!.. она преподавала в Бреслау? бредни!.. бредни!.. на меня нападает безумный смех!.. имею право!.. все на меня смотрят… ну и что?..

— Это из-за кирпича!.. из-за кирпича!..

Я им объясняю!.. si! si!.. Фелипе подтверждает… лучше, объяснить им, почему я так развеселился… из-за кирпича!.. кажется, эти лохи там тоже были!.. а где же они были?.. и вообще, откуда все они едут?.. из Бреслау или еще откуда!.. но они-то все в лохмотьях!.. а эта харкающая кровью Одиллия?.. платье и лиловый шарф почти не помялись… ее семья живет в Оранже… а училась она в Эксе… возможно!.. защищала диссертацию в Париже… не знаю, но в одном я уверен: эта Одиллия серьезно больна… в голове у меня пол-

[90] Примечания: 90

Агреже — лицо, прошедшее конкурс на замещение должности преподавателя лицея или высшего учебного заведения.

ная путаница: наверху — перевернутый вверх тормашками локомотив, рядом — Одиллия Помаре, не знаю, агреже она или нет…

— Мадмуазель, позвольте измерить вам температуру!..

— Где, доктор?

— Под мышкой, мадмуазель!

— Лили, термометр!

Я знаю, что Лили тоже сильно досталось во время этой гонки с преследованиями… когда обрушилась лавина кирпичей, я за нее даже испугался, но хоть она осталась практически голой, ей удалось спасти свой пояс… весьма кстати!.. там был мой неприкосновенный запас… ампулы, пакетики с лекарствами, шприц… камфарное масло, морфин… маленький флакончик цианида… и термометр!.. 38,5!.. вот так цифра!.. что же мне ей сказать?.. надо подумать…

— Оддорт!.. мы же должны были ехать в Оддорт… на поезде… вы не в курсе?

Одиллию не интересует мое мнение… ей хочется узнать все про Оддорт!.. прямо сейчас!

— Да, мы в курсе!.. но здесь, мадмуазель, вам гораздо лучше… вам было удобно?.. вы ехали в вагоне?

Я тоже проявляю любопытство! имею право.

— Все остальные пассажиры в лохмотьях!.. откуда едут эти пассажиры?.. а локомотив наверху?

— Где это наверху?

Она что, рехнулась? какова наглость!.. я же вижу восемь колес! торчащих вверх! там, наверху! он даже двигается!.. и я его слышу!.. чухх! чухх! уверен, что эти звуки не только у меня в голове!.. о, эти звуки в моей голове! мне знакомы, я к ним привык! разве нет?..

И вдруг резко! я больше ничего не слышу…

* * *

Даже не знаю, как им это удалось… но они все же взгромоздили меня наверх, на мое место между динамо-машиной и желтым прожектором… я не очень хорошо это себе представлял, но наверное, им пришлось потрудиться… в этом участвовали человек двадцать… тридцать… конечно же, Лили и Фелипе тоже… думаю, как и все эти люди… я-то был без сознания… подробности я расскажу вам чуть позже…

Дрррринг! я вынужден прерваться… все понятно… это из НРФ!.. придется ответить! *приторможение*!.. Нимье хочет меня видеть!.. ну да!.. конечно, черт побери… пусть приезжает!.. вот

уже два года, как он собирается приехать!.. точно! он купил себе машину, специально ради этого! думаю, он уже успел ее обкатать… поэтому и звонит…

А вот и Нимье, он не постарел… я бы даже сказал, помолодел, просто мальчишка… причем, выглядит еще более бодрым, чем во время нашей последней встречи… я делаю ему комплимент… но он приехал не для того, чтобы выслушивать похвалы!.. ему не до политеса и не до сердечных излияний… он хочет поговорить о моем провале! о моем окончательном фиаско в литературе… Ахиллу все это уже порядком надоело, о чем он и хочет мне сообщить… знакомая песня: молодежь меня не знает, старики меня на дух не выносят, книжные магазины меня бойкотируют… в университетах все уже давно впали в детство, лепечут что-то невнятное… а члены всевозможных партий со своими *манифессами* готовы повесить меня при первой же возможности!

— Ну и что?

— Наш «brain-trust»[91] — он имеет в виду «Обосрение» — решил, что вам следует присоединиться к левым… только левые могут вас раскрутить!..

---

[91] Примечания: 91
Мозговой трест (*англ.*)

а так вы просто одинокий старик… короче говоря, анархист-маразматик… всех остальных авторов кто-то поддерживает… они входят в «обойму»… хотя у вас еще есть шанс… если вы согласны выслушать!.. то, что сказал мне Ахилл… ведь Кашэн-то в общем неплохо устроился!..

Кашэн? постой-ка!.. это имя мне что-то напоминает!.. ах да!.. плакаты!.. в те времена, когда я ездил в Безон, я видел их каждый день… зеленые!.. как раз перед заводами Берлие[92]… но Нимье я об этом рассказывать не собираюсь… я никогда ничего никому не рассказываю…

— Вы ничего не писали на эту тему? хоть несколько строчек?.. ласковое словечко?.. все равно что, но чтобы это могло понравиться левым?.. мы могли бы это обнародовать!.. давайте!.. давайте… подумайте, Фердинанд!

Я начинаю старательно думать, принимаюсь за дело… роюсь в памяти… ах да!.. ну да!.. но как же это было давно!.. прошли годы!.. и годы… я пытаюсь вспомнить… в Саргассовом море воспоминаний можно найти все… под толщей воды болтается множество каких-то тел… тела из-

[92] Примечания: 92

С 1940 по 1944 году Селин каждый день ездил из своего дома на Монмартре на работу в диспансер в Безоне, проезжая по пути мимо завода Берлие.

вестных личностей… и тела забытых бродяг… второстепенных персонажей… вокруг шевелятся водоросли… и еще… водовороты… круговороты… попадаются даже знаменитости!..

— Нимье!.. Нимье, постойте!

Еще одно усилие… а вот, кажется… да! да!.. точно!..

— Послушайте, а как же «Путешествие»?.. 1933!.

— Ну и что дальше?

— На русском!

— Оно было переведено на русский?.. на русский… а кем?..

— Мадам Эльзой Триоле!

— Она говорила по-французски?

— Пару слов… не больше… но зато великий рифмоплет Обрыгон[93] приложил к этому огромные усилия!

— Браво! браво!.. вы уверены?

— Совершенно!.. я сам, своими глазами видел их за работой! они переводили мою рукопись… они сидели в кабинете… у окна!.. я достаточно точен?

— А у вас есть этот перевод?

---

[93] Примечания: 93

Имеется в виду Луи Арагон, который совместно с Эльзой Триоле перевел на русский язык первый роман Селина «Путешествие на край ночи».

— У меня он был, но теперь больше нет… он пропал вместе со всем остальным!.. помните, тогда, на улице Жирардон… когда чистильщики все вычистили из моего жилища на трех грузовиках…

— А у русских он есть?

— Ну конечно! я убедился в этом на месте!..

— Где?

— В Петрограде!

— Вы?

— Да!.. и к тому же, за свой счет!.. пусть знают!.. хоть они и были должны мне бабки… невежи и невежды! иначе не скажешь!.. вот я, например, никому ничего не должен: ни Ахиллу, ни Гитлеру, ни Нобелю, ни Сталину, ни Папе! и вот результат: я уже едва волочу ноги на свои доходы…

— Ну так что?

— Я спрошу у русских, что они сделали с «Путешествием»… должен же остаться у них хотя бы один… или два экземпляра… конечно, Россия слишком огромная, но все же, если они немного подсуетятся…

— Мой дорогой Селин, я вас покидаю! я спешу, меня ждут! это мое пятнадцатитысячное приглашение!

Я не совсем понял!

— В издательство «Ту Пари», Селин!

Я провожаю его и тут же бросаюсь к столу… письмо мадам Триоле!.. при всем моем уважении к ней я осмелился… справиться у нее о судьбе перевода, выполненного ею в 34 году! и я жду… пятнадцать дней… два месяца… год… ничего!.. мадам Эльза обижена… однако я не отчаиваюсь… раз уж я за это взялся, теперь я пишу, и тоже безукоризненно вежливо, в Посольство СССР «Господину Культурному Атташе»… на улицу Гренель… проходит год! ничего!.. неважно! теперь господину Громыко!.. я пишу ему лично, это для него большая честь… господин министр… он-то всегда на месте!.. и у него целая армия секретарей… одно его слово, одно указание, и они все найдут!.. черта с два!.. так же, как Эльза и Посольство… думаю, они просто растерялись… не знают, как нужно себя вести… они ведь совсем не воспитаны! что за растяпа эта огромная Россия!.. безмятежно теряет все, что ей дарят…

Я два года не видел Нимье…

— Алло! алло!..

Он не дает мне и слова сказать… у него ведь куча дел! к черту «Путешествие», Громыко, Триоле и все остальное!.. ему хочется рассказать мне про свою новую машину, такую красивую!.. це-

ликом из plastic!.. он купил ее специально, чтобы приехать ко мне! хороший способ выделиться во Времени, в пространстве и среди окружающих… покупать себе новые машины!.. я не против, пусть развлекается… но я-то должен вернуться к вам!.. вы ведь не забыли?.. мы расстались с вами не так давно… ну да, точно, моя голова, кирпич!.. мадмуазель Одиллия Помаре?.. в самом деле, она мадмуазель или мадам?.. о, там видно будет… позже поинтересуюсь…

* * *

Поймите, я вовсе не хочу вас разжалобить… я описывал свои несчастья уже в четырех книгах… пора бы мне хоть немного подумать о вас… уверен, и вам случалось страдать… конечно, не так!.. в тысячу раз больше!.. просто вы очень деликатны! вы никогда ничего не выказываете, ни единым вздохом!.. вот и мне уже хватит распространяться о своих несчастьях!

А тогда я находился на платформе, куда меня буквально втащили… на этом подобии эстрады, если так можно выразиться, прямо на открытом воздухе, я мог бы орать сколько угодно, никто бы ничего не услышал… из-за шума колес и бряцанья сваленных здесь запчастей и инструментов:

динамо-машин, прожекторов, брусков, лопат… простите, что повторяюсь… ведь мы уже наверное в десятый раз отправляемся через Германию, сам не знаю куда… по равнинам, чем-то похожим на степи, по туннелям, напоминающим печи, заполненные сажей… а как же путешествие по морю? да, забыл! сейчас вы опять скажете, что я вам надоел… что это просто невыносимо скучно!.. почему бы мне что-нибудь не придумать, не транспонировать… ведь именно этим раньше все и занимались… те, кто писал еще на старофранцузском… Жуанвиль[94], Вилардуэн[95] говорили только на этом языке, им повезло… но вот если бы я стал так писать на современном французском языке, который уже настолько обеднел, стал таким пресным, выродился в академические словоблудия, то меня, боюсь, стали бы считать

[94] Примечания: 94

Жан Жуанвиль (1225–1317) — известный французский писатель-мемуарист. Сопровождал Людовика IX в крестовом походе в Египет (1248–1254). Впоследствии написал свои мемуары на старофранцузском языке — «Книгу о святых речах и добрых деяниях Святого Людовика» — посвященные 7-му крестовому походу и личности короля. Он идеализировал короля, его набожность и христианское смирение.

[95] Примечания: 95

Жоффруа де Вилардуэн (1160–1212) — французский государственный деятель и писатель. Участвовал в 4-м крестовом походе, написал хронику «Завоевание Константинополя».

полной мерзостью, отрыжкой «Плеяды» [96], и вообще перестали бы покупать… хотя мне на все это плевать, мне уже недолго осталось… достаточно меня уже преследовали, заключали в тюрьмы, обворовывали, в том числе и плагиаторы… теперь я уже очень стар, и забил на все, галера вывезет!.. как же!.. галера! галера! легко сказать! если я не буду продолжать старательно грести, то отведаю хлыста, да еще как!.. меня исполосуют до красного, фиолетового, белого цвета… эта проклятая галера все больше и больше набирает воду, но пока не тонет…

Опять меня уносит вдохновение… э!.. о! я же должен вернуться к этой барышне!.. надо бы послушать ее, хоть одним ухом… о, только одним!.. а вот другим никак… мадмуазель Одиллию Помаре… но я не мог даже пошевелиться… со мной такое редко случается, чтобы я лежал вот так на спине… без сил… это не в моем духе… но правда мне сильно досталось… не думаю, что я потерял сознание, просто меня сильно оглушило, я ослаб… а этот поезд вместе с нашей платформой все ехал… я подумал!.. а вдруг я

[96] Примечания: 96

Когда Селин писал «Ригодон», в серии «Библиотека Плеяды» уже готовился к изданию том с его романами «Путешествие на край ночи» и «Смерть в кредит».

открою глаза и увижу, где мы находимся?.. но напрасно я старался, мои глаза ужасно болели, но по-прежнему оставались закрытыми, веки, как будто свинцовые, слиплись… я ощупываю их… какие огромные!.. я весь опух, не только глаза и рот, уши тоже, весь в синяках и шишках… ничего удивительного! послушаю, что говорит эта барышня… до меня доносятся ее слова… я лежу, завернутый в брезент, между ней, итальянцем Фелипе, Лили и рюкзаком с Бебером… рядом с огромным прожектором…

Мадмуазель Одиллия?.. а может, она и мадам, кто знает? мне-то что!.. агреже по немецкому языку?.. опять-таки, не уверен!.. преподавала французский в Бреслау? гм!.. гм!.. а что она рассказывает… какие превратности!.. ей сказали, что нужно уезжать, что русские уже у ворот… иначе случится непоправимое!.. ладно! вполне правдоподобно!.. но это еще не все! «возьмите с собой детей, сорок два человека… без них не уезжайте!..» и сколько же уцелело из этих сорока двух? двенадцать?.. тринадцать?.. она так думает… точно неизвестно… эта барышня, Одиллия, много кашляет… и харкает кровью… я на нее не смотрю, просто не могу, с меня достаточно ее слушать… по правде говоря, она уже достала меня своими

рассказами про Бреслау, про этих дефективных детишек и т. д… у меня что, и так голова не болит? черт! да еще и этот локомотив!.. там, наверху! интересно, как он там?.. уверен, он по-прежнему летит сквозь облака… точнее сказать, от облака к облаку… все так же, вверх тормашками, брюхом вверх, да еще и пыхтит… чуххх! чуххх! подумать только, барышня Одиллия из Экс-ан-Прованса и Бреслау путешествует со своими дефективными детишками… сколько их, я вам сказал?.. четырнадцать или шестнадцать!.. в специально зарезервированном для них вагоне… а куда она дела остальных детишек? они все умерли от краснухи?.. она так думала, когда они проезжали через Хемниц, ей так сказал врач из «Красного Креста»… от краснухи, а может, еще от чего!.. из Бреслау одна дорожка — в Оддорт… забавно, ничего не скажешь! да уж… если бы они прибыли туда вовремя, для них бы уже все закончилось, их бы поджарили! вместе с этой Одиллией! она и представить себе не могла, как весело там все полыхало!.. там бы ее вылечили от туберкулеза! кстати, в огне закончила не только берлинская Канцелярия, в тысяче мест было то же самое: и на западе, и на востоке, и на севере… так что никогда не стоит слушать пропаганду, откуда бы она ни

исходила: с востока, с запада или с севера, — в ней нет ни слова правды… дни этих пропивших свои мозги придурков уже сочтены, но они все равно с пеной у рта будут убеждать вас, что все великолепно… а на самом деле все уже прогнило, начались предсмертные судороги… предположим, что завтра к нам сюда с востока, запада или севера прилетит ракета… и что тогда случится?.. может, все резко переквалифицируются в коммуниссов?.. или в анти?.. все просто превратится в кашу, и конец! вместе с боженькой, хочется ему этого или нет! вот вам результат постоянного мощного развития прогресса с его мировым охватом и атомными технологиями: на арене оказался весь мир, а наблюдать из амфитеатра уже некому!.. Цезарь, удобно развалившийся в своей ложе, разлетится на нейтроны, как и все простые смертные!.. и даже не первым или отдельно от остальных, нет! не будет ни процессий, ни ликторов, ни весталок!.. за одну четверть секунды! тарарах!.. и привет!

Не думайте, мне не до смеха!.. естественно! я ведь внимательно слушаю… чухх! чухх!.. это все локомотив… там, наверху, на облаках… и еще барышня Помаре совсем рядом… а я ничего не могу поделать, я же зажат между огромным про-

жектором и еще какой-то штуковиной… я знаю, что если пошевелюсь, мне будет еще хуже… особенно меня беспокоит ухо… прошу прощения, я не жалуюсь!.. я просто вам об этом напоминаю… тот кирпич!.. достаточно серьезно меня задел!.. и если бы я хоть немного пошевелился… то вполне мог скатиться вниз!.. на камни!.. прямиком на насыпь… я все слушаю… она оставляла своих ребят и там… и тут! то на одном вокзале… то на другом… и на фермах тоже… когда их заставала тревога… мадмуазель Одиллия все рассказывает… они три раза пересаживались с поезда на поезд…а сколько детей теперь у нее осталось?.. кажется, двенадцать… и все больные?.. ну конечно!.. не говоря уж о том, что эти микроцефалы даже в обычном состоянии постоянно икают и пускают слюни… так чем они еще больны?.. кажется, краснухой, ей так говорили… хотелось бы взглянуть на этих детей… это не так просто!.. они разбросаны по всему поезду, под чехлами… на разных платформах… откуда они вообще взялись?.. на каком языке они говорят?.. да ни на каком!.. просто бормочут невесть что… этим ребятишкам от четырех до десяти лет… примерно… а вот сама мадмуазель Одиллия говорит на многих языках, на немецком, на русском, и даже диалекты знает… эти детишки

вообще ничего не понимают, она уже все испробовала… вообще-то, они очень похожи на даунов, должно быть, из какого-то приюта… их спешно эвакуировали!.. о, ее ведь даже не предупредили!.. ей просто передали всю эту ораву, совершенно неожиданно, перед самым отходом поезда… плюс два ящика сухого молока… и вперед!.. «в Оддорте их у вас заберут! вас там уже ждут! доброго пути!» Оддорт… я не собираюсь ее просвещать!.. насчет этой иллюминации!.. нет!.. я и так уже устал!.. а эта Одиллия, сидя рядом со мной, кашляла все сильнее и сильнее… Лили шепчет мне на ухо… Одиллия харкает кровью… этого только не хватало… но мне почему-то смешно!.. я уже не могу удержаться… имею право! я ведь тоже харкаю кровью, черт побери!.. тот кирпич дал мне полное право веселиться!.. кровь течет у меня изо рта и из уха!.. Одиллия обрывает мой смех…

— Доктор, неужели и вы? вы тоже?..

Я тут же ей отвечаю, у меня ведь на все ответ найдется… я даже кричу…

— А вы ничего не видите там наверху, в небе?

Она смотрит…

— Да нет, ничего! ничего, доктор!

Мне от этого не легче! хотя не стоит жаловаться! не так уж все и плохо! наш поезд ведь едет…

мне так кажется… правда, очень медленно… я бы тоже мог харкать, как и Одиллия… точь-в-точь!.. причем тоже кровью, как и она!.. но у меня она просачивается из уха… так мне кажется… прямо в рот, там уже полно крови… если вспомнить анатомию… в ухе находится очень тонкая, тоньше одного миллиметра, мембрана, в которой есть небольшая дырочка между острием массивной части височной кости и жидкой оболочкой мозга… ну да, это такой проход, чтобы кровь фильтровалась!.. так что же из этого следует?.. мне нельзя двигаться, даже глаза лучше не открывать!.. и хорошо, хоть этой Одиллии я не вижу!.. только смогу ли я вообще поднять веки?.. хороший вопрос! веки у меня, как будто свинцовые!.. это все в результате того удара кирпичом по башке… ничего не поделаешь!.. как давно это продолжается! всегда я, а не кто-то другой!.. не туберкулезница Одиллия, не Лили, не итальянец… кстати, подозрительный тип… кирпичи делает… сейчас я разовью свою мысль… целый день хвастается этим, тоже мне, нашел, чем гордиться… а вот я своим ухом гордиться никак не могу… да и вообще, если у тебя треснул череп, это совсем не смешно… нет!.. смешно!.. из-за этого локомотива в облаках и чаек, что летают вокруг… чухх! чухх!

я даже его слышу… он проплывает через одно облако… через другое… он еще появится!.. но все это не так уж страшно… главное, не шевелиться… и чтобы наш поезд с платформами ехал вперед!.. вместе с нами и прожекторами!.. ах, как меня подмывает расхохотаться!.. но я сдерживаюсь, мне не хочется никого обижать… кстати, а с чего это я так развеселился?.. черт возьми!.. я уж и забыл… постепенно я начинаю понимать, о чем рассказывает эта Одиллия… в общем, всех этих маленьких кретинов эвакуируют из какого-то приюта… их всех быстренько собрали!.. русские уже на подходе!.. «ни о чем не спрашивайте, просто уносите ноги!» ну конечно, в Оддорт!.. да уж, им крупно повезло!.. конечно, их там ждали!.. и организовано все было по высшему разряду, ничего не скажешь: жидкий фосфор, обстрел… Одиллия Помаре даже ничего и не подозревала… они просто опоздали…

А в пути к ним еще и краснуха привязалась… сколько детей умерло?.. Одиллия могла сказать только приблизительно… но теперь Одиллия твердо решила заняться исключительно собой, своим здоровьем, вылечить кашель… а может, те детишки подохли не столько от краснухи, сколько от голода?.. хоть им все же выдали в Бреслау

три ящика сухого молока… не густо!.. но я пока что ни одного из этих ребят не видел… по словам Одиллии, они спят там, дальше, под чехлами… где-то там… а поезд все едет, причем довольно быстро… и пока ни одного сигнала тревоги, ни одного самолета… если бы не холод, мне бы могло показаться, что мы просто путешествуем… путешествуем куда?.. ничего, когда-нибудь приедем!.. а может, вообще никогда! как это забавно!.. я с трудом сдерживаю смех!.. прямо над нами, сквозь облака проплывает локомотив! в тот самый миг!.. чуххх!.. чуххх!.. вот он!.. вверх тормашками, все двенадцать колес вверх!.. и вдруг исчез… я ищу Лили, ее руку… так мне лучше… я спрашиваю ее:

— У тебя не болят глаза?

— Нет… ничего подобного…

Мои слова услышал итальянец…

— Да нет, Dottore!.. ведь сажи нет! никакой сажи!.. они толкают нас сзади!

Великолепно!.. браво!.. неужели до самого Гамбурга без сажи доедем? решили нас побаловать, прицепили локомотив сзади!

А Одиллия требует, чтобы я ее слушал…

— Доктор!.. мадам!.. да посмотрите же на меня!

Нет!.. и не подумаю!..

— Я останусь в Гамбурге! просто я больше не

могу!.. дальше я не поеду…

Лили спрашивает ее:

— А как же дети?

— Я больше ничем не могу им помочь… я даже не знаю, где они… должно быть, на задних платформах… так мне кажется… может, вы будете так добры?..

Она хочет спихнуть их нам… я ничего не отвечаю… я и сам-то не в лучшем состоянии… но ее слова заставляют меня задуматься: а с нами-то что дальше будет?.. поезд все едет, ну и ладно… правда теперь не так быстро… мои глаза устремлены вверх… мне не до созерцания пейзажей… а то я бы определил, где мы… о, теперь едем еще медленнее… тормозим!.. может, это уже Гамбург?.. вот именно!.. два… три толчка… готово!.. остановились! а мне что делать, я весь отек!. приподнимаю себе одно веко… пальцем!.. порядок!.. кое-что вижу!.. теперь другой глаз!.. ну вот, есть щель, даже бойница, если так можно выразиться… этого достаточно!.. теперь попробую сесть!.. оп!.. сделаем усилие… я прямо как пьяный… но все-таки определенного прогресса я добился… я уже и думать забыл про этот безумный локомотив в облаках… теперь я думаю о том, что с нами будет дальше… у меня ужасно болит голова!.. да еще и

смех разбирает… смех-то точно из-за кирпича!.. этого типа, что печет кирпичи, я бы просто под суд отдал… ладно!.. ладно!.. позже! позже!.. нужно все же оглядеться по сторонам! осмотреться!.. да, ну и зрелище!.. просторы… просторы… черт побери, это же порт!.. точнее, бухта! огромная… и там полно кораблей… но все корабли кормой вверх, винты торчат… лежат, зарывшись носом в тину… я вовсе не пьян, но забавно! обхохочешься!.. примерно десять кораблей, причем не маленьких, не меньше, чем по пятнадцать тысяч тонн… здесь наверняка есть и маленькие корабли… но их я не вижу… а большие вижу… все понятно… мы уже видели разрушенный Берлин… Ульм… Росток… теперь посмотрим на развалины Гамбурга… причем, здесь разрушен не только город, но и порт… и население уничтожено… кстати, а где портовые краны?.. ни одного!.. должно быть, все снесли!.. я неплохо знаю моря, во всяком случае, лучше, чем железные дороги… как-то я даже потерпел кораблекрушение недалеко от Гибралтара… что бы еще вам описать? передо мной расстилалась бухта, огромная водная поверхность… а на суше винтами вверх валялось примерно двенадцать кораблей… могу себе представить, на что похож город!.. я спрашиваю у Лили:

— Где мы?.. что это за вокзал?

— Какой-то новый… ничего не написано… никаких надписей нет…

— Ты уверена?

Она оглядывается… а Фелипе, боюсь, даже читать не умеет… кажется, ни на платформах, ни на деревянном перроне уже никого не осталось… все взрослые и дети вышли… я их вижу, они сидят на камнях, и, похоже, никуда идти не собираются… ага, вот и малолетние кретины!.. это точно, таких ни с кем не спутаешь, все как один колченогие, с огромными болтающимися головами, им примерно от четырех до десяти лет… слюнявые маленькие Квазимодо… я тоже ищу глазами надпись… ничего! как и в Оддорте… и тоже ни одного служащего… по-моему, это временный вокзал, который построили вместо разрушенного… надолго он явно не рассчитан… его строили наспех… зато порт отсюда видно очень хорошо… и эти корабли винтами вверх… а как же локомотив в облаках?.. не знаю, не знаю… возможно, галлюцинации! результат лихорадки… но я точно вижу все эти суда задницами вверх!.. vide Thomas! vide latus![97] а вот все рассевшиеся внизу на камнях странные

---

[97] Примечания: 97

Здесь: Смотри, Фома! смотри внимательней! (*лат.*)

туристы и слюнявые детишки ничего этого не видят… потому что мы-то находимся выше всех…

— Доктор! доктор, вот они!

Они ведь уже давно сошли с поезда! она говорит о своих недоносках… но ее волнует только кашель… она ничего не видела… к сожалению… они сами вылезли из-под чехлов… уверен, никто им не помогал…

— Они идут сюда!.. они идут!

— Да они ведь вас не покусают!

Ее волнует только кровохарканье!.. ну и дела!

— Мне нечего им дать, доктор!

Черт побери, нам тоже… последний раз мы ели хлеб примерно дней восемь назад… мы совершенно выбились из сил, на грани истощения, да еще должны слушать эти глупости!.. на кой нам это сдалось!.. мне нужно обдумать наше положение… куда нам ехать дальше… и как? уверен, опять начнет прокручиваться та же пластинка «смелей, малыш!»… скоро мне уже стукнет семьдесят… а в первый раз меня, кажется, подбадривали этим «смелей, малыш» в 96-м… помню, мы с дядей шли тогда через площадь Карузель, он направлялся на улицу Сен-Пер открывать свою лавку… а мы с матерью — к улице Дрюо, в ее магазин на улице Прованс, где она продавала кружева… если об-

ходить все киоски на площади Карузель, этому конца не видно… тут не до развлечений… моя бедная мать никогда не стремилась к развлечениям, как и я… тогда мне даже ее «смелей, малыш» были не нужны!.. я сам себе это говорил… мой придурок дядя считал, что меня с детства нужно приучить вкалывать на полную катушку… хотя мы с матерью вообще никогда не ленились… конечно, быстрей было бы омнибусом, но билет на двоих стоил пять су…

Кажется, я опять про вас забыл!.. ах, уж эти старики, вечно привязываются со своими воспоминаниями молодости, рассказами о милых пустячках: как они не там пописали, как болели в детстве корью, пачкали пеленки… я-то каждый день вижу их фотографии в моей газете: со спины, в фас, в профиль… складки на животах, запавшие виски, дряблые тела, счастливые в своем слабоумии, вполне довольные собой развалины… да на них уже давно пора ставить опыты… они считают себя звездами, которыми все восхищаются так же, как похитителем детей с улицы Торшон или суперзвездой Бриллиантин… эти великие Вожди нации… фантастические маршалы Пиф-Паф… неплохо бы всем им сделать вскрытие, чтобы представить нам мусор в их головах, панкреасы,

простаты, чтобы все увидели, из чего сделан прирожденный трепач, его самая что ни на есть подлинная сущность, естество…

Ну хватит!.. довольно! вернемся к нашей хронике!.. опять я о вас забыл… конечно, это все моя голова, кирпич… но это еще не причина… я говорил вам о фотографиях, о нарциссизме, наглости этих полутрупов… о, все очень просто! дело не только в алкоголе, отпусках, машинах… главную работу проделала фотография, она-то и раздула самомнение как отдельных особей, так и всего рода человеческого… даже тех его представителей, что еще и до пещер-то не добрались… зато теперь вы каждый день можете любоваться на этих застывших перед объективами шутов… откройте газету и увидите такое, что и горилла бы устыдилась… наскальные рисунки или братья Люмьер, это еще куда ни шло… ручная работа!.. лучше оглянитесь вокруг и загляните в свою газету… что там за очкастые хари в кудряшках… опять я за свое!.. я и так уже столько всего натворил!.. плюс еще это мое троеточие!.. вот именно, я ведь создал новый стиль!.. он не дает спокойно жить ни Кусто, ни «Юма»[98], ни Сартру, ни всем этим

---

[98] Примечания: 98
Имеется в виду газета «Юманите».

Ложам, ни самому архиепископу… не говоря уже о сотнях! тысячах других! они просто не в состоянии этого вынести! бедняжки!.. а некоторые и до сих пор в могилах дергаются… взять к примеру этого жалкого недоноска Вайяна, он и Гонкура-то получил исключительно благодаря своему благородному намерению меня замочить… убогий недоумок… а ведь я все еще его жду, даже из своего сада никогда не выхожу… так и сижу себе здесь в саду, в Медоне на Сене-и-Уазе, и все ради него…

О, как они меня все ненавидят! абсолютно все!.. так, что и роландовые извилины, и мозги лопаются… а сколько людей мне подражали и занимались откровенным плагиатом!

— Он что, все еще жив?

— Да это не он!.. это невозможно! его уже двадцать лет, как расстреляли!

У каждого — своя мечта, свой идеал!.. у этих — чтобы я исчез!.. а я еще о Правосудии заикаюсь!.. да уж, вряд ли наши «бледноногие» [99] отправятся к десяти нобелевским болванам специально ради того, чтобы убедить их дать мне премию… две премии!.. одну — литературную! а другую —

---

[99] Примечания: 99

Когда Селин писал «Ригодон», в Алжире еще шла война, и французов алжирского происхождения было принято называть «черноногими» (pieds-noirs).

мира[100]... наши «бледноногие» мечтают только об одном — зарезать меня, а мое мясо преподнести великому Идолу...

Я уже в возрасте, да и здоровье не то, главное — ничего не пропустить... я должен перед вами отчитаться... ничего не поделаешь, меня иногда заносит!..

Давайте вернемся к фактам... эти ребятишки, что ехали с Одиллией, наконец появились, вылезли из-под чехлов... сползли с платформ... и инстинктивно нашли Одиллию, свою мамочку... а их мамочка была явно недовольна...

— Доктор, я больше никуда не поеду... я остаюсь здесь...

Решила сообщить мне заранее...

— А если они снова прилетят?

Я имею в виду бомбардировщики... им ведь плевать, все они разбомбили или нет...

А вот и детишки... непонятно, где мальчики, где девочки... все одинаково закутаны в шерстяные тряпки... человек пятнадцать... кто они, догадаться несложно, все ясно с первого взгля-

---

[100] Примечания: 100

В периодическом издании «Нувель литерэр» от 18 октября 1956 года Роже Нимье поместил статью, озаглавленную «Дайте Селину Нобелевскую премию», где писал: «У нас сейчас 1956 год. Большая часть талантливых людей получила вознаграждение. (...). Настало время подумать об одном из величайших писателей XX века...».

да… слюнявые, колченогие, с перекошенными лицами… классические приютские кретины… согласен, у нас всюду такие: достигнув определенного возраста, делают неплохую карьеру… начинают диктовать свои правила, всюду суют свой нос, настоящий бич божий!.. но тогда надо было подумать о самом насущном, ведь эти гномы были голодны… вообще-то, этим должна была заниматься Одиллия… мы-то свое уже отработали!.. она, видите ли, не собирается больше никуда идти, неплохо устроилась со своими кровохарканьями! а мы что, лучше себя чувствуем?.. у меня что, тоже кровь не течет?.. у меня вообще голова разбита… это что, мелочи?.. не говоря уж о том, что я инвалид на 75 процентов из 100, могу еще раз вам это повторить… вот когда Пецарефф достигнет того же состояния, а потом предъявит свой аттестат зрелости, мы с ним поговорим… пусть тогда покажет, на что он вообще способен… правда, эти маленькие идиотики были далеко не в полном составе… некоторых она оставила по дороге… тех, что заболели… само собой, краснухой… зато эти уцелели… своеобразный естественный отбор… совершенно очевидно, что все они голодны… но нам нечего им дать… они издают какие-то звуки… смотрят то на нас, то на Одиллию… но

обращаются они именно к нам… я говорю Лили: «покажи им Бебера!»… она достает его из сумки… а вот он их заинтересовал… они смеются на свой манер, сильно сморщивая носы и пуская слюни… им хочется потрогать Бебера!.. нельзя!.. нет! но Бебер не прочь с ними поиграть… он мяукает… а ребята плачут… ну ладно, хватит уже! хватит-то хватит! но неплохо бы все-таки осмотреть эту местность… перед нами — большая бухта, на берегу кормой вверх валяются корабли… справа — город, точнее, дымящиеся развалины… кажется, развалин здесь еще больше, чем в Ганновере, и уж точно больше, чем в Ульме… кстати, эта бухта, о которой я вам только что говорил, была примерно со Швейцарский пруд… ну знаете, тот, что в Версале…

По правде говоря, эти пускающие слюни дебильные детишки сами ни о чем не могли нас попросить… мы смотрели на них и видели, что они пытаются что-то сказать, вот и все… думаю, если бы ответственные чиновники хоть раз посмотрели в глаза ненормальным… вряд ли они бы стали затевать все эти побоища… хотя ясно, что войны продолжаются, начинаются снова и никогда не прекращаются, ведь как с одной, так и с другой стороны — тупые скоты… а взять хотя

бы Гонкуровскую премию, почти то же самое… с одной стороны — кандидаты, с другой — члены жюри… кто-то пытается что-то сказать, но все бесполезно… «им это не дано»… то же самое относится к этим соплякам, им тоже ничего не дано, но они приехали сюда и хотят есть… да я и сам уже начал чувствовать себя почти «бесплотным»… думаю, не столько от усталости, сколько от шока, после удара кирпичом… Фелипе все видел… и еще от потери крови… через ухо… штаны у меня тоже от крови промокли… мне это не кажется… но к счастью, кровь все-таки свертывалась.

— Ну что, Фелипе, пошли?

— Пошли куда?

— Искать пропитание!

Он не против… но где?.. я объясняю… там, за портом… должен быть город!.. но он видит только дым!.. дым закрывает все… не могу сказать, что он мне доверяет, он пойдет, вот и все… я с трудом держусь на ногах, но решение принято… Одиллия тоже приняла решение — не двигаться с места… она слишком много кашляет…

— О нет, доктор, я больше не вынесу… я хочу умереть здесь… пожалуйста, возьмите детей!..

Черт побери!.. я чувствую себя хуже, чем она!.. кровохарканье?.. ну и что с того!.. великий карди-

нал[101] всю жизнь харкал кровью… перетрахал всех герцогинь, да заодно и всю Европу под себя подмял!.. причем вся эта Европа до сих пор под его влиянием, хоть и и ворчит… бесформенная, бессмысленная, грош ей цена… кровохарканье!.. все просто!.. вспомните великого кардинала с его длинными щупальцами…

— Вперед!..

Смелей малыш! я вам уже описывал эту бухту размером со Швейцарский пруд и все корабли, зарывшиеся носами в тину, винтами вверх, в очень неприличном положении… должен отметить, что ветра почти не было, даже здесь, у самого моря… как и везде в Германии, здесь чувствовался сильный запах горелого и еще запах раскаленного битума… а сверху виднелся голубой пар… совсем как раньше у нас на улицах, когда асфальтировали шоссе…

Я продолжаю искать хоть одну надпись… чтобы

---

[101] Примечания: 101

Имеется в виду Арман-Жан дю Плесси Ришелье (1585–1642) — герцог, французский государственный деятель, кардинал, главный министр Людовика XIII. Пытался сделать Францию первой державой Европы, сломил взятием Ля Рошели политическую власть гугенотов, в 1631 году заключил союз со Швецией, в 1635 г. соединился с Голландией для завоевания испанских Нидерландов… В 1635 г. учредил французскую академию. Уделял большое внимание вопросам литературы и искусства, поддерживал формирующийся классицизм и способствовал его развитию.

найти дорогу, если вдруг заблудимся… хоть бы какая-нибудь табличка… но ничего, как и в Оддорте!.. хоть бы один служащий!.. никого!.. этот вокзал строили наспех, здесь, за чертой города… надолго он не рассчитан… этот деревянный вокзал… отсюда прекрасно видно порт, корабли и т. д… кажется, я вам об этом рассказываю в двадцатый раз… корабли винтами вверх… я ведь уже на седьмом десятке… странно, что у меня еще не течет слюна, как у тех маленьких кретинов… а ведь не забывайте, я все еще пашу на износ… переделываю все по десять, двадцать раз… упорно, как Ахилл, но только он свои усилия направляет на получение прибыли… если бы я впал в слабоумие, это было бы вполне естественно… особенно после того удара кирпичом!.. об этом я вам тоже говорил уже раз пятнадцать… двадцать… а вот в существовании локомотива в облаках я все же не был до конца уверен… да кому нужна эта уверенность!.. разве у солитера были доказательства того, что мне платили немцы?.. и разве что-нибудь помешало написать ему об этом в «Тан модерн»? в надежде, что меня расстреляют?.. нет, черт побери!.. а несчастный кретин Вайян всем хвастался, что собственноручно изрешетил меня из пулемета у меня же на лестнице… а что писал Кусто

в своем «Ривароле»!.. сплошь злобную клевету, буквально весь изошел на дерьмо, в то время, как из него уже вываливались все его причиндалы: и прямая кишка, и прочие органы… но разве что-нибудь заставило его задуматься хоть на минуту? черта с два!.. это лишний раз подтверждает то, что рак, конечно, штука ужасная, но зависть сильнее всего!.. так что вы понимаете, почему все эти личности, будь они правыми, левыми или центристами, для меня ничем друг от друга не отличаются… все эти «кумиры молодежи» — садисты, завистники и скоты… а уж о публике, об этих ордах, толкущихся в амфитеатрах, на балконах, на авансценах, брызжущих слюной в бистро, будуарах и салонах, я и не говорю… кажется, существуют такие специальные отстойники, где все дерьмо хорошенько перемешивают, разбавляют, делают из него очень аппетитные морковки, луковки, корешки, а потом продают нам… может, и в кушанья добавляют, меня бы это не удивило… в общем, вам остается лишь полюбоваться, как богаты, в какой роскоши живут все те, кто меня в свое время грабил… они ведь все у меня забрали! мебель и рукописи… а меня заперли в камере, чтобы я там загнулся… они сделали головокружительные карьеры! тут же

стали командорами всего, чего только можно!.. когда кто-нибудь из них умирает! вся Франция в слезах!.. вот почему я так люблю «Фигаро» и ее торжественные колонки набивших оскомину некрологов, для меня это своеобразный Храм… Бриссон[102] родился не зря…

Как я вам сказал, ни малейшего ветерка… вверх поднимаются столбы густого дыма… а ведь море совсем близко… я нашел вас там, где оставил… рядом с Гамбургом… или с его развалинами… я ведь тоже иногда отвлекаюсь… ненадолго, чтобы успеть подвести некоторые итоги, воскресить разных призраков, вспомнить их мнения… в общем, инвентаризация… я же не спрашиваю вас, где вы только что были… я просто снова возвращаюсь к вам, несмотря ни на что… так вот, как я вам уже говорил, море совсем рядом… над нами парят большие и маленькие чайки… им интересно, кто мы такие… потом устремляются к обугленным руинам… только теперь до меня дошло, что они искали!.. они проверяли, не умерли ли мы… а может, при смерти… они выклевывают глаза у агонизирующих, высасывают соединительные ткани и сетчатку… должен вам

[102] Примечания: 102

Пьер Бриссон (1896–1964) — с 1934 по 1942, затем с 1944 по 1964 год возглавлял газету «Фигаро».

сказать, что акулам, спрутам, миногам достаются только нижние части туловища… ноги… ну вот, теперь вы все знаете, как настоящие педанты! а вот я не акула, не чайка, но мне нужно найти этим ребятам какую-нибудь хавку… причем это не обычные ребята… Лили тоже хочет пойти со мной… ладно!.. Одиллия останется здесь, она не собирается двигаться с места… а вот могут ли передвигаться ее малолетние кретины!.. кстати, нет ли среди них маньяков?.. о, все равно, поджигать им здесь нечего!.. Одиллия уверяет меня, что они мирные! совсем не злые, скорее, привязчивые… она уже успела с ними познакомиться… но несмотря на все это, с нее уже хватит!.. она опять демонстрирует мне горстку крови… она хочет, чтобы я ее осмотрел!.. ну с этим можно и подождать! сперва самое неотложное… ведь эти малолетние кретины последний раз получали молоко в Лейпциге… правда если бы они вовремя прибыли в Оддорт, то сейчас бы им уже вообще ничего было не нужно!.. Одиллия этого понять не могла… а я ей ничего объяснять не собирался… ну теперь пошли!..

— Следуйте за мной!.. идите за моими палками!

Эти палки сделал мне Фелипе из толстых кусков

дерева… ведь ребятам, даже таким дебильным слюнявым ублюдкам, больше ничего и не надо… вперед, на поиски приключений!.. они ковыляют, хромают сильнее, чем я… спотыкаются на каждом шагу, буквально о каждый камень… но они не хнычут, напротив, смеются!.. я даже не знаю, куда идти, ведь города совсем не видно — все окутано клубами дыма и тучами сажи… я уже описывал вам эту бухту, размером примерно со Швейцарский пруд… чушь!.. она гораздо больше!.. теперь на набережной я в этом убедился…

Кажется, Фелипе собирается что-то нам сообщить… его по-прежнему больше всего интересует поезд в Магдебург… *еуго хузяин*!.. и его кирпичный завод… ведь он опоздал на целых восемь дней…

— Вашего Магдебурга больше нет!.. он стерт с лица земли! там все сожжено, как и здесь! ничего не осталось!

Он мне не верит.

— Si! si!.. si!

Он не согласен.

Хотя его поезд, экспресс в Магдебург будет здесь у перрона только в полночь… так что время у него есть.

— Нужно сходить за брезентом, Фелипе!.. взять

большой кусок!

Он не раздумывает, он создан, чтобы подчиняться… я рассматриваю ребят… сколько их?.. кажется, двенадцать… уцелевших на пути Бреслау-Гамбург… нельзя сказать, чтобы они были пухленькими, упитанными… но они все равно не унывают… да и те маленькие прокаженные из Ростока тоже не были нытиками… грусти, как впрочем, и всему остальному, обучаешься вместе с жизнью, это лишь вопрос времени… у старика постоянно слезы на глазах, он только и делает, что плачет… плачет оттого, что его скоро положат в ящик, а все остальные останутся здесь и будут продолжать развлекаться…

— Давайте, дети мои! за мной!

Пусть идут за мной… я их поведу… наверное, эта фраза «смелей малыш!» останется во мне навсегда… хотя, может, это и безумие… все, чему тебя учили в раннем детстве, словно навсегда выгравировано в твоей памяти… а все, что позже — только подделка, притворство, усталость, лизоблюдство…

* * *

Сейчас я опять повторюсь, ничего не поделаешь… я хочу поговорить о Фелипе… он собирается

вернуться в Магдебург, чтобы продолжать делать там кирпичи… там что, народу не хватает?.. так получилось, что он опоздал!.. а что мы рассчитываем найти в Гамбурге?.. кирпичи и трупы… ни больше, ни меньше… странно, мы ведь рядом с морем, а ветра совсем не чувствуется!.. только сильный запах горелого, как и повсюду в Германии… плюс еще и запах раскаленного битума, как раньше у нас на улицах, когда асфальтировали шоссе… неподалеку я вижу наших соседей по поезду, они спустились на камни, на насыпь… и перешептываются!.. а мои ребята? я ничуть не преувеличиваю, они совершенно беспомощны… пожалуй, мне не стоило бы брать их с собой, но Одиллия ими больше заниматься не хочет… а другие люди, не знаю, кто они такие, даже близко к ним подходить не хотят… уверен, они бы сразу сбросили их в воду…

Вы знаете, еще и моя голова, и тот кирпич!.. в десятый раз… или в пятнадцатый раз я вам уже об этом рассказываю!.. а вот в том локомотиве в облаках я не вполне уверен… да плевать на эту уверенность!.. разве Солитер был уверен в том, что мне платят немцы? и разве что-нибудь помешало ему написать об этом в «Тан модерн», чтобы быть уверенным в том, что меня расстре-

ляют!.. конечно нет, черт побери! а что писал этот Кусто (в «Ривароле» и «Пропаганде»), тоже мне, обвинитель нашелся! тогда он уже почти сгнил от рака, уже носил свой анус под мышкой, а незадолго до того вообще был приговорен к смерти как служащий Staffel, следовательно, ему-то все было прекрасно известно… разве он не клялся, что нигде, ни в одной немецкой службе не встречал более ужасного, более продажного типа, чем я… а сам Кусто! ему-то как удалось отмыться?.. о, он ведь не один! таких, как он, сотни!.. тысячи!.. пожалуй, самый забавный из них — Вайян… этот писатель-пигмей… который до сих пор простить себе не может того, что не замочил меня на моей же лестнице… он ведь слушал, как я спускаюсь и поднимаюсь… черт побери, а я ведь все еще его жду!.. как и прочих «кумиров молодежи»!.. от Парижа до Медона… доехать несложно! взять такси… десять новых франков… я всегда на месте… но, кстати, вернемся к тому же Солитеру, что же он тогда не бросил вызов бошам… его бы сразу упрятали в тюрьму, он бы не разгуливал на свободе, и именно поэтому он сейчас так и страдает… ведь на представлениях его пьес всегда было полно нацистов, ломились, прямо как на Сару Бернар!.. что ж он не поднялся на сцену и

не сказал им: ненавижу вас, тевтоны, грабители, палачи, скоро вас отсюда прогонят! браво!.. а потом мелко-мелко изрубят! и зажарят… вот, я готов сделать это за Сартра! клянусь Солитером! да здравствует свободная Франция!

Думаю, тогда он бы сразу получил все, чего хочет: и тюрьму, и все остальное… правда, я не вполне уверен, что его когда-нибудь воспринимали всерьез… любому судебному следователю, и французскому, и немецкому, для принятия решения необходимо хоть что-то серьезное… надеюсь, теперь вам понятно, почему все эти личности, правые, левые или центристы, до сих пор все еще на свободе!.. должно быть, их считают либо полными придурками, либо платными агентами… а о публике я расскажу вам чуть позже…

Ну а мы тем временем решили отправиться в Гамбург на поиски удачи… сильно сказано!.. сверху, с насыпи до нас доносится какой-то шум… похоже, приглушенные взрывы… когда прекращаются бомбардировки, в ход идут мины… часто они взрываются через месяцы… через годы… «тормозят», короче говоря, если выражаться в «Modern Style»!.. А где же наш Фелипе?.. что-то его не видно, он случайно не уехал?.. нет! но он почти весь накрыт огромным куском брезента…

так даже лучше, под брезентом я его не вижу… черт! я все еще думаю про солитера! получается, я просто не способен изложить вам все по порядку! это все кирпич и моя голова… Но *alas too late poor Taenia*[103]! вы уж меня извините!.. ну а если вы меня все же не извините, тем хуже! я отлучился ненадолго!.. в первый раз все представляется трагедией, во второй — гротеском… *alas! alas!* мы с вами говорили о минах замедленного действия… лучше все же приготовиться к худшему… я иду за Фелипе, у него на голове — сложенный кусок брезента… малолетние кретины не понимали по-французски, но с радостью последовали за мной… они шатаются… падают… а по сути, мы были точно такими же кретинами, как и они… и воспринимали все так же, как и они… но они, хотя бы, прибыли из приюта, а мы так вообще не знаю, откуда… так же, как они, брели, шатаясь и пуская слюни, от одной канавы к другой, по направлению к городу… точнее, к развалинам, окутанным дымом… у нас есть время подумать… так подумаем! только без стонов и слез! мне вовсе не хочется, чтобы меня оплакивали! плевать на всех этих ноющих людишек, вздернуть бы их

[103] Примечания: 103
Увы, слишком поздно, бедный Солитер! (англ.)

всех! оп!.. пусть прекратят проливать! крокодиловы слезы!.. мне просто нужны воспоминания… а я уже почти ничего не могу вспомнить… ни о вещах, ни о людях… я потерял ориентацию… совсем как Фелипе под своим брезентом… подавленный, растерянный… ну ничего, сейчас я все изложу… попробую вспомнить!.. все вперемешку… Баден-Баден… Ля Вига… Ретиф… Харрас… Моосбург… Цорнхоф… в некоторых фактах я точно уверен… а чтобы вспомнить остальные, мне нужно поспать… они возвращаются урывками… мало-помалу…

— Он не владеет ни синтаксисом, ни стилем! он уже давно ничего не пишет! просто не в состоянии!

Ах, что за мерзость! наглое вранье!.. уж стилем-то я владею в совершенстве! в совершенстве! и даже больше!.. гораздо больше! скоро я добьюсь того, что их вообще перестанут читать… всех прочих! расслабленных импотентов! погребенных под премиями и манифессами! теперь я спокойно могу плести заговоры! вся современная эпоха принадлежит мне! меня благословила Литература! и тот, кто не подражает мне, не существует!.. все просто!.. давайте! оглядимся вокруг, что нас окружает! пустые бочки, террасы, переполнен-

ные писсуары! есть, от чего прийти в отчаяние! ах, эти массивные кресты всевозможных Легионов… пустышки, полная туфта!.. я бы пожалел их, если бы мог, но я уже не могу!.. на кой хрен мне сдались эти убожества? и эти лубки, сделанные «при освещении мастерской»… подделка под 1900… я же говорил им, что нужно выйти на свет, на воздух[104]… они меня не послушались, ну что ж! теперь им остается болтаться по сточным канавам и медленно угасать… но, кажется, теперь они не прочь съездить в Женевилье[105]? черт побери! их интересуют удобрения!.. сточные воды!.. я в это вмешиваться не намерен… пусть себе ездят и копаются в грязи… я так и вижу Мориака, этого больного раком старика: развалился в своем новом плаще, очень new look… даже очков не носит, великолепный пример для обывателей… «трудись, малыш! и тогда ты станешь таким же,

---

[104] Примечания: 104

Намек на импрессионистов, предпочитавших пленэр работе в мастерской. Селин вообще часто сравнивает себя с импрессионистами. Например, о своем «изобретении», переносе разговорной речи в письменную, в своем письме к Милтону Хиндусу 16 апреля 1947 года он пишет: «На самом деле здесь речь идет о небольшой революции, наподобие импрессионизма: до Мане писали при „свете мастерской“ — после Мане писали при свете дня на улице…»

[105] Примечания: 105

Пригород Парижа, где находится киностудия и плантации овощей, для удобрения которых используют парижские сточные воды.

вот увидишь»… можно и опухоль себе придумать — для достижения успеха все средства хороши… при любых режимах… все государственные деятели заняты пустяками!.. вывешивают указы!.. затем отменяют!.. опилки перемешаны с внутренностями: сальники, мозжечки… История идет своим чередом… а где мы очутились? прыжок в одну сторону!.. и оп! сразу же в другую!.. ригодон!.. повсюду торчат колы! чистки, вивисекции… дымятся содранные шкуры… а этим проклятым слабоумным вуайерам хочется начать все сначала! опять вырывать кишки руками! чтобы всюду были слышны крики, хрипы, чтобы вся нация поймала кайф…

— Э-ля! Опять вы заладили!..

— А как же!

— А что вы еще заметили там, на причалах? сосредоточьтесь! может, рельсы?.. или стройматериалы? одну, две лебедки?

— Ах да!.. один упавший кран… и две измятые стрелочные установки…

— А дальше что?

— Мы направляемся в город, вот! раз уж порта здесь больше нет… только эти корабли, вверх задницами… я не собираюсь повторяться… я говорил это уже двадцать… или сто раз… вы помните, мы

— это Лили, Бебер, я, итальянец Фелипе и ребята… а сколько их?.. наверное, семь… нет! не меньше десяти!.. а может, пятнадцать… но я не собираюсь их пересчитывать!.. если хотят, пусть идут с нами! проклятые сопляки!.. интересно, откуда те люди, что ехали на других платформах, из каких стран? они все перешептываются… не по-немецки, даже не по-русски… может быть, венгры?.. я так это и не выяснил… но стоит к ним подойти, сразу же замолкают!.. интересно, за кого они нас принимали?.. этого я тоже так и не узнал!.. значит, вперед! ребята уставились на корабли… но это зрелище их ничуть не удивляет… не производит никакого впечатления… и слюни у них текут точно так же, ничуть не больше… нельзя сказать, чтобы они разговаривали друг с другом… испускали какие-то звуки, обрывки слов, слюни и пузыри… двое даже как будто лают… но мне понятно, что им хочется идти с нами… их не пугает ни город, ни огромные столбы дыма… даже взрывы… которые раздаются все чаще… это не авиационные бомбы, а «мины-ловушки»… я знаю… мы не прошли и ста метров, как увидели первые развалины… на берегу бухты, у шлюза… теперь отсюда нам прекрасно видно всех остальных… тех, кто остался на платформе… они тоже нас видят, но подходить к

нам не собираются... если бы мы вдруг на чем-нибудь подорвались, то-то бы они повеселились... о, но куда это мы пришли!.. не могу понять... мы уже в Гамбурге... в самом городе... я пытаюсь сориентироваться... пора мне уже привыкнуть к разрушенным городам, таким, что даже не представляешь, как к ним подступиться... кажется, мы находились в квартале Санкт-Паули[106]... это больше, чем квартал, почти город, целиком для удовольствий, всюду публичные дома, забегаловки... вот здесь мое желание смеяться более уместно!.. мне знакомы такие портовые кварталы, где полно злачных заведений, кабаков, кабаре... не знаю даже, с чем сравнить, первым делом вспоминается Брубир[107]в Касабланке... у нас на улице Бутрю не особенно разгуляешься... другое дело Санкт-Паули... хотя, может быть в Чэтэме, Рочестере и Струде[108]было еще и повеселее, особенно субботними вечерами, когда все

---

[106] Примечания: 106

Санкт-Паули — находящийся неподалеку от Эльбы квартал в Гамбурге, где располагались кабаре и прочие увеселительные заведения.

[107] Примечания: 107

Брубир — квартал увеселительных заведений в Касабланке.

[108] Примечания: 108

Рочестер, Чэтэм и Струд — три небольших городка в Англии, расположенных в устье реки Медвей. Селин описывает время, проведенное в Рочестере, а также праздничную атмосферу, царящую там на набережных, в своем романе «Смерть в кредит».

направлялись в «злачные места»… суда стояли у причалов, а команды, экипажи отправлялись оттянуться на полную катушку… каких форм там только не было: от темно-синих до ярко-красных, от лимонно-желтых до цвета резеды… вся грандиозная палитра Империи… субботними вечерами на причалах толклось все население Рочестера и Чэтэма, пьяное от обилия красок и виски… солдаты и марсовые вопят во всю глотку, задирают друг друга, сцепляются… а какой там был ацетиленовый свет! такой резкий, такой яркий, что лица в нем буквально вспыхивали… да, забыл вам рассказать про «Спасителей»[109], которые стояли кругом в самой гуще этой свалки и пели свои религиозные гимны… «Господь придет к нам!..» фисгармония, корнет-а-пистон… среди них была и Мисс Хейлиетт[110], в черном капоре, распевавшая куплеты… дуэтом со старухой, разливавшей суп по многочисленным котелкам… а сколько вокруг было попрошаек… женщин, мужчин, бывших докеров… для них это

---

[109] Примечания: 109

Имеются в виду члены Армии Спасения.

[110] Примечания: 110

Мисс Хейлиетт — героиня одноименной оперетты Эдмона Одрана (1890), дочь американского пастора-пуританина. При первом своем появлении на сцене она облачена (согласно либретто) в костюм Армии Спасения и поет религиозный гимн.

тоже был своего рода уик-энд… но я не собираюсь рекламировать вам прелести прошедших лет… тех портов… я должен опять вас найти! конечно, все понятно, моя голова, удар кирпичом, кровь в ухе и прочая хренотень… но я же не могу позволять себе все, что угодно!.. пожалуйста, уважайте читателя! уважение, да, само собой… и все же, позволю себе еще раз заметить: мне так не хватает этих запахов дыма, жареного картофеля, табака, и пота… и всех этих персонажей: матросов, солдат, и мошенников… и еще запахов товаров: кампеша, шафрана, пальмового масла… ведь это просто необходимо для того, чтобы вы смогли почувствовать себя именно там, на этих набережных в Рочестере, Чэтэме и Струде… чтобы все это не оставалось для вас бесплотной мечтой… но в конце концов, уж как получится!.. все в руках божьих!..

Не мешало бы мне быть построже с этими ребятами! черт, это все моя тыква! все время тянет на воспоминания!.. я мог бы обвинить Фелипе, этого чертова итальяшку… тоже мне, рабочий с фабрики! может, один из его кирпичей и раздробил мне черепушку!.. а он все боится опоздать на свой поезд, экспресс в Магдебург… черт бы его побрал! о, такой-то уж точно на все способен… торопится,

видите ли, на свой кирпичный завод!.. да я его насквозь вижу!.. молодец какой, всюду поставляет кирпичи… ну а дальше что?.. а дальше… там видно будет… кстати, я должен к вам вернуться!.. я уже определил наше местонахождение… мы были в Санкт-Паули, квартале ярмарок, домов терпимости и кафешантанов… не так уж плохо идти впереди всех, даже если ты и спотыкаешься!.. ребята тащатся за нами… я их так и не сосчитал… может, позже!.. но я уже выдохся, мне бы чуток посидеть… туризм и приключения украшают мирную жизнь, но не стоит говорить мне об этом в военное время!.. а впрочем, возьмите штабных, их армии яростно сражаются, по уши в крови… но посмотрите-ка лучше на всемогущих командиров, особенно в критические моменты, когда равновесие Истории колеблется туда-сюда, вибрирует, на соломинку, на волосок… в это время все высшее начальство страдает херней! ругает поваров!.. доказательство — их животы! растянутые стенки брюшины… прямо как беременность в последней стадии…

Но там, как видите, я колебался… размышлял, обдумывал мелочи, вместо того, чтобы приступить к делу… осмотреть руины… не осталось ли где под руинами продовольственного склада,

куска бисквита, коробки молока? но заметьте, эти руины дымятся… и даже время от времени взрываются, я вам уже говорил… правда не очень сильно…

— Давайте, вперед! а вы, Фелипе, не уходите без меня!

Лучше поостеречься… а вот эти ребята ничего не боятся, идут себе вперед… они ничего не чувствуют, хоть в этом им повезло… спотыкаются, встают, ползут дальше… истекая слюной… иногда подгавкивают… они точно голодны, но сказать этого не могут, не жалуются… они не говорят… а что касается этих взрывов, должно быть, они уже такие слышали! подумайте, от самого Бреслау… они не могут нам этого сказать… правда они неплохо закутаны, в шерстяные тряпки и брезент… если они случайно не вымокнут до нитки, все будет в порядке… иначе их пришлось бы просушивать!.. черт! опять это условное наклонение… пришлось бы! пришлось бы! в какой-то момент вам остается только это проклятое наклонение! у вас уже нет сил, ни капли, вы раздавлены, и весь мир это какое-то условное наклонение… «он ошибся, ему нужно было бы!» и вам остается только пускать слюни… а ребята спотыкаются, падают, поднимаются…

и продолжают переползать от одной дыры к другой… пошатываясь идут дальше… это вход в Гамбург!.. ну вот! мы и здесь… браво, малолетние кретины! мы уже в городе… я обращаюсь к Лили, Фелипе!.. пусть знают! пусть пользуются моими знаниями… я знаю Гамбург и его историю…

— Фелипе, ты пробил мне башку! скотина с кирпичами! и тем не менее, Карл Великий! именно Карл Великий построил Гамбург! Карл Великий — значительная личность! не спорь со мной, Фелипе!..

Он со мной и не спорит, ему плевать… на голове у него сложенный брезент… постойте, мне нужно сориентироваться!.. о, я знаю! то есть, знал раньше… я ведь был здесь много раз… десять… двадцать… конечно! когда работал в Лиге Наций… о, как это было давно!.. я занимался тропическими болезнями… они уже никого не интересуют… даже названий таких никто не знает… а что теперь здесь за tutti frutti! мостовые — холмами… вот один… два трамвая, вздыбились стоймя, держат равновесие… это вроде бы похоже на рисунки психически больных, хотя те гораздо менее изощренные… в тех хоть что-то можно понять… здесь еще и дым, и надо сказать, такой густой, жирный и липкий, хуже, чем в туннелях,

почти как вата, поди различи сквозь него хоть что-нибудь или кого-нибудь! «Фелипе! Фелипе! Лили!» зову я… «Бебер с тобой?.. да»… а вот где ребята, мне неизвестно… начнем с того, что я их не сосчитал… а потом, у них и имен-то не было… но они меня слышали… о, люди, что вокруг нас, так называемые нормальные, точно такие же! они вас слышат, но ничего не понимают… земле люди больше не нужны, только человекоподобные… люди деградировали, это такие же монстры, как и прочие, но к счастью, они размножаются все меньше… будущее за балубами[111], ненасытными мясниками и пожирателями поездов… целых поездов, вместе с пассажирами, младенцами и трубами! одним махом! сами увидите, когда все будет полностью механизировано, и у них появится атомная бомба…

Так сколько же у меня ребят? я вам уже говорил, не знаю… двенадцать?.. пятнадцать? легко сказать! сосчитать… а силы где? тогда я был не таким старым, как сейчас, но все же… у здорового хорошо питающегося человека всего «одна шестнадцатая» часть от лошадиной силы, на все про все… это в общем, а у больного, разбитого и пус-

[111] Примечания: 111

Балубы — племя в Конго, которое во время войны 1960–1961 гг. контролировало часть территории этой страны.

кающего слюни — не больше одной двадцатой…

Как вы помните, мы с вами были в Гамбурге, и вдруг на нас налетел порыв ветра! внезапно! должно быть, ветер резко изменился, и тут, так же внезапно, я узнал это место… я не ошибся, перед отелем «Эспланада»… о, я не ошибаюсь!.. но отель «Эспланада» перекошен и разбит, его крыша съехала на фасад… для смеха можно бы сказать: сюрреализм!.. не в таком, конечно, беспорядке, как на картинах, но почти… кроме того, картины все же не пахнут… а здесь ощущался запах и довольно резкий… кажется, здесь отдавало еще и трупами… я не пытаюсь вас поразить, просто так было, и все тут… я не ошибаюсь… а вот ребят ничем не испугаешь, ни густым и черным дымом, ни руинами, ни взрывами, они уже к этому привыкли… их интересовали только норы… а вот и еще одна! еще более глубокая… а что это за рельсы, сломанные, согнутые, закрученные, как бигуди… этот отель «Эспланада» напомнил мне одну историю: про то, как служащий здешнего ресторана, ведавший спиртными напитками, отказался подавать ледяное бордо, его тут же выставили за дверь, и т. д… когда-нибудь я расскажу вам эту историю, если у меня будет время и я буду еще жив… Zimmer Warme! Zimmer Warme!

комнатной температуры!.. он стоял на своем!.. это стоило ему места, клиент впал в ярость, и теде… он рассказывал мне об этом двадцать раз в тюремной больнице[112]… он совершал еще и другие глупости…

Ну вот, опять я потерялся!.. но я все же хочу, я настаиваю, прямо сейчас! пусть Фелипе объяснит мне насчет кирпича! я почти уверен, что все было подстроено… что он сам его испек у *свуего хузяина* в Магдебурге!.. именно так!.. этот кирпич! о, но я не собираюсь сводить с ним счеты!.. пусть попросит у меня прощения!.. за мою разбитую просто так башку!.. черт! я даже застыл на месте, задумавшись об этом поганом происшествии… пусть все возвращаются к морю!.. все! а я отказываюсь, я не пойду!.. лягу, как эта Одиллия, у меня больше нет сил… кстати, эта Одиллия, эта шлюха…

— Послушай, Лили, сходи-ка туда, и возвращайся!.. быстро!.. будь добра, скажи ей, чтобы она сейчас же пришла сюда!.. что я не проводил перекличку среди этих ребят… мне за ними не уследить… и еду найти… боюсь, я не смогу…

А вон и Фелипе… чуть подальше… разлегся под брезентом, сложил его раза в три или в четы-

---

[112] Примечания: 112
Селин имеет в виду тюрьму Вестерфангсель в Копенгагене.

ре, и не шевелится… Лили не нужно повторять дважды, она моложе меня, это правда, причем намного, но ведь она тоже могла утомиться… нет, она не имеет права уставать!.. быстрей!.. быстрей!.. пусть пойдет, отругает эту Одиллию!.. и приведет ее ко мне!.. эту бездельницу…

Я не смотрю… я закрываю глаза… но я не сплю… думаю… что мы будем искать в этом городе? бакалейную лавку?.. аптеку?.. булочную? не думаю, что их много… кажется, здесь еще хуже, чем в Берлине… Харрас же нас предупреждал[113]… когда говорил о проститутках… в Гамбурге «они ничего не найдут, там все сожжено…» но мы ведь все-таки здесь, так что пойдем… интересно, почему Лили до сих пор не вернулась…

Я чувствую, меня теребят за ухо… чья-то маленькая рука… а потом за нос… а потом, кажется, четверо дергают меня за волосы… это ребята развлекаются, может, мне их напугать… они бросятся наутек, а я буду их ловить… ах, ну вот! они уже на меня мочатся, один… два… три, как минимум… этого следовало ожидать!.. я сажусь!.. и завываю… ооооууу! я их рассмешил!.. вижу, я не пользуюсь уважением… и еще я вижу Лили… вот

---

[113] Примечания: 113
Селин отсылает читателю к своему роману «Север».

и она!.. да уж, давно пора!

— А Одиллия?

— Она не может сдвинуться с места!

— А это еще кто?

Я вижу перед собой четырех уродцев, еще более хилых, чем наши, тоже слюнявых и сопливых, и тоже закутанных в шерсть и брезент, но эти еще и смеются… а вот наши никогда особенно не смеялись… а эти четверо относятся к породе смешливых…

— Откуда они взялись?

— Они были с Одиллией… она посылает их тебе…

* * *

Кучи обломков и куски стен магазинов… на мостовых — горки, наподобие холмиков… а сверху — трамваи, сцепленные друг с другом, вставшие на дыбы, перекошенные, искореженные… ничего не поймешь… да еще и дым, я вам уже говорил, такого густой, жирный, черный с желтым… о, кажется, я повторяюсь… но это необходимо… я хочу дать вам точное представление… мы не встретили ни одного живого существа… должен сказать… куда они подевались?.. под этими кучами на мостовых? ведь в Гамбурге всегда было полно

народу!.. все что, исчезли? ну и на здоровье!.. а мне бы нужно концентрированное молоко… у нас есть цель!.. но я не видел ни одной открытой лавки… ни бакалеи, ни аптеки…

— Следите за моими белыми костылями… слюнявые ублюдки!..

Я еще и говорю!.. я пытаюсь встать… сейчас прочешем эти руины!.. черт, вряд ли тут найдешь хоть одну буханку! я имею в виду солдатский хлеб… чего здесь хватает, так это мин-ловушек, битума, взрывов!.. ага, один сопляк остановился… на что это он смотрит?.. я подхожу… Фелипе и Лили тоже…на что это он уставился?.. что это там, в битуме?.. совершенно черная ступня… одна ступня… нет ни ноги, ни тела… тело, должно быть, сгорело… Харрас мне говорил: они все поливают фосфором… ничего не остается… ну конечно!.. а, вот уже все ребята сгрудились вокруг чего-то… но это не ступня, а целые тела, влипшие в клей… из асфальта образовалось нечто, вроде клея… жирного и черного… а, ну да!.. мужчина, женщина и ребенок… ребенок посередине… они все еще держатся за руки… а рядом маленькая собачка… можно догадаться… наверное, эти люди убегали, но из-за фосфора загорелся асфальт, и вся семья задохнулась… должно быть, здесь можно

найти еще таких же, завязших в битуме… позже мне сказали, что их были тысячи и тысячи… но нам было совсем не до смеха, нас интересовало молоко, и хлеб тоже, хотя бы одна буханка… в общем, какой-нибудь магазинчик… уверен, что эти развалины, в отличие от трупов, были опасны… отовсюду слышались взрывы… пожар еще не потух, видно по битуму… чем дальше мы шли, тем мягче он становился… приходилось быть особенно осторожным, как в зыбучих песках, вы знаете, в бухте Монт-Сен-Мишель… как здесь пахнет горелым… но не трупами, слишком холодно… вот весной начнет смердеть… здесь было над чем посмеяться, но сперва нужно найти что-нибудь поесть… какое-нибудь довольствие… извините меня, но это слово многое мне напоминает… тот кирпич и моя голова дают мне право на некоторые воспоминания, правда они приходят ко мне совершенно некстати… о, тем хуже! что есть, то есть!.. я вспоминаю Верден, октябрь 14… я был тогда там со своим фургоном… мы ехали получать довольствие для 12-го полка… полка в Во… у меня перед глазами так и стоит этот подъемный мост в Вердене… поднявшись на стременах, я говорю пароль… подъемный мост со скрипом опускается, часовые, двенадцать человек, вы-

ходят проверить… фургоны проезжают один за другим… тогда у нас была мощная армия: она ведь выиграла войну… так вот, мы шагом въезжали в Верден, чтобы получить наши буханки и мешки с мясными консервами… тогда мы еще не знали того, что будет, что скоро случится!.. если бы вы заранее знали, что вас ждет, вы бы и с места не сдвинулись, плевать бы вам было и на подъемный мост, и на ворота… преимущество как человека, так и животных в том, что они ничего не знают заранее… А в Гамбурге перед нами никаких ворот не было… оставалось только войти туда с целой бандой слюнявых!.. асфальт больше не горел, но все еще оставался довольно мягким… было жарко… мы не проваливались, но наши ноги оставляли в нем следы, лучше было не топтаться… а дальше в городе наверняка было еще жарче, из-за этих взрывов… там все должно просто кипеть… не стоило туда ходить… а как же довольствие?.. но мы не собираемся забираться далеко… только туда, где можно пройти… хотя бы перейдем на ту сторону небольшого канала… в Гамбурге полно небольших каналов, чем-то напоминает Венецию… а этот канал почти засыпан из-за обвалов… но все же кое-где… еще можно пройти… «смелее, остолопы! сюда»… я так их и не

сосчитал… они переходят на ту сторону раньше, чем мы, качаясь из стороны в сторону… мы — это Лили с Бебером в сумке, Фелипе с брезентом на голове и я сам, ковыляю кое-как… вот еще руины, целая улица в развалинах, здесь, как в Берлине, всюду навалены кучи… но здесь жарче, так мне кажется… я говорю кучи, но это, скорее, холмы!.. вот, например, одна, просто огромная… скажу вам про размеры, высоту: примерно как собор Троицы на площади Бланш… там под ней точно засыпаны целые кварталы, здания и люди… оттуда и доносится этот запах… скорее, запахи, я бы сказал… присядем на минутку… ничего себе… да эта гора такая же высокая, как гора в Люнебурге, там, как вы помните, на самой вершине был локомотив… мы отдыхаем… вдруг я вспоминаю… а где наши ребята? наши закутанные сопляки?.. куда они подевались?.. «Фелипе! Лили! где ребята?..» они не знают… ах да! Лили их видела… они играли, толкались… с другой стороны холма… я говорю себе: ну вот!.. они залезли в дыру!.. точно… у них была мания залезать в дыры… я это уже заметил… их любимое занятие — прятаться… залезать под землю по двое, по трое… что за вонючее приютское отродье!.. где они могут быть?.. под каким домом?.. «Лили! Фелипе!»… мы все отправляемся

на поиски, прямо сейчас!.. тут полно проломов, трещин… вон там одна большая и достаточно широкая, чтобы они все могли туда пролезть… должно быть, они уже далеко… если я начну их звать, они все равно не ответят, просто не догадаются… глухие слюнявые кретины… но даже такие уроды прекрасно умели пролезать в дыры, протискиваться между обломками и кусками железа… эти катакомбы просто специально для них созданы… там внутри, должно быть, можно найти все, что угодно… я вам уже говорил про эту высоту, снизу и до самого верху — примерно как собор Троицы на площади Бланш… можете себе такое представить? возможно, этих ребят уже задавило? может, они задохнулись?.. даже и здесь, при свете дня, они могли передвигаться только скачками… вылезали из одной дыры и устремлялись в другую… мне трудно было себе представить, как они управляются там, в полной темноте… я мог только предполагать, вот и все… а сможем ли мы пролезть в эту щель?.. ну если ребята исчезли с концами, если их задавило, то мы просто вернемся к поезду, вот и все… они же сами сбежали!.. Лили говорит мне: «послушай, лучше всего пустить туда Бебера!»… в эту дыру Бебер бы точно залез, прятаться он умел даже

лучше, чем ребята… он залезал туда… и если что-то находил, то мяукал… «пусти его!»… Лили ставит его на землю… но как все-таки ребята сумели туда протиснуться?.. интересно… Бебер проходит очень легко, исчезает… Лили зовет его… он мяукает… мяуканье спокойное… а Лили, даже не предупредив меня, тоже направляется туда, я даже глазом моргнуть не успел… встала на четвереньки и залезла, ей это раз плюнуть, она же акробатка… а вот я бы так не смог… да нет!.. я тоже могу!.. на коленях!.. так же… смелей малыш!.. будь, что будет!.. вот так номер!.. тут глина… я кричу… «иду!.. иду!»… Лили отвечает… ладно!.. я продвигаюсь вперед… на локтях… опираясь на локти… никогда бы не подумал… снаружи такое и представить себе невозможно, но дальше проход расширяется, образуя нечто вроде расщелины… в общем, подобие коридора… конечно, не прямого, с поворотами и зигзагами… вокруг сплошная глина… кажется, это хрупкая, осыпающаяся глина, просто сейчас она очень мокрая, липкая… не представляю себе, как такое могло произойти… подобных гор я в Гамбурге больше не встречал… таких высоких, огромных… это и понятно, там все было окутано дымом… но такие пустые изнутри холмы встретишь не часто… хотя я и не

геолог, не специалист… я зову «Лили!.. Лили!.. да!.. да!.. да!.. иди сюда…!»… Фелипе тоже хочет мне что-то сказать… «Dottore! Dottore!»… он не захотел оставаться снаружи и полез за нами в этот узкий проход… а вот здесь, я уверен, уже чувствуется трупный запах… от мертвых крыс или людей?.. увидим… но что именно?.. в определенном смысле, я бы назвал это авантюрой… в общем, нужно осмотреть этот холм, оказавшийся колоколом… хотя это, конечно, холм… как такое могло случиться?.. всему можно найти свое объяснение… тут испытывали секретное оружие?.. я что-то об этом слышал!.. говорят, что оно предназначалось для разрушения Англии и всего прочего!.. а потом в результате обрушилось на них самих, разве нет?.. а может, здесь произошел взрыв подземного склада оружия, запасов мин?.. или же все произошло где-то в другом месте… откуда это мощное вздутие земли, эта волна глины, поднявшаяся над Гамбургом?.. этот огромный холм?.. нам не у кого было спросить… я вам уже описывал его высоту, прямо как Троица на площади Бланш… а мы тем временем осторожно продвигались вперед, шаг за шагом… с самого верху этой горы на нас падает слабый свет… я кричу, спрашиваю… «а там светло?.. — да! да! иди, здесь

светло!»… светло в этом гроте?.. грот на поверхности земли, если так можно выразиться… вы меня понимаете… высотой с три-четыре собора Нотр-Дам… я прохожу вперед и вижу — да, точно… должно быть, там наверху есть трещина… что-то вроде дыры на самой вершине… я бы назвал это кратером… и по бокам тоже полно трещин… в общем, этот холм весь в дырах… попробуйте представить себе и как-то объяснить это явление: огромный колокол из хрупкой глины… колокол… скорее, какое-то вздутие… гигантский глиняный пузырь… возможно, его видели не только мы… когда-нибудь это подтвердится… и заметьте, это сооружение держалось!.. потому что мы все же шли вперед: Лили, я, Фелипе и Бебер… сверху до нас доходил не только свет, оттуда капала вода, думаю, с отсыревших поверхностей… в Альпах, Доломитах, Пиренеях, Верхних, Нижних, есть спелеологи, которые каждое воскресенье отважно отправляются в глубину пещер… а мы переползаем потихоньку… понятное дело, глина… и ведь все это могло в любой момент обрушиться, это образование с кратером наверху могло осесть, обвалиться… о, конечно… но пока что мы продвигались вперед… я вам уже сказал, это было в три или четыре раза больше, чем Нотр-Дам… а тун-

нель, по которому мы шли, такой узкий в начале, превратился в огромный грот… к тому же, здесь можно было кое-что рассмотреть… свет доходил сверху, с самого верху… из отверстия кратера… я вам повторяю, это было похоже на гигантский неф из толстого слоя глины… толстого слоя?.. не уверен… стенки, думаю, были довольно тонкими… но как такое могло образоваться?.. этот пузырь, колокол или раковина?.. в результате подземной бури, землетрясения, взрыва склада мин… это произошло далеко отсюда… возможно, в Гамбурге можно найти и другие похожие холмы… вздутия в виде колоколов… но их я не видел, я ничего не видел из-за дыма… тем временем мы добрались, думаю, до самого центра холма… да, здесь точно чувствовался трупный запах… гораздо сильнее, чем снаружи… но я не видел ни одной мертвой твари, ни крысы, ни кошки, ни собаки… я ведь эпидемиолог, моя задача наблюдать… я все сразу замечаю… я был по-настоящему удивлен… снаружи мы видели множество тел, влипших в битум, залитых им… окоченевших… Харрас нас предупреждал… и не только целые тела… разные члены… особенно ступни… Гамбург был разрушен жидким фосфором… в Помпее произошло нечто подобное… огонь охватил все, дома, улицы,

щебеночное покрытие дорог и бегущих людей… даже чаек на крышах… РАФ все это не интересовало!.. вся эта мешанина!.. на улицах, на крышах и в подвалах!.. пока мне удается не отвлекаться, хотя и с трудом… однако хотелось бы узнать, откуда здесь этот трупный запах?.. я кричу… Лили здесь… а где же наши малолетние уроды?.. все здесь?.. я пересчитаю их позже… а Фелипе?.. вот и он, уже догнал нас… они смотрят… там что-то есть… да, должен признаться, это сюрприз!.. бакалейная лавка!.. она как будто прилеплена прямо к стенке колокола… вы понимаете, что я имею в виду под бакалеей: Kolonialwaren… как она сюда попала? как сохранилась?.. даже надпись есть, ошибиться невозможно!.. великолепными золотыми буквами на красном фоне… и это не маленькая вывеска… длинное, широкое панно… я не понимаю… Фелипе смотрит… а вот ему все понятно… «это была бакалея, dottore!.. вроомб! ее засосало!.. вы понимаете?» Фелипе прав, он все понял раньше меня… небольшая кучка кирпичей… две кучки… уверен, это осталось от здания… можете себе представить подобное стихийное бедствие?.. не думайте, я не преувеличиваю… и когда говорю вам, что скоро вся Франция будет желтой исключительно в результате смешанных

браков, что всю политику у нас делают идиоты, которых интересуют только занудные проповеди и тусовки на вечеринках, то есть мыльные пузыри, что имеет значение лишь то, чего не видно и не слышно, и существует только тайная, скрытая от глаз биологическая реальность: кровь белых подавляется и скоро всем белым придется просто впрячься в колясочки, стать рикшами… это будет их последним шансом не умереть с голоду… не стоит говорить, что я преувеличиваю…

Но все же постараемся не отвлекаться!.. я же собирался вам рассказывать про трупешник бакалейщика, разбросавшего по глине свои кишки под этим сводом… я имею право рассматривать людей в необычном состоянии, я уже в таком возрасте, но если хотите, можете меня поправить! в общем, можете мне помогать… в этой глине завязла не одна бакалея, тут есть и другие магазины… вот, кажется, развалины ресторана, а дальше — ателье мод… ах, сколько здесь табуретов и прилавков!.. все перемешано в кашу… там, наверху, на улице, всюду были трупы: у порта, на рельсах… мы же их видели… больше всего отдельных членов, влипших в битум, приклеенных… а там, в этом гроте, я имею в виду этот глиняный колокол, я пока что нашел только один

труп — бакалейщика… но ни дохлых крыс, ни других животных не было… а запах здесь сильнее, чем от одного трупа, я-то знаю разницу… наверняка есть и другие!.. а где же ребята? эти вонючие слюнтяи… их не видно! я спрашиваю у Лили… Фелипе в курсе — они залезли в другую щель… все вместе! там же, в глине… а вот, я вижу!.. там!.. этот труп… думаю, он умер пять или шесть дней назад… из-за холода он разложился не очень сильно, но все же воняет… подхожу ближе… это торговец за кассой… сидит… упав головой и грудью вперед… аптекарь? а может, бакалейщик?.. сидит за кассой… это точно касса, ящик открыт, набит mark papier[114]… рядом — открытая коробка, полная продовольственных карточек… видите, я все точно помню… но больше всего меня интересует, от чего он умер?.. о, да от взрыва конечно! кишки вылезли у него из раны, идущей примерно от бедра до пупка… в общем, выпотрошен… все внутренности на коленях, включая сальник… результат взрыва мины?.. Фелипе врубается быстрее, чем я… он показывает мне наверх, на это отверстие… которое я определил как кратер… вроомб! dottore! именно

---

[114] Примечания: 114
бумажными марками (*нем.*)

сюда попала бомба, сброшенная с самолета!.. рухнула прямо сюда!.. и вроомб! как он выражается… выпотрошила эту лавку, все остальные лавки и аптекаря в придачу… или бакалейщика… я не знаю… во всяком случае, в кассе полно марок и продовольственных карточек… этот мертвец воняет… а ребята даже не остановились, трупешники их не интересуют, их интересуют только щели… где они могут теперь копошиться?.. нашли еще одну дыру?.. еще глубже?.. проклятые придурки… пошли!.. пошли!.. может, залезли в пещеру?.. другую?.. ничего удивительного, ведь здесь полно разных щелей… в общем, туристам я бы это место не очень рекомендовал… хотя, думаю, этого грота больше не существует… я же вам рассказывал, какой он был высоты… и кроме того, весь из хрупкой глины… такое трудно себе даже вообразить, если, конечно, не принимать во внимание необычных обстоятельств, например, взрыва какого-нибудь подземного хранилища… в общем, стихия вышла из повиновения! а где же мои слюнявые шалуны?.. а Бебер? тоже исчез? вообще-то, у меня редко случаются головокружения, но тут, признаюсь, я расслабился… конечно, вы понимаете — усталость, да еще и то происшествие… я не собираюсь снова повторять вам

про кирпич… довольно!.. займемся детишками!.. Лили их зовет… ей отвечает Бебер… мяу! и появляется… оттуда, из другого отверстия… я вам уже описал этот колокол, пузырь, грот — называйте, как хотите — он полон сюрпризов… мяу!.. конечно, он был там, внизу, в глубине… как же нам быть?.. по бокам липкие влажные стенки… кажется, этот проход куда-то ведет… у меня уже нет моих костылей… Фелипе, как я заметил, тоже без брезента, он оставил его у входа… иначе никак… так удобнее… я вообще-то тоже мог бы остаться у входа… черт!.. разбирались бы сами!.. да еще и этот разложивший всюду свои кишки… бакалейщик?.. аптекарь?.. я уж и не знаю… я уже ничего не слышу… ну вот, я падаю… пусть теперь делают все, что хотят… я рассказываю вам, как все это происходило…

* * *

Я лежал там на спине, но не могу сказать, что я спал… даже для сна нужно много сил, а я был очень слаб… слаб до такой степени, что Фелипе и Лили даже испугались, что это со мной… вдруг у меня плохо с сердцем… я попытался их успокоить, даже чуть привстал…

— Как ты думаешь, ты сможешь идти?

— Прямо сейчас — вряд ли… через некоторое время…

Я был в полном сознании, и чтобы это доказать, я им сказал:

— Сходите, посмотрите, что делают ребята, а потом вернетесь и расскажете…

Если вы прошли хорошую школу, даже если она анархистская, долг для вас превыше всего… а для меня — эти слюнявые детишки и поиски молока для них… возможно, они его уже сами нашли?.. боже, что за существа!.. с ними не поговоришь, на них не посмотришь… объекты для пробирок… но уверяю вас: искусством исчезать они владеют в совершенстве!.. какая-нибудь дыра — и все, их уже нет!.. залезают в любую расщелину, будь там грязь, пепел, глина… а потом появляются с другой стороны, уже из другой расщелины… теперь они, наверняка спрятались… но где?.. на чердаке?.. раз уж здесь все вверх дном, скорее всего, наверху, в погребе?.. наверняка, Бебер с ними, Лили может позвать его, и он замяукает… а вот меня никто не слушается… надо бы мне все же встряхнуться, встать на ноги, помочь Лили и Фелипе… помочь в чем?.. постепенно я понял смысл их слов… да, им нужна помощь…

— Ах, господи ты боже мой!

Это я сам сказал… я резко поднимаюсь, меня качает, но я все-таки держусь!.. «туда! туда!»… вот, я вижу… нашел!.. в темном углу… нечто, похожее на декорацию! что-то в этом роде… прямо в глине… в глиняной стене… какая-то дверь… деревянная… понятно, им нужна моя помощь… они пытаются… ее открыть… куда ведет эта дверь?.. похоже на декорации, как и вся эта лавка… внезапно я замечаю прямо над этой дверью и вдоль всей перегородки, вдоль глиняной стенки, ряды полок… причем не пустых! переполненных!.. они уходят высоко!.. почти до самого верха: буханки хлеба, колбасы, банки с молоком… уверяю вас, очень высоко, повторяю, высота почти в три или четыре раза больше, чем Нотр-Дам… вы мне скажете, что я преувеличиваю, но ведь там были свидетели… как раз то, что нужно, «концентрированное молоко», до фига! а где же детишки?.. они были за дверью… попались!.. да что случилось?.. увязли в глине вместе с Бебером… слышно, как Бебер мяукает… он-то мог бы вылезти… коты, стоит им захотеть, истончаются до невозможности… становятся очень тонкими… наши детишки тоже могли залезть в любую дыру, сразу двенадцать или пятнадцать… я их не считал… к тому же, я вам говорил, они были такие

слюнявые, липкие… перекошенные… вам, наверное, интересно: как такие могли влезть в любую дыру или щель!.. я ведь был акушером, так вот, могу сказать, меня всегда очень интересовали трудности при родах… разверзаются ущелья… только в эти редкие мгновения можно наблюдать нежную и совершенно неуловимую работу природы, когда она колеблется и, в конце концов, решается… подлинные моменты жизни, если так можно сказать… а вот у нас как театр, так и литературу интересует в первую очередь коитус, и все, что ему сопутствует!.. набившее оскомину пережевывание одного и того же!.. а ведь оргазм не особенно интересен, как бы ни старались все гиганты пера и кинематографа, сколько бы миллионов ни вкладывали в рекламу, им так и не удалось показать, в чем же заключается главная прелесть этих двух-трех жалких подергиваний крупом… ведь сперма делает свое дело тайно, незаметно, от нас это ускользает… а вот на роды стоит посмотреть!.. проследить!.. до малейших деталей! что же касается оргий!.. то одному богу известно, сколько времени я на это угрохал!.. и все ради двух… от силы трех подергиваний ягодицами! возьмите хотя бы римлян, наших предшественников, они не скупились на зрели-

ща, подделки их не устраивали… если нужно, и перед убийством не останавливались!.. одним ударом меча вскрывали грудные клетки… чтобы сенаторы со своими дамами могли спуститься с трибун на Арену, усмирить кровавую агонию и дать сердцам еще немного побиться, чтобы в финале их можно было вырвать и бросить диким зверям… вот чего не хватает нашим показательным атлетическим состязаниям, именно этих сенаторов с дамами, которые перелезают через канаты, щекочут агонизирующих, а потом вырывают у них сердца и бросают народу… своему несчастному любимому народу, который постоянно ноет безо всякой причины!.. ням! ням! пусть полакомится!.. мы вступили в стадию позднего декаданса… она все продолжается, продолжается, и никак не закончится… совсем как моя жизнь, черт побери!.. я слабовольный… опять я заставил вас ждать… мы же стояли перед этой проклятой дверью, а за ней — все наши детишки… сейчас!.. мы все вместе навалимся на эту дверь!.. тянем, толкаем!.. она качается… качается… сейчас откроется… плюх! я заберу отсюда! все!.. одну… две… три сахарные головы!.. и вдруг целая полка!.. даже две!.. обрушиваются мне на башку!.. весь товар! мне на кумпол! вы скажете: он изде-

вается… вовсе нет!.. и тогда с кирпичом… тоже нет!.. моя голова — это мое несчастье!.. конечно, у меня здоровенная думалка, но не в этом дело… вспомните тот кирпич… судьба?.. или же я просто пытаюсь вас развлечь?.. бом! во всяком случае, раздается звон!.. гонга!.. я ведь не настаиваю… ладно!.. говорю вам: я рухнул и полностью отключился… ничего не слышу, потерял сознание… я уже начал к этому привыкать… просто позор, валюсь с ног из-за любого пустяка… это все кирпич виноват!.. с того фасада в Ганновере… пусть теперь другие поработают!.. а я коматозник!.. кто другие? Лили, Фелипе… признаюсь, на сей раз я и пошевелиться не в состоянии… кажется, они пытаются привести меня в чувство… даже трясут… так мне кажется… постепенно я начинаю что-то слышать… о, я не собираюсь вставать!.. пусть сами бегают!.. приоткрываю один глаз… вижу одного малыша… потом двух… это наши… вылезли из норы… они действительно были там… теперь понятно!.. передо мной мелькают пять… шесть человек… и каждый что-то тащит… куда это они направляются… Фелипе им показывает… ясно, они должны нести все коробки наружу… а что в коробках… думаю, банки с молоком!.. из бакалеи?.. или же из аптеки?.. я всматриваюсь… у

каждого по коробке… там не только молоко, хлеб тоже… и еще джем… они идут к выходу… там лежит огромный кусок брезента, который Фелипе нес на голове… он расстелил его снаружи… ребята сновали туда-сюда и складывали коробки и буханки… эти маленькие кретины продолжают пускать слюни, но кажется, теперь они уже лучше держатся на ногах, почти не падают, даже веселятся… а там, на платформах, я не видел, чтобы хоть один засмеялся… дети осваиваются очень быстро, как только начинается какое-нибудь приключение, даже последние дебилы, вроде этих, вдруг включаются в игру, начинают шалить!.. именно так… хоть они и убогие, вам за ними не угнаться, они тянутся к жизни… а вот стариканы, наоборот, все время виснут на вас, виснут, что бы вы ни делали! с наступлением климакса бывший атлет, премьер-астматик превращаются в пустое место, им пора на свалку… они уже достойны насмешек гораздо в большей степени, чем эти хилые и убогие приютские ребята, ведь у детей всегда есть надежда… а бывший атлет уже ничего не может, да и министр, раньше державший нос по ветру, никакого ветра больше не чувствует… наши детишки все сновали туда-сюда… у каждого в руках по банке джема, по буханке… куда они

все это несут?.. думаю, к выходу из норы… тут же возвращаются… неплохо бы мне все же встать… посмотреть, что происходит вокруг… заметьте, иллюзий у меня не было… этот огромный свод, этот пузырь из глины долго не продержится… я уже описывал его размеры, примерно в три раза больше, чем Нотр-Дам… еще один такой же сейсмический удар, еще одно сотрясение недр, и от него ничего не останется, он разлетится вдребезги… и все, что внутри, тоже… я бы с удовольствием встал… но где силы?.. к счастью, я уже пришел в себя, но удастся ли мне встать… подходят Лили, Фелипе, помогают мне… о, опять тот же случай — «смелей, малыш»! я сразу это понял… ладно! я готов!.. ползу по пещере… от стенки к стенке… как скользко!.. теперь спуск… всюду мокрая глина… а вот и свет… дневной свет!.. да, точно!.. это здесь!.. я правильно угадал!.. ребята заняты делом!.. они выносят все, что мы нашли, из пещеры, из продовольственного склада, снуют туда-сюда… но что же все-таки зарыто там, в глине… аптека?.. бакалея?.. я так и не понял… уверен, что тот выпотрошенный тип за кассой, разложивший всюду кишки… их очень забавляет… хлеб, банки молока, джем… вереницей… еще и огромное количество отверток… штопоров…

консервных ножей… скорее, это все же бакалея… и куча бутылок, то есть фляжек… кажется, в этих флягах — ликер… солидный запас алкоголя… они сваливают все на брезент у входа, я так и предполагал… на брезент Фелипе… солидные запасы у этого бакалейщика!.. зато теперь он получил сполна, с широко разверстым брюхом, все кишки наружу…

— Dottore! Dottore! мы опаздываем!

Фелипе ко мне пристает… да, он прав… я плохо соображаю…

— Нам пора! на поезд!.. на поезд!

А ребята только того и ждали… сколько тут всякого добра… полный брезент… мы хватаемся все вместе за края… тащим этот брезент!.. он прочный… мы бы не справились без детишек… а я ведь их так и не сосчитал!.. возвращаемся той же дорогой, мимо расщелины… очень скользко… выпало немного снега… это даже не снег, а какая-то пыль… ну так вперед, к поезду, к нашим платформам!.. надеюсь, они все еще там!.. и поезд никуда не уехал! во всяком случае, откуда-то сверху, с насыпи нам кричат!.. хриплым голосом!.. los! los![115]… какой-то фриц!.. два фрица!..

---

[115] Примечания: 115
Скорей! (*нем.*)

подгоняют нас!.. но это не пассажиры! пассажиров не слышно… это машинисты нас торопят… но у нас ведь провизия… брезент ведь не они тащат, а мы, вместе с этими слюнявыми детишками… рывками!.. о, это не так просто!.. отдохнули! и оп!.. дальше!.. огромная куча провизии…это ведь мы, а не они!.. впряглись!.. только Бебер идет сзади, налегке… смотрит на нас… ладно!.. вперед!.. еще надо пройти вдоль берега бухты… вы же понимаете… как нам тяжело!.. los! los!.. какие нетерпеливые те, наверху!.. но помогать нам не собираются!.. хоть бы мы вообще с ног свалились, им плевать! а что там случилось, что за срочность такая?.. пожар?.. так здесь всюду постоянно пожар!.. черт! идиоты!.. «ja! ja! идем!»… мы уже почти пришли… правда наши ребята слишком часто падают, их силы на исходе… теперь уже мы тащим их вместе с брезентом… они в него вцепились… периодически останавливаемся, ставим их на ноги… и снова в путь!.. вот так!.. вот так!.. теперь уже можно разглядеть тех двух нетерпеливых наверху… los! los! двух машинистов… мы уже подходим!.. ну и натащили мы!.. под этим колоколом оказался настоящий склад!.. под этим пузырем… я вам уже говорил… больше повторять не собираюсь… он был высокий, в два или три

раза больше, чем Нотр-Дам… мы уже почти на месте… пройти по камням… и влезть на насыпь… но я не вижу здесь ни одного пассажира… ни одного! они что, все ушли в Гамбург?.. а может, отправились туда, откуда приехали, стиснутые между прожекторами?.. на платформах?.. а те двое все орут, не могут успокоиться… los! los! что у них там за срочность такая?.. was? was?.. я и сам уже заорал!.. в чем дело?.. РАФ! «крепости»!.. тревога!.. да они настоящие эпилептики!.. тут же постоянно «тревога», или я ошибаюсь? они блеют… что мы должны пошевеливаться! нужно отправлять платформы!.. скоро все загорится!.. ладно!.. вперед!.. а как же Одиллия? о, она даже не вставала!.. пусть все горит!.. пусть взрывается!.. она отвергает наше предложение забрать ее с собой!.. нет! она кашляет, харкает кровью, с нее довольно! она не собирается никуда ехать… теперь ее ублюдками буду заниматься я, она доверяет мне их спасение! кажется, они к нам уже привязались, даже хихикают на свой манер, икая и пуская слюни… впервые я вижу, как они смеются… ковыляют кое-как, спотыкаются, падают, размазывают сопли, плачут, но в общем-то, им весело… Фелипе уже открывает банки, сперва просто куском железа, а потом настоящим

консервным ножом, ведь их здесь полно… дает каждому… они тут же присасываются!.. «пора садиться в поезд»… детишки уже забыли про Одиллию, видят, что мы садимся, и садятся сами, все рассаживаются на первой платформе вместе со мной, Лили, Бебером… а как же припасы?.. молоко, джем, хлеб?.. и плитки шоколада? нам помогает Фелипе и два пожилых машиниста, они втаскивают брезент с припасами на платформу!.. взгромоздили! наша платформа — сразу за локомотивом… а мне влезть пока не удалось… надо сказать, малолетние кретины помогали, они все в этом участвовали… да сколько же их?.. я до сих пор так и не сосчитал… оставляем Одиллии четыре банки с молоком, джем и побольше хлеба… нам хватит! нам хватит!.. «Фелипе!.. Фелипе!..» ему не нужна его доля, он кричит мне с другого пути, с другой платформы, он тоже торопится сесть, его поезд уже ждет… его поезд в «Магдебург»… «Dottore! Dottore!..» скоро он наконец-то найдет *свуего хузяина*… я ничего ему не отвечаю… мне еще нужно залезть! на платформу… с помощью брезента… уверен, у меня получится! вцепляюсь в брезент, вот я и наверху!.. готово!.. прямо в куче продуктов!.. а уж как развеселились ребята, аж икают!.. какой я смешной!.. плевать

я хотел!.. я уже здесь!.. а эти два недоделанных машиниста, наглецы эдакие, тоже над нами смеются!.. да!.. они были такие же старые, как я сейчас, какая-такая тревога их вообще могла волновать?.. в определенном возрасте вас уже ничего не волнует… конечно, если вы не заняты в рекламном бизнесе и не торгуете «пилюлями вечности»… зато теперь у нас есть все, а я лежу сверху… чего мы только не натащили из этого грота!.. или из этого пузыря… колокола… из его недр… из погребенной под ним бакалеи… у нас все есть!.. а время пересчитать запасы у нас еще будет… мясные консервы, банки молока, разные безделушки… «в путь!.. в путь! los! los!..» теперь моя очередь орать!.. пора отправлять эти долбаные платформы!.. а то сейчас все загорится!.. я уже все понял! я тоже!.. я кричу им: тревога! тревога! пора поторапливаться!.. отправлять локомотив, платформы, банки с джемом и молоком!.. до них что, до сих пор не дошло, что это «тревога», до этих двух семидесятилетних старцев, тоже мне, машинисты нашлись, лысые, беззубые… да они еще и приказы отдают!.. «ах вы, бездельники!.. бездельники!..» ну сейчас я поставлю их на место… «а ну-ка, займитесь делом! саботажники!.. слабоумные!.. предатели!..» это слово я хорошо

выучил: verrater! они меня еще плохо знают!.. эти машинисты!.. ничего, скоро узнают! это всегда действует!.. сами увидите! наша платформа резко дергается, а вместе с ней и я, и Лили, и Бебер в сумке… мы собираемся отправляться в путь… сейчас поедем… ну вот! хорошо, что я вовремя вмешался, а то мы бы до сих пор стояли!.. вспышки гнева иногда помогают, особенно когда у вас уже не осталось сил… наконец-то мы едем!.. этот локомотив не свистит и не пуф! пуф!.. я никому не говорю «до свиданья»!.. никому… ни Фелипе, ни Одиллии… они оба приняли решение!.. ну и ладно!.. у них такие характеры? ладно! у меня, кстати, тоже!.. ведь я все еще жив и прекрасно все помню… а ведь я ничего не записывал, представьте себе!.. так что я пока жив, не гордый, но серьезный… и меня по-прежнему окружают обнаглевшие завистливые сопливые и слюнявые идиоты… они гораздо хуже, чем те личности, что ездили в Лурд по четыре… по пять раз… помолиться, чтобы я поскорее сдох… еще бы, ведь я держусь за свою бдительность… как та — за свои кровохарканья… а итальяшка — за свой кирпич…

* * *

Наконец-то они заснули, я имею в виду этих ребят, некоторые пристроились здесь, рядом с нами, некоторые — в конце платформы, разместились между динамо-машиной и чем-то вроде трансформатора, штуковиной в клетке, полной рессор… нас ужасно трясло, мы просто подпрыгивали… резко бросало то вперед, то назад… оно и понятно, эти пути ведь строились явно наспех… но главное — мы едем, причем довольно быстро… нам случалось ездить и по гораздо худшим путям… Лили спрашивает меня…

— А теперь мы куда?

Мне об этом ничего не известно… наверное, эти два старика на дизеле что-нибудь знают… через час… или через два я у них спрошу… не хочу сейчас приставать к ним с расспросами… для начала мне нужно собраться с силами… все равно под этот жуткий скрежет рельсов, звяканье платформ, лязг цепей ничего сказать не удастся… пришлось бы вопить… я бы на ногах не удержался…

— Лили, давай подождем остановки! я спрошу у них на остановке!..

Наверняка, этот поезд с запчастями когда-ни-

будь остановится, так мне кажется… но я не уверен… может эти два угрюмые старика вообще не собираются останавливаться… не представляю, что будет дальше… теперь мы остались вдвоем с Лили… нет больше Харраса… нет Ретифа… нет Ля Виги… даже Фелипе уехал к своим кирпичам… этот был с нами совсем недолго… Одиллия вообще не в счет… она только всучила нам своих ребят… да сколько же их на самом деле?.. этих слюнявых приютских уродов?.. я не собираюсь сейчас искать под брезентом… позже!.. по меньшей мере, двенадцать… пятнадцать… так мне кажется… а как же Фелипе?.. я вдруг вспомнил о Фелипе… с его кирпичом… а может, я напрасно его обвинял?.. правда порой совершенно абсурдные обвинения оказываются справедливыми… как и все эти бредовые обвинительные речи… забавный принцип: все юридические ошибки, несправедливые казни были неизбежны… непреклонное правосудие ручной работы… о, да я опять отвлекся! помрачение! нет, никогда я не научусь излагать свои мысли так, чтобы заодно подсовывать вам в каждой строчке по три-четыре очевидных глупости… воображая себя гением, носителем высшей Истины, утверждать, что до нас вообще ничего не существовало, да и после нас

все будет только ухудшаться, стремиться к нулю, останутся одни сломанные роботы… на террасах кафе все заняты суходрочками… что же касается меня, я спокойно размышляю, не обращая внимания на общую ненависть, и точно знаю, что после смерти обо мне надолго забудут… только там я и обрету первых искренних поклонников в лице червей… ну хватит!.. меня заносит!.. всему свое время!.. сейчас я должен описать вам наше путешествие на платформе… вы мне скажете: сколько можно!.. и будете правы… я ведь вам рассказывал это уже раз десять… или двадцать… описывал наши весьма своеобразные путешествия как по туннелям, так и на открытой местности… вот здесь, к примеру, ровная местность, даже травы почти нет… наверное, море недалеко… всюду летают чайки… в общем, почти как в Цорнхофе… а кстати, как там эти фон Лейдены?.. вероятно, туда уже пришли русские?.. черт побери, вернемся к нашим задницам! да, кстати, у меня есть компас!.. он всегда со мной, висит на шее на цепочке… я не хочу, чтобы меня дурачили… на север!.. на север!.. на север!.. этот компас сохранился у меня до сих пор, лежит здесь, как сувенир, весь ржавый… мне привезли его контрабандой из Швейцарии,

чтобы я смог перебраться в Швейцарию[116]... вот как нас тогда привлекали путешествия, а теперь мы и из дому-то не выходим... надо сказать, что от нас постоянно все хотели избавиться, постоянно... мерзкие грязные твари... а я ведь только и делаю, что молчу, никуда не показываюсь, и даже у себя никого не принимаю... конечно, теперь это не имеет никакого значения, на определенном этапе уже ничего не важно, кроме веселья и кладбища... во всяком случае, точно одно: мы едем прямо на север... прямо на север, причем довольно быстро... прошло уже около часа... скоро стемнеет... думаю, когда ребята проснутся, их начнет мучить жажда, ведь из питья у них только молоко... а питьевой воды у нас нет... может, на других платформах?.. сомневаюсь... или на локомотиве?.. возможно... он не так далеко, мы прямо за ним... но я не вижу этих двух стариков-машинистов... поезд едет, а они, наверное, спят?.. вполне возможно! но до нас им точно дела нет... и тем, что в небе, до нас тоже нет никакого дела... повезло!.. где-то вдали, в вышине слышен рокот моторов двух... трех самолетов... вот и все... это не немецкие, фрицев в небе уже нет... учи-

[116] Примечания: 116

Селин действительно думал о том, как бы перебраться в Швейцарию из Зигмарингена, он пишет об этом в своем романе «Из замка в замок».

тывая скорость нашего передвижения, мы уже должны подъезжать к знаменитому Кильскому каналу[117], я ведь тщательно изучил карты… я говорю Лили… «вот там нам придется туго!»… она не понимает… а вот я понимаю, я ведь много раз проходил по этому каналу, судовым врачом, осматривал эмигрантов… на линии Гавр-Данциг-Ленинград… я ходил и на маленьких суденышках, и на крупнотоннажных, таких как «Канзас», «Колумбия» [118]… сейчас эти корабли наверняка уже на дне… уверяю вас, этот канал мне довольно хорошо знаком… гигантское сооружение… а какой там ветер! ледяной, свищет даже летом, от одного моря к другому между этими гигантскими перегородками, а вокруг чахлые сосны и камень… вы были счастливы оттуда выбраться… через канал по всей его длине перекинуты мосты и мостики, примерно на высоте второго этажа Эйфелевой башни… это сооружение вполне можно назвать грандиозным, уверен, оно подняло престиж империи Вильгельма… конечно, эта

[117] Примечания: 117

Кильский канал — морской судоходный канал, соединяющий Балтийское и Северное моря. Построен в 1887–1895 гг.

[118] Примечания: 118

«Колумбия» — так в своем памфлете «Безделицы для погрома» Селин называет судно, на котором он в 1936 году совершил путешествие в Ленинград.

империя видала кое-что и похлеще! но пока что я хочу пить… думаю, ребята тоже… еды у нас полно, целая куча на брезенте, а из питья я вижу здесь только фляжки… склянки с этикетками… а что внутри? я этого пробовать не собираюсь… не знаю, из аптеки это или из бакалеи… надо спросить стариков на дизеле… может, они не прочь попробовать… думаю, это спиртное, но что-то я их не вижу… спрятались, а может, спят?.. теперь мы едем не так быстро, совсем не так… может, уже подъезжаем? да!.. едем в гору… скоро будем на месте… вот и остановились… локомобиль и вся вереница платформ, вместе с нашей… уже почти ночь… с других платформ никто не спускается… все остались в Гамбурге… мужчины, женщины… откуда они вообще приехали?.. я так и не узнал… но одно ясно: теперь мы с Лили и ребятами остались одни… правда у нас полно жратвы, целая куча… мы едем на север… но куда на север? не знаю, надо спросить… пока еще не стемнело… но уже сумерки… откуда-то издалека падает свет прожекторов… достаточно, чтобы увидеть, как два старикана спускаются с дизеля и ощупывают бортики нашей платформы…

— Нет ли здесь?.. нет ли?.. Wasser?.. воды…

Спрашиваю я.

— Da!.. da![119]

Отвечают они мне… вода там, выше! где это, выше?.. я отправляюсь на поиски, не один, вместе с Лили и Бебером… само собой, все ребята идут за нами… с шумом вылезают из-под брезента, скатываются вниз… на насыпи они будут раньше нас… а ведь еще недавно переползали с места на место как вялые мокрицы… теперь вон какими шустрыми стали… все дети обожают приключения, даже те, у которых постоянно текут слюни, они тут же обретают вкус к жизни, становятся ловкими, превращаются в настоящих бесенят!.. а вот вы всего лишь старая рухлядь, с трудом ковыляющая, держась за стенку… вне зависимости от условий, от маршрутов, ничего не поделаешь! так вот, как я вам сказал, ребята уже влезли на насыпь… вода недалеко, до нее метров сто, если идти по путям… огромный чан… ребята оказались там раньше нас… пьют прямо из чана, опустив туда головы… и мы тоже!.. а вот Бебер пить не хочется… я спрашиваю наших двух стариков, когда мы поедем дальше?.. не сейчас! нужно дождаться окончания тревоги!.. но ни я, ни Лили никакой тревоги не слышали… а что это

---

[119] Примечания: 119
Там! (*нем.*)

там такое?.. мост через Kanal! о, я так и знал, что мы к нему приближаемся… мы уже здесь!.. я хочу удостовериться, точно ли мы приехали именно сюда, делаю несколько шагов… да, все верно!.. бездонная пропасть, вся заполненная железными балками, малыми арками, действительно, это и есть канал… они не соврали… и в самом низу в этой темноте, в этой бездне, я бы даже сказал, в этой траншее… я вижу, как мигают… два… три… четыре огонька… может, даже десять?.. это корабли?.. не думаю… я знаю… и объяснять мне ничего не нужно… Unterseeboten! субмарины… мне прекрасно известно все, что происходит в море… нет! не то, чтобы прекрасно, я бы сказал: приблизительно… этот канал мне тоже знаком, ведь я проходил по нему восемь… десять раз… из конца в конец…

А вот и наши старики!.. они согласны… все точно, это огни субмарин… которые ждут разрешения войти в Северное море… подают сигналы… возможно, наш поезд с платформами тоже подает сигналы?.. почему бы и нет! тревога пока не кончилась… подождем!.. слышен вой сирен… а вот самолетов я что-то не слышу… хотя этот канал — подходящий объект для бомбардировок… вот только зачем им его разрушать именно сейчас,

после четырех лет войны… скоро он может понадобиться им самим… ведь победят, скорее всего, именно они… но я не собираюсь высказывать свои соображения этим двум старикам… кроме того, они заняты… точнее, один из них, не такой древний… он решил побриться, причем прямо сейчас, воспользовавшись тревогой и большим чаном с водой… он принес сюда фонарик, зеркальце, бритву и два мыльца… я вижу, откуда льется эта вода: из широкого плоского полотняного шланга, такие же есть и у нас… ладно!.. пусть себе бреется… мы уже все попили… он подвесил свое зеркальце прямо к нашей платформе, на гвоздь… мы с ребятам наблюдаем, как он намыливается… и вдруг как раз в это мгновение в небе появляются зеленые свечи!.. посыпались отовсюду, со всех облаков… все понятно… «предупредительные огни»… а потом, как обычно, «белые»… а за ними бомбы… вам сильно повезло, если вы никогда не оказывались в подобной ситуации!.. а вот мы уже не знаю, сколько раз… когда драма повторяется, она превращается в комедию… Монмартр… Сартрувиль… Сен-Жан-д'Анжели… Франкфурт… и т. д… Берлин… кстати, здесь, в Медоне, через двадцать пять лет я обнаружил прямо перед своими воротами в сад что-то наподобие кратера, угро-

жающего обвалиться… а все соседи тут же начали вопить, что это я виноват, и пора уже выселить меня отсюда, они направят петицию в Префектуру, чтобы там приняли меры!.. о, мне совсем не смешно, все невзгоды Аттилы[120] в сравнении с моими были сущими пустяками — трава, видите ли, у него плохо росла… а вот рядом со мной всюду появляются кратеры!.. и еще — куда бы я ни притащился, все вокруг сразу превращается в дерьмо: и почва, и растения, и скот дохнет… а человеческие существа только от одного моего вида не могут ни пить, ни есть, ни спать… вот до чего дошло!.. но когда я думаю про этот провал у самых ворот моего сада, мне кажется, это из-за бомбардировок Рено, хотя знаю — вы мне не поверите… я сам их наблюдал, мы жили тогда наверху, на Монмартре, на углу улицы Жирардон, а это не так уж далеко!.. уверен, что если даже через тысячу лет где-нибудь на Марсе, на Луне или на Малой Медведице случится какой-нибудь обвал, все белые, все, даже если они к тому времени станут желтыми или «супербразильцами», во всем будут обвинять меня!.. я уже к этому готов!..

---

[120] Примечания: 120

Аттила (395–453) — король гуннов, который объединил различные гуннские племена и создал государство от Волги до Дуная. Умер во время своей свадьбы с бургундской принцессой.

О, но я ничего не боюсь, честное слово! а куда это я вас опять увел? мы же были там, наверху!.. почти на самой вершине… вспоминайте! Кильский канал… канал с высоченными гигантскими стенами, а вокруг камни и трава… помните, один из наших престарелых машинистов решил заняться своей бородой… мы все уже попили из этого чана… а теперь он там, собирается бриться… я продолжаю вам описывать… при свете своего маленького фонарика он видел в зеркальце все, что ему нужно… зеркальце было подвешено к нашей платформе… тарабум! вдруг все озарилось!.. и стало так светло!.. как при ярком солнце!.. прелюдия к мощной бомбежке!.. точь-в-точь как на Монмартре… в Берлине… Цорнхофе… нам уже это известно… долго ждать не приходится… трррах! ну вот!.. нас уже трясет! кажется, этот подъемный мост зашевелился… приподнялся… а потом резко опустился!.. и тут чан, полный воды!.. вместе со стариком, который как раз над ним брился!.. исчез!.. я так и вижу, как его уносит!.. старик с широко открытой бритвой! и чан! все вместе! летит в бездну!.. пожалуй, не время туда заглядывать!.. его просто унесло взрывом целой связки бомб… сразу штук десять… или пятнадцать! а мы ведь находились всего в одном метре… почти в одном

метре… теперь он, наверное, уже внизу… я так думаю, смотреть не собираюсь… я уже говорил вам, какая там высота, представьте себе прыжок со второго этажа Эйфелевой башни… причем уже не в первый раз… в десятый раз мы находимся на волосок от этого… правда, не с такой высоты… повезло! легко сказать!.. несчастье останется в запасе до следующего раза! конечно, встречаются и оптимисты, и люди, которые ничем не отличаются от меня, так вот, им постоянно улыбается удача, и здоровье, и богатство… но я бы этому не особенно доверял!.. ведь даже несмотря на то, что я такой недоверчивый, меня до сих пор все еще преследуют всевозможные несчастья!.. итак, я вам уже говорил, с нами были два механика… и вот тот, что остался, почти такой же старый, как и другой, вопит мне в ухо «нужно спускаться»… он хочет сказать, туда, откуда мы пришли… э, да я на это не способен!.. черт побери, я слишком слаб, сегодня мы уже столько сил потратили! кстати, а ребята где, куда они подевались? да они убежали на мост, черт побери! решили поиграть!.. ттрах! бабах! уверяю вас, взрывы очень мощные!.. они сбрасывают бомбы не в пикирующем полете, не Blitz, как это обычно делают фрицы… а с большой высоты, из-под самых облаков… но нашим де-

тишкам все нипочем, они ведь ничего не слышат, просто развлекаются… наверняка эти «крепости» прилетели специально, чтобы разрушить канал вместе с мостом, под которым прячутся субмарины… все вместе, без сомнения… но ребят это не пугает, наоборот, для них это развлечение… они бегают, точнее, пытаются, падают друг на друга, под мощные звуки трррах! наверняка кое-кто из них уже свалился в пропасть… но они продолжают веселиться… кроме тех, кто туда свалился… вижу, они быстро освоились… конечно, ведь их бомбили на всем пути следования из Бреслау… да уж, понятно, почему Одиллия от них отказалась… детство ее не трогает… кстати, интересно, вернулись ли эти «крепости» бомбить Гамбург… уверен, что да… представляю, что стало с этим деревянным вокзальчиком!.. а мы все вместе! стоим возле чана… я кричу… что будем делать? в первую очередь, собрать наших слюнявых! иначе их всех унесет вихрь!.. они полетят вниз… старикан придерживается того же мнения… он предлагает помочь нам увести ребят… но сперва ему хочется выпить… нет, воды из чана ему не надо!.. он деликатно намекает!.. нашел время!.. трррах! бабах! да что же это они сбрасывают! стены и высокие насыпи вокруг канала светят-

ся от разрывов… красных… зеленых… каскады магния! ах, вокруг не просто светло, нас буквально ослепило… на двух берегах канала!.. видны все укрепления! особенно красиво взрываются мины, распускаются наподобие гигантских цветов… зеленых… красных и голубых… на камнях укреплений с обеих сторон… расцветают снизу доверху по всему каналу… красные, голубые, зеленые… цветы десятиметрового диаметра… по меньшей мере… это нужно было видеть… я не могу сделать так, чтобы вы услышали эти «бабах»!.. а что за гулкое эхо от одного берега к другому… старикан готов пойти с нами, чтобы забрать этих маленьких кретинов и заодно поискать второго машиниста, но только сперва ему нужно выпить, причем не из чана!.. чего-нибудь другого!.. он знает, что у нас есть… конечно, у нас есть!.. на брезенте полно… но вот только что это?.. ром или лекарство? а может, серная кислота?.. непонятно… так это была аптека или бакалея?.. я до сих пор себя спрашиваю… во всяком случае, того выпотрошенного типа за кассой, с кишками наружу, мы и сами видели… аптекарь он или бакалейщик!.. он не так уж вонял, потому что было довольно холодно… а что касается фляжек, это серьезно, ведь там могла оказаться карболовая

кислота… непонятно, я так и не узнал… ведь сам я этого не пробовал… черт! пусть он сам и рискует!.. у него с собой штопор!.. даже два!.. отлично!.. я вам уже говорил, вокруг было светло, светлее, чем днем… они применяли не только магний… целые водопады ракет!.. надо сказать, этот старик-машинист и так с трудом держался на ногах…он бы рад был нам помочь, но при каждом «бабахе» его так качало в разные стороны, что мысленно я уже видел, как он отправляется следом за первым! но нет!.. он пока что держался… а представление все продолжалось!.. наверное, если бы РАФ интересовал мост, они бы уже давно превратили его в щепки, от него бы ничего не осталось… должно быть, им нужны были только субмарины… значит, главная работа у них впереди, ведь эшелоны субмарин заполнили весь канал… я знаю, я вам говорил, его протяженность 99 километров… я рискну… встаю на четыре кости, ползу к мосту, Лили за мной… отсюда видны оба берега и все укрепления, их украшают разрывы бомб, прямо как цветы… фиолетовые… красные… желтые… такого зрелища больше не увидишь… так же как и больших маневров 1913 года, когда вся легкая и тяжелая кавалерия вместе с драгунами, выстроившись в ряд, одновременно разворачивались

под звуки горна… сразу сорок или пятьдесят эскадронов в лагере Серкотт, в 1913… это надо было видеть, и все…

Опять я запутался! к делу!.. к делу!.. я сказал вам, весь этот мост дрожал, даже подпрыгивал!.. а ведь это был не хилый мостик, целая гигантская конструкция из балок и арок… вы бы сказали, что это невозможно… нет, возможно! ударные волны от взрывов… в ритме ригодона! а мы по-прежнему любовались разрывами бомб!.. фиолетовыми!.. красными!.. желтыми… в глубине этой пропасти… то есть в канале! субмаринам наверняка досталось!.. вы знаете, что такое воздушные ямы… мы тоже вальсировали!.. а наши слюнявые детишки?.. было от чего забеспокоиться! возможно, их уже давно унесло взрывной волной, и они парят над пропастью… а может просто перешли через мост и увлеченно играют на той стороне, на другом берегу… самым печальным было то, что эти сопляки не только глухие, у них еще напрочь отсутствует чувство страха, они уже привыкли к бомбам и грохоту… должно быть, с ними такое случалось не один, а сто раз… ан нет!.. они не перешли на другую сторону! вон они, на мосту, я их вижу, гоняются друг за другом… играют — кто кого столкнет в пропасть… а взрывы их не пу-

гают, я бы даже сказал, наоборот… никогда я не видел их такими веселыми… подначивают друг друга… но я не могу больше продвигаться вперед, Лили тоже… это нужно было видеть: мост вместе с рельсами и платформами приподнимается… и ттрах!.. вдруг резко опускается!.. лучше сказать, колышется… прямо как на американских горках… можно сказать… кроме того, мы оглохли… почти как эти ребята… толчки, град бомб… никакие уши и голова не выдержат, тем более мои, можете себе представить! я не собираюсь еще раз вам это повторять!.. и про кирпич тоже… у меня перед глазами так и стоит улетающий в пропасть машинист… с раскрытой бритвой!.. он же собирался побриться… а тот, что остался, так к нам и не подошел… хотя обещал… он откупоривает очередную склянку… стоя на коленях на нашем брезенте… я зову его! hep! hier!.. он издали показывает мне зажатую в руке!.. большую бутыль… и две!.. и три!.. а мы его ждем!.. ладно!.. бабах! ттрах! нет, он не хочет! издали жестами дает понять, что мост слишком трясет… а как же мы?.. мы ведь пока что целы… а наши разыгравшиеся слюнявые детишки разве не могли бы испугаться?.. да этот последний оставшийся с нами машинист не только наложил в штаны от

страха, он еще и пьян в стельку… должно быть, нашел себе кирш… наверняка, у нас на брезенте есть… кстати, тащили все это мы сами! причем с каким трудом! заметьте, я вовсе не собираюсь морализировать, но ведь ни одно доброе дело не остается безнаказанным… вам кажется, что вы все сделали правильно, но не тут-то было!.. оглянитесь вокруг… ведь все эти наглые кривляющиеся ублюдки, эти подлые предатели безо всякого труда получают награды и почести… тррррах! тарарах! меня опять прервали… правда я здесь не для того, чтобы рассуждать… я здесь для того, чтобы ехать дальше… на север, это моя навязчивая идея! да, но сперва мы должны собрать эту банду! наших слюнявых ребят!.. я вам говорил… клик!.. вжик!.. крак!.. какие-то резкие звуки… удары железом по железу… причем довольно близко… до сих пор взрывы раздавались гораздо ниже… если бы они хотели разрушить мост, они бы это уже сделали… их целью наверняка были субмарины… заполнившие весь канал… от Северного до Балтийского моря… я вам это уже говорил, сто километров!.. теперь я слышу, точно, настоящий град взрывов стучит об опоры моста… и взрывные волны!.. настоящий ураган, волна за волной, накладываются одна на другую,

сталкиваются… лучше вообще лежать и не шевелиться, даже голову поднимать не стоит… и глаза не открывать!.. нужно дождаться, пока все это закончится… а это закончится, ведь все кончается… мы ввязались в авантюру, но к перилам не стоит подходить даже ради детишек… даже на четвереньках… и к чану тоже… сразу за чаном — пропасть… уж мне-то пора было все изучить, ведь я столько раз проходил по этому каналу с востока на запад и обратно… лучше просто лежать ничком, пока все ракеты не погаснут… и они не прекратят бомбить… очень скоро… им непременно придется слетать за подкреплением!.. это займет часов пять или шесть, пока они будут пополнять запасы бомб и виски… мы уже успели привыкнуть к этим налетам и изучить их привычки… они всегда появляются внезапно, окруженные громом и пламенем… одна волна! вторая!.. всюду взрывы!.. и вззз! все сразу стихает!.. ни одной свечки, ни капли магния!.. полная темнота, ночь… теперь нам пора сваливать! а наш второй машинист случайно не улетел вслед за первым?.. о, черт побери, да меня шатает! я зову его… heil! heil!.. на это он точно откликнется, даже если сильно пьян… los! los! он меня услышал… в путь! в путь!.. он не против!.. он все понял!.. сей-

час поедем, он судорожно собирается!.. а как же наши маленькие кретины?.. если кого-то из них не хватает, я никогда не узнаю, ведь я их не сосчитал… э, черт побери, нас так трясло под градом взрывов и потоками фосфора, что мне было не до учета!.. какая разница, двенадцать их или пятнадцать… кстати, девочки или мальчики?.. но они так закутаны, на них столько всего наверчено, брезент и шерстяные тряпки, что это невозможно определить… девочки или мальчики?.. к тому же, сейчас ночь… мы с Лили очень надеялись, что они сами к нам подойдут… перейдут через мост… это уже будет доказательством того, что, возможно, поезд сможет проехать, что рельсы целы… в какое-то мгновение настил и огромные опоры моста так изогнулись и перекосились, что мне стало страшно… нет! а вот и слюнявые кретины появились, подходят к нам, похоже, они неплохо поиграли… какие радостные!.. даже в темноте видно… я ощупываю одного, второго… может, некоторые все же улетели?.. они не могут мне рассказать… а вот как улетел наш первый машинист со своей бритвой, я видел собственными глазами… про ребят я этого сказать не могу… зато второй машинист остался здесь… los! los! кричу я ему… ведь он должен запустить свой дизель…

я его не вижу, но уверен, что он пьян в стельку… наверняка перебрал из наших флаконов… он подходит ближе, бормочет что-то мне прямо в нос, от него сильно воняет… он сам не понимает, что говорит… какой-то бред по-немецки… однако, нам пора трогаться, поспешим! сейчас ребята залезут на место! и мы с Лили и Бебером тоже… но для меня это не так просто… к счастью, тот алкоголик все еще перебирает свои инструменты, возится с дизелем… ведь мне весьма сложно взгромоздиться на эту платформу… я не хочу вас разжалобить, просто рассказываю… ну все, готово!.. и ребята тоже!.. раз!.. раз!.. раз! все быстро разместились между динамо-машинами, под складками брезента… или мне так кажется… правда не так уж и темно… похоже, уже светает… пом! пом! пом! кажется, этот пьяница уже завел свой дизель… браво!.. los! los! heil!.. наконец-то я дождался ответа… es geht?.. как дела?.. ну теперь пора ехать!.. сейчас увидим, выдержит ли мост! не знаю, как описать вам наше настроение… вперед!.. мост держится… правда, трясется… какие-то горки… опять горки!.. что-то вроде «scenic railway»[121]… но нашего пьяницу это вовсе не смущает, я бы

---

[121] Примечания: 121
Игрушечная железная дорога (*англ.*)

даже сказал, наоборот… heil! heil! вопит он… а вот я очень устал, и даже не пьян, но мне бы не хотелось, чтобы кто-то подумал, что я чем-то недоволен или испугался… я вам уже сказал, наша платформа катилась вверх-вниз, словно по кочкам… следуя неровностям на дороге… «американские горки»… этот мост вовсе не производил впечатление гибкой конструкции… и все-таки!.. и все же!.. он оказался именно таким!.. я бы даже сказал, мягким!.. мы переедем по нему качаясь… он может надломиться и рухнуть вниз… интересно бы взглянуть вниз, на канал, остались ли там еще субмарины… обычно они зажигают красные огни… они все еще там?.. нет!.. не стоит перебарщивать! достаточно уже того, что мы едем!.. мне так кажется… с горки на горку… а ведь весь этот металлолом, я имею в виду перила и огромные арки, вполне мог и обрушиться, и мы бы внезапно полетели в пропасть, совсем как тот с бритвой… вот там мы бы увидели субмарины в непосредственной близости… и водички бы вволю попили… из канала… вот бы повеселились! о, моя голова!.. вижу, опять на меня напал смех, я даже сдерживаться не могу… кризис!.. heil! heil!.. все-таки лучше не давать спать этому старику, ведь он один у нас остался… пусть поработает!

пусть поработает!.. займется делом! перевезет нас на ту сторону!.. уверен, этот мост скоро рухнет!.. но мы должны успеть перебраться на ту сторону! ну вот! готово! нас больше не трясет… я имею в виду нашу платформу… теперь мы едем по ровному пути… ладно! мы катимся вперед… пом!.. пом!.. лишь немного подпрыгиваем… уже рассвело… вокруг расстилается равнина… желтая земля, желтее, чем в Цорнхофе… а вдали… две… три хижины… никого из наших детишек не видно… они под брезентом… а мы точно едем на север?.. у меня с собой компас, висит на шее, просто я не хочу, чтобы меня обманывали!.. да, мы едем на север!.. на север с небольшим уклоном на восток… сейчас проверю… все правильно!.. ведь никому нельзя доверять… а мне все еще смешно… мне ужасно хочется посмеяться!.. я сообщаю об этом Лили… — Знаешь, мне кажется, это все из-за кирпича.

Она не верит, что мне просто весело… Но в одном я уверен, мы едем!.. пом! пом! катимся на север!.. так показывает мой компас!.. и мы слышим, как работает двигатель… мы ведь сразу за локомотивом, совсем рядом… но я не вижу старика машиниста… тем хуже!.. тем хуже!.. мы уже разогнались и останавливаться не собираемся!

на север!.. на север!.. нет никаких причин для остановок… нигде!.. о, как мне весело!.. лучше мне не пытаться встать или сесть, иначе я не смогу сдержаться и начну хохотать… я не хочу говорить об этом Лили, она опять скажет, что это все кирпич… ведь я лучше, чем она, знаю, что происходит!.. и не хочу, чтобы мне перечили! она сама увидит, что нас еще ждут сюрпризы… примерно через час… это меня и пугает… однако мы с неизбежностью приближаемся…

* * *

Но хотя переезд через этот канал нас и позабавил, он совершенно не решал наших проблем… увы, нет!.. теперь же, ясное дело, нам во что бы то ни стало надо было пересечь датскую границу… я никому об этом не говорил, но в действительности, не переставая, думал об этом с самого Парижа… я же знал, что мои авторские гонорары на сумму в шесть миллионов франков хранятся именно там… и не где-нибудь, а в сейфе банка… теперь уже можно сказать, какого… Landsman Bank… Peter Bang Wej… сейчас я уже ничем не рискую… к тому же, мне не хочется, чтобы это повествование выглядело бессмысленным нагромождением глупостей… и не передать, сколько

раз тогда полиция интересовалась, какого хрена мне понадобилось в Дании… я так им этого и не сказал, хотя они буквально исходили на дерьмо, но точного адреса Landsman Bank они так и не узнали… Peter Bang Wej… сейчас это уже не имеет значения… но кажется, я опять про вас забыл!.. мы сидели на платформе между динамо-машинами, прожекторами и прочим хламом… остались только Лили, я, ребята и Бебер в своей сумке… остальные, как вы уже знаете, нас оставили… Ля Вига, Ретиф и др… в жизни то тут кого-нибудь теряешь… то там… и в дальнейшем мне еще предстояло расстаться со многими людьми… в свое время я и об этом расскажу… обо всем, что со мной приключилось… забавного и не особенно… так уж устроен этот мир, в нем всего хватает… то же самое можно сказать и о книге!.. вы, наверное, думаете, что я мог вести себя и потактичнее… но знаете, вот если бы я сидел дома и оттуда свысока комментировал происходящее… все эти многочисленные неудачи нашей безмозглой армии, которую внезапно пробрал понос, все действия наших военачальников, которые потом вернулись к нам триумфаторами через Арки, все стали маршалами и т. д… вот тогда я бы, как и положено гению, вопил, что во всем виноваты

исключительно боши, так как это они изобрели все эти жуткие бомбы, концентрационные лагеря, Volkswagen, и вообще, затеяли весь этот грандиозный кукольный спектакль… и тогда бы я не стал говорить, что после Сталинграда Франция уже никогда не будет прежней, что она лишится всех своих колоний, а все ее жители превратятся в жалких статистов… черных, желтых, зеленых в крапинку, вроде тех, что населяют Бразилию… останутся только одни безвольные недоделки… которые больше всего будут озабочены тем, где провести свой отпуск… в Провансе?.. в Нормандии?.. в горах или на море?..

Ну, а вот нам пока было не до отпуска, приходилось следить за тем, чтобы не свалиться под откос!.. неожиданный толчок, и оп!.. но даже если мы доберемся до этой границы, там нас подстерегают другие опасности! нас могут отправить обратно! арестовать! нужно быть готовым ко всему! к самому худшему! эта граница — примерно в одном часе езды от канала… максимум в двух… мы должны туда добраться, если ничего не случится… например, если этот поезд не передумает и не повернет на перекрестке на восток… или на запад… но нет… мы по-прежнему ехали на север!.. меня успокаивал компас… он-то не врет!.. думаю,

мы все же приедем на эту границу… так что лучше хорошенько подготовиться, чтобы четко все изложить… а мне, самое главное, необходимо прекратить галлюцинировать… иначе они примут меня за полоумного… что это еще за бред про локомотив в облаках! кроме того, я ни в коем случае не должен трепать ни про свою голову, ни про кирпич!.. просто нас ждут в Дании, у нас там полно друзей, вот их имена, вот названия улиц, Ved Stranden, мы сможем немного передохнуть на Staegers Allee… ну и конечно же, там у меня в банке капиталы, Landsman Bank… сами видите, что мне постепенно все же удалось взять себя в руки, хоть я и находился на этой платформе среди кучи хлама, и нас постоянно болтало туда-сюда… мне необходимо было подготовиться к всевозможным допросам… а беспорядок и сумбур не особенно этому способствовали… но ведь даже после Потопа те, кому удалось уцелеть, все вышли из Ковчега в полном порядке, прилично одетые, каждый со своим маленьким сверточком под мышкой… вот и мы с Лили, Бебером и ребятами тоже постараемся выглядеть прилично… не сомневаюсь, что нам надо быть готовыми ко всему!.. ах, неплохо бы мне снова начать шевелить мозгами! но черт возьми, это не так-то просто!..

придется поднапрячься!.. я говорю Лили: я возьму тебя под руку и оставлю себе только одну трость — с двумя я слишком похож на калеку… а тем временем, мы продолжаем двигаться… едем… нас немного потряхивает, но не слишком… небо чистое, голубое, даже дымки нет… можно лечь на спину и следить за самолетами… или любоваться окрестностями… этой желтой равниной… лучше мне не делать резких движений… я все еще чувствую себя немного оглушенным… впрочем, тут не только равнина, кое-где виднеются фермы и густой кустарник… причем, фермы довольно большие, с высокими крышами… ага, а вот и Шлезвиг, я ведь когда-то приезжал сюда, просто так, из любопытства… нельзя сказать, чтобы в Шлезвиге было много туристов… Леон Блуа[122]… тот вообще здесь ничего не понял… он всегда был горячим поклонником мяса, бифштексов… а Шлезвиг — не самое подходящее место для гурманов… суровый край между двумя морями, так его и надо воспринимать… а этот Блуа постоянно на что-то жаловался, он ведь не был ни в

[122] Примечания: 122

Леон Блуа был женат на датчанке, поэтому жил в Дании с января 1899 по июнь Он приехал туда отчасти по причинам финансового порядка. В своем «Дневнике» (1896–1900) он описывает свое разочарование и неспособность адаптироваться к жизни в Дании.

тюряге, ни на войне, хотя ему бы не помешало там побывать, а то уж больно он напоминает мне современных людишек, всех этих инфантильных обжор, засранцев, сплетников… нет, участь представителей Великой Белой Расы предрешена! с ними мне все ясно! они будут жить на руинах великих зданий прошлого! после Сталинграда повсюду, от Урала до линии Мажино, останутся только гниющие останки… белая раса унижена!.. образованию пришел конец!.. бульвар Сен-Мишель переедет в Гонконг!.. оно и понятно!.. все должны окончательно пожелтеть, ведь таких, черт возьми, и сейчас уже хватает!.. и черных тоже! а о белых будет напоминать только слабый «оттенок на лице»… вот увидите… да!.. так и будет!.. но опять я отвлекся… возраст, знаете ли, да еще и все эти передряги!.. ну так вот, мы у Шлезвига… предместья, город…

— Лили, ты скоро все увидишь… кажется, мы уже близко…

Я даже и себе уже не доверяю… у меня к тому же и зрение нарушено… пусть лучше она посмотрит… но она не умеет читать по-немецки и может ошибиться… я пытаюсь сосредоточиться… наверное, еще минут пять?.. поезд замедляет ход… черт! я с трудом поворачиваю голову… там! спра-

ва!.. да, там — дома… у меня немного кружится голова… я вглядываюсь… мы все еще продолжаем медленно ехать вперед… потихоньку… а, вот и одна… даже целых две вывески… Schleswig!.. приехали!.. неровный перрон… а дальше — вокзал… штатских не видно… только несколько военных, фрицев… они в нашу сторону даже не смотрят, наверное, уже привыкли… бум! бум! но мы не останавливаемся… проезжаем мимо… ну и ладно… я снова ложусь…

— Лили, послушай!..

— Что такое?

Я ей объясняю… сейчас будет Фленсбург, в то время это название еще не было так известно[123]… я был в этом уверен… хотя, впрочем, и не совсем… Дания расположена в самой верхней части Европы и своими очертаниями напоминает лебединую голову… сейчас мы проезжаем через Шлезвиг, как раз там, где шея… а на границе шея заканчивается… там, где Фленсбург…

Что-то в этом роде…

— Таможне нам нечего предъявлять!.. у нас в сумке только Бебер! ни бумаг, ни фотографий не

[123] Примечания: 123

Намек на то, что именно во Фленсбурге через два месяца после того, как там проезжал Селин, адмирал Дениц возглавил последнее правительство III Рейха. Гитлер тогда уже покончил с собой.

осталось: все сгорело, утрачено! а ребята, те вообще говорить не умеют и ничего не соображают!..

Однако я чувствую, что так просто нам проскочить не удастся, и с духом я так и не смог собраться, точнее, с тем, что от него осталось… правда видений в небе я больше не вижу! ни самолетов, ни локомотивов!.. там даже ничего не рокочет… сейчас начало мая, весна… видимость превосходная… если бы они захотели, то от нас бы просто ничего не осталось, и от этих вагонов с металлоломом тоже… но я вам повторяю, они и не собирались разрушать ни эти пути… ни стрелки… ни мосты… их интересовали только субмарины, которые мы видели на канале… они уничтожали все вокруг, но при этом ни на секунду не забывали о собственной выгоде!.. вот я, к примеру, собственными глазами видел, как они бомбили завод Рено в Бийянкуре… настоящий водопад бомбардировок, казалось, что весь Париж уже в огне, пламя полыхает от Холма до Сюрен… я был уверен: ну все, Рено пришел конец! камня на камне не останется!.. черта с два! они даже ничего не повредили, и уже на следующий день завод спокойно продолжал свою работу! выпускал танки, грузовики и даже пушки! без каких-либо перебоев! так что меня нисколько не

удивляют рассказы о том, как ракеты упали на Нью-Йорк, но не разрушили там даже ни одной drugstore[124], business as usual[125]... можете мне поверить, настоящие могущественные супергиганты, вне всякого сомнения, понимают друг друга с полуслова, они предусмотрительны, как старые девы, и стремительны как член тропической мухи, которая мгновенно кидается вперед и трахает всех, кто попадется: правительства, пастырей, монашек... будущее за ними! они ни перед чем не остановятся! а если до вас это еще не дошло... то сидите и молчите в тряпку!

Не так-то просто вам объяснить, что не стоит доверять видимости... и здесь в Бошии я повсюду видел заводы, работавшие на полную катушку, а ведь, казалось бы, их должны были разрушить до основания... как вообще отличить то, что вам кажется, от того, что есть на самом деле? какие бездны могут разверзнуться перед вами! но там перед нами никаких бездн не разверзлось... на соседних путях я видел такие же, как и наша, но прицепленные к другим локомотивам платформы, которые тоже были нагружены всякими

---

[124] Примечания: 124
Аптека (*англ.*)

[125] Примечания: 125
Дела идут как обычно (*англ.*)

железками, динамо-машинами и прожекторами различных видов… судя по всему, мы, действительно, подъезжаем к этой поганой границе… да, так и есть!.. ни одного объявления!.. но я уверен, что это Фленсбург, бум!.. бум!.. не очень громко… а сколько людей!.. полно железнодорожников, мужчин, женщин… и все они, очевидно, занимаются здесь на вокзале спекуляцией… все мужчины — железнодорожники в военной форме… а женщины в основном в рабочих халатах… я вам так подробно все описываю, чтобы вы не подумали, будто я что-то выдумываю… тут выскакивает какой-то наглый здоровяк и набрасывается на нас… «raus!.. raus!.. выходите»… орет он нам… «Wartesaal! Wartesaal! в зал ожидания!»… само собой!.. этот хам в каске с пикой, а на шее у него табличка… Feldgendarmerie… ну, это мы уже проходили!.. он явился, чтобы на нас наорать… остается только повиноваться… но не так быстро!.. так!.. спускаемся на камни, на насыпь… вся эта суматоха сбивает с толку, однако не стоит слишком зацикливаться на своих ощущениях, нужно собраться и внимательно следить за происходящим! уверен, что именно во Фленсбурге они отделяют тех, кто поедет дальше, от тех, кому придется возвращаться назад… и где это проис-

ходит?.. скорее всего, в Wartesaal… таможне нам нечего предъявить… а вот полиции? бумаги-то у нас есть, их хватает… но какие им показать?.. так, ладно, нужно собраться с мыслями!.. орел или решка!.. придется положиться на случай — орел или решка — потому что времени для размышлений у нас не остается… нас проталкивают вперед… ну вот мы и в подземелье, точнее даже, в пещере под вокзалом… однако я все же успел прочитать: Фленсбург… до чего же я не люблю вокзалы!.. а ущелья и пещеры — тем более… знаете, даже теперь ни за какие в мире блага вы бы не заставили меня сесть в метро или пойти в кино… мне вполне хватило моего пребывания в тюрьме, и вообще… если же вас приглашают пройти в подземелье, значит, ничего хорошего не ждите… стоит вам там оказаться, вы перестаете что-либо соображать… к кино это тоже относится… это те же катакомбы… конечно, встречаются и такие извращенцы, которым там нравится… ведь даже на каторге попадаются добровольцы… человек ведь — существо непредсказуемое, одному подавай цветы, а другому и навоз сгодится!.. сойдет! и еще очередь выстроится!

Нам придется остаться в зале ожидания… кроме таможни и полиции, я замечаю здесь кучу

людей в форме, лежащих прямо на плиточном полу… глаза уже привыкли… с высоты от огромной люстры струится даже не свет, а какое-то голубоватое свечение… даже непонятно, умерли эти люди… или же просто спят… удивительно, но вынужден констатировать, что нас запихивали в эти залы ожидания уже раз десять… в Оддорте-то хоть было ясно, зачем, а здесь, думаю, причина все же другая… не представляю себе, чтобы они решились разрушить Фленсбург, особенно вокзал, самый важный стратегический пункт Дании, я бы даже сказал, самый главный… ну вот, я вам все и объяснил… а дальше что?.. нам остается только последовать примеру остальных и лечь… мы проделали нелегкий путь! мы заслужили это право, к тому же, нам никто не мешает… мертвые они тут все или нет… мне все же кажется, они храпят… правда не очень громко… мы по-прежнему в окружении ребят, они, конечно, ужасные слюнявые идиоты, но привязчивые… по-моему, даже эти переезды пошли им на пользу… сколько их? я так и не выяснил… ладно, сосчитаем их позже… мне вообще казалось чудом, что нам, в нашем-то состоянии, удалось добраться до этой границы… я имею в виду все эти переезды, остановки и зигзаги!.. а уж о том, сколько раз мы

могли попасть под обстрел, и говорить нечего!.. а сколько людей мы потеряли… вернее, это они сами нас покинули… Харрас… Ля Вига… Ретиф… Фелипе… еще бы!.. нам они не доверяли… ушли, ну и ладно, я их понимаю, я и сам никому не доверяю… еще в Баден-Бадене меня предупреждали: не стоит вам ехать в Данию… там еще хуже, чем во Франции, условия еще более тяжелые… но мы все равно здесь и собираемся туда переправиться… так надо! Landsman Bank… там мои бабки, мое доверенное лицо… если у меня, конечно, их еще не сперли!.. боши, я слышал, все конфискуют, включая сейфы… датчане, без сомнения, тоже… а ключ от сейфа у моих знакомых… друзья и родственники всегда рады попользоваться… к тому же, родственники имеют на это право… я уже с этим сталкивался… надеюсь, нас все же пропустят!.. Лили тоже так думает… не могу сказать, чтобы мы плохо себя чувствовали… когда меня не трогают, я всегда чувствую себя гораздо лучше… хотя вот уже примерно три недели мы с ребятами болтаемся по рельсам… с одного поезда на другой… туннели, платформы… и только теперь впервые добрались до Halt! начиная с самого Баден-Бадена я только и слышу вопли… ну-ка, прыгайте! ригодон!.. зиг-заг! мы вполне могли

бы тоже начать пускать слюни… совсем как эти ребята!.. неплохо они устроились!.. эти приютские сиротки! теперь нам от них не отделаться! по правде говоря, нам так и не удалось заснуть… еще и это голубоватое свечение… те, кто лежат на полу, нам совсем не мешают, не знаю, живы они или нет, но они даже не шевелятся… сколько же их тут?.. думаю, сотни… военные… штатские… женщины и мужчины… детей совсем немного… правда теперь тут еще и наши… боюсь, что здесь никогда не бывает светло… постепенно меня начинает клонить в сон… я задремал… это сон или что-то вроде легкого обморока… но мне же нельзя расслабляться, господи боже мой!.. моя голова должна оставаться совершенно ясной, несмотря на этот голубой свет!.. к счастью, здесь нет неба, поэтому бредовых видений с локомотивами у меня тут быть не должно… я стараюсь держаться… надо приготовиться к тому, что будет! проходит примерно час… или два… конечно, я устал, но сжимаю волю в кулак… никогда я не давал себе ни малейшей поблажки и никогда не дам… да другие, думаю, не станут со мной церемониться!.. вокруг ведь одна подлость… а вообще-то, я собой доволен… мне не в чем себя упрекнуть… однако хватит публичных заявлений… наше

положение было весьма серьезным, мы ожидали таможенного досмотра… может, это ожидание в подвале входило в программу?.. без питья и еды в голубом свете?.. бесконечное ожидание, можно сказать… но нет!.. не совсем бесконечное!.. вот и жандарм в качестве доказательства! и не простой, а Feldgendarme… он спотыкается… должно быть, только что проснулся… а может, пьян?.. «поезд на Копенгаген!.. паспорта!..» — орет он… по-немецки… хриплый лай!.. кое-кто встает… четверо… пятеро военных… остальные не двигаются, остаются лежать… я так и не понял, кто это такие… раненые?.. или же спящие? а может, просто лежат?.. мы постоянно оказываемся в этих залах ожидания, но так ни разу и не смогли понять: спят люди, что лежат вокруг на полу, или дело обстоит гораздо хуже… а с другой стороны, какое это имеет значение… как бы там ни было, а мы с нашими ребятами следуем за жандармом… они уже проснулись… для них это как экскурсия, которая все продолжается… они пускают слюни и ничего не говорят, но им весело… они падают, снова встают… хнычут и смеются… эти абсолютные кретины просто неподражаемы… жандарм выводит нас из этого подвала… совершенно очевидно, что на улице уже рассвело… вот и замечательно!..

тут есть перрон!.. и не один, а целых два!.. вокруг полно стрелок, есть, на что посмотреть… мы просто ослеплены… должно быть, уже пять… или шесть часов утра… не стоит обращать внимания на усталость, нужно сосредоточиться и приготовиться ко всему… боже мой… жандарм уводит пятерых военных, которые были с нами… а нам с Лили и с ребятами он приказывает подождать, он сейчас вернется, а пока мы можем прилечь на эти мешки… тут полно пустых мешков, целые кучи… конечно, мы не против, однако нам необходимо все обдумать!.. ведь сейчас наступает самый ответственный момент!.. что мы будем им говорить, отвечать?.. какого хрена мы вообще здесь делаем?.. и чего нам надо?.. откуда мы притащились с этими детьми? уверен, нас об этом спросят… и куда мы направляемся?.. а кто нас будет спрашивать?.. боши?.. датчане?.. пока что здесь никого нет… наверное, они в своих будках… тут граница, сомнений нет, это всюду написано… Grenze… и Flensburg… на маленьких табличках… и на больших вывесках… и датский флаг, точнее даже, знамя, красное с белым крестом… сейчас они отправят нас обратно или упрячут в тюрьму… нам необходимо все хорошенько обдумать…

— Лили, детка моя, неважно, как, но мы долж-

ны пройти!

Она со мной совершенно согласна… теперь я вижу, что на этих путях мы не одни… здесь полно народу… наверняка, все они тоже ждут поезда… или поездов, я не знаю… уверен, что и сейчас, тридцать лет спустя, на этих платформах по-прежнему полно людей, но уже совершенно других… туда отовсюду съезжаются люди, туристы, чтобы просто поглазеть на это место… а я вот раз и навсегда излечился от тяги к путешествиям… думаю, и Лили тоже… кстати, как потом выяснилось, с этой границы и Фленсбурга все только начиналось… так вот, продолжим наше повествование… после всего, что я видел, меня уже трудно было чем-либо испугать, однако малейшая оплошность в тех обстоятельствах, особенно в присутствии этого скотоподобного жандарма — а я таких типов знаю — могла стоить нам жизни!.. так что сами видите, мы держались мужественно, и это несмотря на то, что мы уже давно не отдыхали, ни секунды, причем в течение нескольких месяцев… каждый, наверное, думает, что он вел бы себя точно так же!.. возможно… не мне об этом судить! мое дело рассказывать…

И вдруг меня осенило!.. внезапно!.. у меня же есть нарукавная повязка!.. а я и забыл! я даже

подпрыгнул!.. она у меня в кармане! я роюсь в нем… вот она!.. конечно, вся грязная, засаленная, но самая что ни на есть настоящая… *Силы самообороны Безона*… красный крест, печати, все, как положено… я надеваю ее на руку и говорю Лили:

— Запомни!.. у нас нет ни бумаг, ни паспортов, ничего нет!.. осталась только моя повязка!

— Хорошо, Луи!

— Слушай дальше!

Впрочем, слушать пока больше нечего, лучше оглядеться по сторонам!.. и тут! все люди вдруг резко зашевелились… я уже сказал вам, что на вокзале во Фленсбурге было по меньшей мере двадцать путей… и вдруг все они заполнились людьми… наверняка, все эти люди собирались куда-то ехать… я же, совершенно обессиленный, сидел на мешках, и понятия не имел, куда они все едут… так, я встаю на ноги, делаю над собой усилие… ага, все ясно!.. их там не меньше сотни, и все они вцепились в один вагон, хотя это я так просто сказал: сотня, а вполне возможно, что и тысяча… женщины, мужчины, ребятня… военные, штатские… все пытаются туда влезть, но это невозможно… все двери заперты… а вагон там, кстати, не один… четыре… даже пять… целый поезд… о, все понятно, наконец-то до меня до-

шло! это поезд «Красного Креста»… на нем полно маленьких флажков… «Красный Крест»… и еще здоровенные плакаты!.. будь я в нормальном состоянии, то давно бы их заметил… ко всему прочему, он еще весь раскрашен в разные цвета, все вагоны… в небесно-голубой и желтый… весь этот поезд от начала и до конца… небесно-голубой и желтый… еще одно усилие, и я понимаю: это поезд шведского Красного Креста, который возвращается в Швецию через Фленсбург… ясно, что его будут осаждать!.. пытаются взять его штурмом… черт побери! но кажется, он уже заполнен до отказа… у окон, наверное, сотни женщин с детьми, и еще санитарки… весь этот поезд забит детьми… правда я в некотором роде тоже принадлежу к «Красному Кресту»! это доказывает моя повязка!.. и со мной целая орава детей! к тому же, дефективных!.. этот чертов поезд нас бы вполне устроил… он-то точно пересечет границу, причем безо всяких таможенных досмотров! поэтому все кругом так и возбудились, поэтому так и лезут в него со своим барахлом!.. говорю вам, их тут сотня или даже тысяча!.. я ничего не преувеличиваю… мирные обыватели и солдатня… есть даже наши французские вояки, наверное, из лагерей или с заводов… и тоже намылились в Швецию…

я интересуюсь у одного, который вскарабкался на гармошку между вагонами… какого хрена здесь делает этот поезд?.. это шведские дети и их матери возвращаются на родину из Германии… так это шведский Красный Крест!.. эге!.. какое удачное совпадение!.. вот и наши детишки, кстати, тоже все шведы!.. лично я в этом не сомневался!.. и готов поклясться!.. это же все меняет!.. они-то никак не смогут утверждать обратное! неплохая идея!.. может, конечно, я уже впал в маразм и превратился в старую рухлядь, но нужные мысли всегда приходят ко мне вовремя!.. я никогда не торможу и всегда схватываю все молниеносно!.. и Лили меня поняла… сразу же… это необходимо!.. нужно срочно найти какого-нибудь чиновника! лучше всего офицера!.. и все ему объяснить! наверняка здесь всем заправляет какой-нибудь офицер! в этом долбанном Красном Кресте!.. с нами ведь куча шведских детей, и он обязательно должен их забрать!.. спасти! потому что мы им помочь уже не в состоянии!.. Красный Крест появился как раз вовремя!.. мы едем из Берлина… а эти сопливые босоногие дети потеряли своих отцов и матерей… во время ужасных бомбардировок… но они же все шведы!.. абсолютно все!.. просто они не умеют говорить и ничего не понимают, а толь-

ко пускают слюни… вот и все… они и ходят-то с трудом… раньше у меня были все бумаги, подтверждающие этот факт, но в Ганновере во время фосфорной бомбардировки мы их лишились… а остальное потеряли, когда переезжали через канал… никто не посмеет нам возразить… эти шведские дети пережили страшное потрясение, потеряли своих отцов и матерей… и теперь и мы, и они, остались буквально без куска хлеба, без молока, без документов… Лили не против… но к кому обратиться?.. однако, насколько я вижу, этот шведский поезд не собирается тут останавливаться… он сильно замедляет свой ход, но двигается вперед… продолжает ехать… вокруг полно людей, которые гроздьями виснут на его дверцах и буферах… пожалуй, я здорово облажался… и вел себя, как круглый дурак… а вот Лили — нет… судите сами: я и глазом моргнуть не успел!.. а она уже прыгнула под поезд… да! бросилась туда, вниз!.. да еще с какими воплями!.. а она же никогда не кричит… ее что, раздавило?.. просто невероятно! она же всегда была такой тихоней! я встаю на колени, ползу туда… проталкиваюсь через это столпотворение, проползаю… и зову ее: Лили! Лили!.. конечно, она не слышит, ведь кругом все так орут!.. о, наконец-то я вновь обрел

способность действовать!.. постепенно до меня начинает доходить! я врубаюсь!.. «Лили! Лили!»... этот шведский поезд останавливается... и выпускает пар... да еще как: пчухх! пчухх — должно быть, кто-то сорвал стоп-кран... а что же с Лили?.. сейчас узнаем! узнаем!.. «Лили! Лили!»... она по-прежнему кричит откуда-то снизу... я подползаю и вижу ее... она перелезла через рельсы... нет! она — под вагоном и лежит между двумя рельсами, на камнях... «сюда!.. сюда... сюда!..» это она!.. «Лили! Лили!»... она все еще кричит... но нельзя сказать, чтобы это были душераздирающие крики... для меня это очевидно... да, каких только криков мне не приходилось слышать... она просто жалобно зовет меня... да что же с ней случилось... придется и мне тоже залезть под этот вагон... я перелезаю через рельсу!.. а вот и она! лежит рядом с колесом... кажется, она не ранена... конечно, она очень-очень худенькая... и все же, это настоящее чудо, что ей удалось проскочить между двумя движущимися колесами... безусловно, поезд ехал очень медленно, но тем не менее, можете себе это представить... столпившиеся вокруг люди продолжают вопить... я тоже от них не отстаю, все хотят видеть, что там под вагоном: разрезало Лили на куски или нет... как бы там ни было, но

своими криками они остановили поезд!.. и клак! клак! одна дверь вдруг открывается!.. вон в том вагоне!.. ну наконец-то!.. из дверей высовывается какой-то офицер в очках, должно быть, решил посмотреть… у! у!.. какой тут поднимается гвалт!.. как тут все сразу заорал, заблеяли! и сразу же набросились на него с вопросами… о, а он совершенно спокоен и невозмутим… судя по всему, это шведский офицер… или даже начальник поезда… во всяком случае, он из «Красного Креста»… у него такая же повязка, как у меня… правда у него она гораздо чище… я встаю на колени, потом — на четвереньки, и так подползаю к этой двери… это недалеко… два… три метра… можно сказать, что решимость снова вернулась ко мне, и вовремя!.. я понимал, что это наш последний шанс!.. а размышлять будем позже!.. это можно сделать и сейчас, спустя тридцать лет… таким образом, я очутился тогда перед этим офицером «Красного Креста»… перед? не совсем!.. точнее даже, под ним! я же стоял на четвереньках, на камнях у подножки… а он на ней… возвышался над этой толпой крикунов… а мне и орать не надо!.. само собой, я стараюсь говорить громко, но не слишком… так, чтобы он меня слышал!.. по-французски… по-английски!.. все про нас!.. чтобы

он знал!.. чтобы понял! что я врач французского «Красного Креста»… а моя жена — санитарка, и она там, под поездом! это она кричит!.. «вы же слышите!..» а с нами шестнадцать детей, и все они шведы!.. из Бреслау!.. у них больше нет родителей!.. их родители погибли, сгорели!.. во время бомбардировок!.. главным образом, от фосфора! эти дети не говорят ни на одном языке… так как в результате этого потрясения лишились дара речи… они же остались без родителей!.. и многие дети тоже сгорели или умерли, а уцелели только эти шестнадцать, что теперь с нами…

И вот после того, как я изложил ему все это по-французски, а потом по-английски, он ко мне повернулся… и тоже ответил мне на двух языках… он решил, что я специально выбрал такой стиль… и все те, что орали вокруг, тоже вдруг примолкли, когда услышали английскую и французскую речь… стали прислушиваться…

— А чем вы занимались в Германии?

— Я был пленным, врачом в лагере…

— И эти дети — все шведы?

— Конечно!.. их документы у нас хранились вместе с нашими… с документами моей жены… и моими… но все сгорело на вокзале в Гамбурге!.. одежда, сумки, бумажники! у нас больше ничего

не осталось!

Но кто он все же такой? этого он мне еще не сказал… чиновник, сопровождающий поезд?.. капитан?

Ну наконец-то! он мне отвечает… врач Красного Креста… и я тоже! «Самооборона» Безона… моя повязка это подтверждает!.. он сам может взглянуть!.. он смотрит… повязка вся черная засаленная, но настоящая, со штампами и всем остальным!.. но его интересует еще кое-что! где это я так хорошо выучил английский?.. в Лондоне, в госпитале на Майл Энд Роад… в Лиге Наций в Женеве, и еще в Америке, в Рокфеллеровском фонде[126]… э, да у нас много общего…

— Где же дети?

Да они все здесь, в этой толпе… копошатся где-то среди ног… их не видно, но уверен, что они появятся, стоит моей жене их позвать… они не умеют говорить, но ее они слушаются, почти беспрекословно… а как же Лили? я заглядываю под вагон… она в порядке, но уже с другой стороны рельсов… «Бебер!.. Бебер!..»… он убежал!.. и все те,

---

[126] Примечания: 126

Селин был сотрудником Лиги Наций с начала 1925 по декабрь 1927 года. Он являлся помощником доктора Райхмана, секретаря отделения Гигиены в Лиге Наций. Что касается Рокфеллеровского фонда, то Селин, действительно, был связан с этой организацией, правда не в Америке, а во Франции в 1918–1919 гг.

кто сгрудился вокруг и ползает под поездом, тоже начинают его звать «Бебер!.. Бебер!..» нашли себе развлечение… а чертов котяра воспользовался ситуацией… вот уже восемь дней, как он не имел возможности побегать, мы ведь не выпускали его с самого канала… а для него прогулки — это самое большое удовольствие… можно даже сказать, что он был настоящим натуралистом, любителем всевозможных ароматов, знатоком трав и растений… впрочем, все же это был городской кот, его ведь даже купили в большом магазине, в специальном кошачьем отделе… но если уж он отправился на насыпь, поймать его будет не так просто… оставалось надеяться на Лили… больше не на кого… а этот офицер Красного Креста оказался не таким уж и строгим, я это сразу почувствовал… кажется, он нам даже сочувствует… возможно, еще и потому, что я говорил по-английски…

— А сколько у вас детей?

— Не могу вам точно сказать… некоторых мы потеряли в дороге… двух… или трех мы оставили в Ганновере… и еще, кажется, на канале… должно быть, их где-то около семнадцати…

Теперь мы могли поговорить спокойно… все оравшие люди теперь находились с другой сторо-

ны поезда, где вместе с Лили обследовали кусты… уверен, она одна поймала бы Бебера гораздо скорее… этот швед тоже так думал… наконец он спросил меня: ну так где же ваши… семнадцать детей?.. сейчас Лили их сюда приведет… должно быть, они тоже на той стороне…

— Они все шведы?..

Ему нужно мое подтверждение:

— Конечно!

— А сколько им лет?

— Пятерым — по восемь… вы сами увидите…

— И их родители умерли?

— Похоже, что да…

Вижу, этот скандинав вошел в наше положение… он прекрасно понимает, что все, что я ему тут рассказываю, возможно, просто подогнано под обстоятельства… и эти дети, скорее всего, никакие не шведы… однако в настоящий момент нам просто необходимо, чтобы этот поезд нас отсюда забрал, иначе наше положение станет совсем незавидным… и незавидным — это еще мягко сказано…

— Но учтите, этот поезд считается «особым»… он зарезервирован специально для шведских детей с матерями, которые возвращаются на родину… вы меня понимаете?

О, еще как понимаю! но лучше мне промолчать, и я молчу… тут как раз и Лили возвращается, цела и здорова… обратно она уже не полезла под вагоном… а прошла по насыпи… вместе с нашими дефективными детишками… они все возились там в кустах с Бебером… вот почему я их не видел…

— There! There they are![127]

Шведский офицер их пересчитывает… оказывается, их не семнадцать, а восемнадцать!.. по правде говоря, я их ни разу не считал… сейчас он их внесет… в свой список…

— А имен у них нет?.. это девочки?.. или мальчики?

— We have never known… мы этого так и не поняли…

Это чистая правда! главное, чтобы он их посадил… он открывает дверь одного вагона… да уж, закрыта она на совесть!.. на ключ… и еще на огромный замок… клиньдиклак!.. только вокруг снова начинает расти толпа, а эти ребята все не залезают, точнее, просто не могут… мы их подсаживаем… приходят санитарки и забирают их у нас… заботливо уводят одного за другим… они

---

[127] Примечания: 127
Вот! Вот они! (*англ.*)

пытаются с ними говорить… а те в ответ пускают слюни и смеются… мы смотрим им вслед… и мысленно с ними прощаемся… а нам с Лили нужно немедленно отправиться в хвост… туда, где кухня… мы следуем за этим офицером «Красного Креста»… сначала по одному… потом по второму коридору… там нас встречает очень приветливая полная дама… очень улыбчивая… она тут хозяйка… она предлагает нам все… все, что тут есть… какие сандвичи!.. рыба!.. колбаса!.. ломти мяса!.. три больших стола… с холодными и горячими блюдами… салаты, сласти… ах, чего тут только нет!.. и каши всех видов, даже с тапиокой… макароны, маис, овсянка!.. настоящий праздник живота!.. и наверняка, это безумное количество жратвы не из Германии… они привезли все это с собой… должно быть, они там неплохо живут, во всяком случае, с голоду не умирают… толстая кухарка жестом предлагает нам угощаться, не стесняться!.. оп!.. давайте!.. она не говорит ни по-французски, ни по-английски… и она такая любезная и предупредительная, что нам даже как-то неловко стоять здесь перед всем этим изобилием и тупо молчать… но, к счастью, нас спасает Бебер… он как раз в этот момент высунул усы, а потом и всю голову из своей сумочки… он

не прочь что-нибудь съесть… и прямо сейчас!.. к счастью… ладно, хоть они поняли друг друга, и то хорошо! она знает вкусы котов и протягивает ему на ладони целую кучу мясного фарша… он не отказывается… ням! ням! у него хороший аппетит!.. а вот у меня — нет… мне не до того… я просто смотрю… Лили тоже пока только смотрит… это все от усталости!.. мы слишком устали, чтобы вот так, прямо с места в карьер, начинать есть… о, но это пройдет!.. сперва нам нужно отдышаться… наша любезная кухарка не против, она все понимает… сперва мы хотим отдохнуть!.. как угодно!.. отдых!.. отдых!.. там у стенки стоит три стула… хватит стоять!.. она нас усаживает… я спрашиваю у Лили:

— У тебя ничего не болит?.. спать не хочешь?.. или же есть?..

— Нет, Луи!.. нет!.. ничего!.. а ты?

— О, я-то в полном порядке!

Ну вот, можно сказать, все и уладилось… что за убогие настали времена!.. Расин, Эсхилл, Софокл состряпали бы вам трагедии в три или даже четыре акта буквально из ничего… в прежние времена люди дышали полной грудью, купались в грязи, как свиньи, наставляли друг другу рога, постоянно совершали кровосмешения, только

этим и занимались, а какие изощренные убийства они готовили, даже боги исходили слюной от зависти… ну а теперь, даже если вы вознамеритесь стереть с лица земли целый континент… на это уйдет две… от силы три минуты! вот так! стоит ли удивляться, что люди утратили вкус к жизни?.. правда тут, на кухне, среди всего этого невероятного изобилия и роскоши, нам наконец-то некуда было торопиться… интересно, что там сейчас творится снаружи?.. этот «Красный Крест» забрал нас и всех наших ребят… теперь я знаю, что их ровно восемнадцать… и все они внезапно оказались шведами! доброе все-таки сердце у этого «Красного Креста»… не думаю, что он полный идиот… позже мне приходилось попадать в куда более серьезные переделки… и если бы не медицина и не врачи, мне бы из них никогда не выкарабкаться… не случайно ведь в самые критические моменты, когда все вокруг бьются в эпилепсии, во время всевозможных Чисток и Мясорубок, когда всех охватывает Безумие, тяжелее всего приходится именно врачам… и неважно, черные они, желтые или белые… они ведь самые просвещенные, ответственные и трудолюбивые, поэтому с них больше всего и спрашивают…

Однако вернемся на нашу кухню, пока что я

так и не понял: стоим мы у перрона… или уже тронулись… а как там стрелки?.. для того, чтобы их увидеть, мне пришлось бы встать, так как этот «Красный Крест» усадил нас на кухне у самой дальней стенки… для того, чтобы нас никто не видел… а снаружи опять доносились вопли… естественно, такую орду угомонить непросто… кажется, как раз сейчас там все и решается! два хлопка!.. птаф! птаф! можно и не смотреть… это два выстрела из револьвера!.. и так ясно!.. в то же мгновение мы трогаемся! ну наконец-то! да!.. очень медленно… но чухх!.. чухх!.. хорошо!.. а кто это стрелял?.. так я этого никогда и не узнал, даже и не интересовался… главное, что мы в поезде и едем… поезд едет… точнее, медленно перемещается… а вот и санитарка!.. в нашу сторону она даже не смотрит, а берет поднос и накладывает на него еду… полный поднос… потом еще один… сандвичи и салат… она ни с кем не говорит… женщина довольно молодая, и не уродина, но не особенно приветливая… она выходит, наверное, возвращается в вагон… появляется другая санитарка и тоже берет поднос… одеты они почти как наши, на головах что-то вроде чепчиков… всего же, вот так, одна за другой, сюда зашли шесть санитарок, никто из них не проронил ни звука,

а последняя взяла только овсянку… множество мисок… думаю, их предупредили, что на нас лучше не смотреть… ну и ладно! главное, чтобы нас отсюда не выбросили!.. сейчас это было бы очень не кстати, тем более, что поезд уже тронулся… в общем, все не так уж и плохо… не так плохо… но ни в чем нельзя быть уверенным, поэтому я предупреждаю Лили, что спать не стоит… конечно, мы могли там задремать, сидя на стульях, оно и понятно, ведь мы уже давно не досыпали, целые недели, с самого Холма, я бы даже сказал, с 39 года… ведь сирены звучат не только над крышами, есть ведь еще и внутренние сирены, которых никто не слышит, но которые тоже не дают вам заснуть… к тому же и обстановка вокруг не располагала ко сну, приходилось постоянно быть начеку… а поезд все ехал, причем уже довольно быстро… в окно я даже не пытался смотреть, так как по-прежнему сидел в том дальнем углу, куда меня посадили, вместе с Лили и Бебером в сумке… он поел, причем довольно хорошо… кухарка снова жестом предлагает нам поесть… мы можем съесть все, что захотим… а чего там только не было! я вам уже говорил… хавка — что надо, причем все только самое свежее… отборное… Гаргантюа бы здесь развернулся… ну а мы?.. я спрашиваю

Лили… нет, она не голодна, совсем не голодна… я тоже… мне достаточно того, что мы едем и нас не высадили… на кухню периодически продолжают заходить санитарки… они уносят полные подносы с тарелками и мисками… наверняка, они нас заметили, хотя мы и сидим неподвижно в тени у задней стенки… просто они на нас не смотрят, вот и все… стрелка на моем компасе указывает, что мы продолжаем двигаться на север… остается надеяться, что там оно и есть! мне знаком этот путь… примерно через два часа, я думаю, мы будем уже в Копенгагене… но тогда нужно будет еще свернуть на восток! обязательно!.. я не хочу, чтобы они заблудились!.. а этот наш «Красный Крест» так и не зашел нас проведать… судя по всему, у этого человека доброе сердце, ведь он вполне мог бы нам и отказать, с нашими недоносками… наверняка он обо всем догадался… к счастью, и я привык держать язык за зубами, можно сказать, я прошел хорошую школу, где меня научили быть сдержанным, по моим книгам, правда, этого не скажешь, но я — сама скромность… представьте себе, вы знакомитесь с какими-то людьми, потом встречаетесь с ними через тридцать лет, но при встрече оказывается, что они настолько изменились, так обрюзгли, распухли, что говорить с

ними уже совершенно не о чем… поневоле привыкнешь быть сдержанным…

Но я опять вас запутал!.. мы же, кажется, сидели в углу, помните?.. на этих стульях… а вагон-кухня все ехал… ехал… ах, вот и наш «Красный Крест»! появляется из коридора… он жестом показывает мне оставаться на месте… проходит между двумя столами… и спрашивает нас:

— Вы что, совсем ничего не ели?

— Позже!.. позже!..

А прежде всего мне бы хотелось точно знать, куда везет нас этот поезд… и где мы должны выйти?..

— Да где захотите!

Ну я-то прекрасно знаю, что мне нужно в Копенгаген!..

— Пожалуйста! пожалуйста!

А может, в Швецию?.. не стоит! туда мне не надо… а вот Копенгаген — это да! в самый раз!.. Копенгаген примерно в трех часах езды… о, превосходно! ничего не имею против!.. в Копенгагене у меня есть друзья… они нас ждут!.. у меня даже есть их адреса… я называю их ему… Staegers Allee, Ved Stranden… и еще Landsman Bank… мой банк…

Однако, как я вижу, ему лучше ничего не рассказывать! Судя по всему, его это совершенно не

интересует… он так и говорит мне: о! о! о!.. его как будто даже пугают эти адреса… и этот банк… и он тут же спешит нас предупредить!

— Beware!.. будьте осторожны!.. в Копенгагене все настроены крайне анти-немецки! как и повсюду в Дании!.. хуже, чем в Швеции!.. и никому не говорите, что вы были связаны с нацистами! никогда! даже не заикайтесь!.. вы бежали от этого хаоса, вот и все! в поезде из Фленсбурга… в Гамбурге — хаос! бомбы! с вами были шведские дети!.. в хаосе! вы их подобрали! они потерялись! вы меня поняли?

— Certainly!.. certainly![128]

Нет никакого смысла с ним спорить!.. само собой, я постараюсь не совершать ошибок!.. короче, нам еще целых три часа трястись в этой кухне… мы сидим тихо… не хочется привлекать к себе внимание… а вот Бебер проголодался и высовывает свою голову из сумки… кухарка предлагает ему риет… ням! ням!.. он набрасывается на него… воздает должное… кстати, мой предусмотрительный коллега оставил тут нам на табуретке кое-какой прикид… для меня — мужское пальто, которое я тут же на себя натягиваю… шикарное пальто

---

[128] Примечания: 128
Конечно! (*англ.*)

и совсем новое… а для Лили — шинель, в каких ходят санитарки, кажется, даже с подкладкой из каракуля… роскошь!.. надеюсь, прикрыв таким образом свои лохмотья, мы обрели теперь вполне приличный вид… ну а я тем временем продолжаю бодрствовать и размышлять, обдумывать план наших действий… так значит, эти датчане — опасные маньяки… но боже мой, черт бы их побрал, мы и не таких видали!.. тем не менее, лучше знать заранее… нужно сказать, что я и раньше немного знал Копенгаген, но конечно, теперь я изучил его гораздо лучше… уверен, теперь я знаю его даже лучше, чем его Превосходительство Посол[129], который, кажется, окончательно свихнулся от верительных грамот, своего иммунитета и обилия птифуров…

— Лили, не волнуйся… поезд ведь идет вперед… Я замечаю, что Лили чем-то обеспокоена… она не уверена, что нас там хорошо примут… хотя я теперь и в приличном пальто, а у нее подкладка из каракуля… а вот я, напротив, ощущаю прилив оптимизма… впрочем, какой уж там прилив… просто меня успокаивает мой компас! все точно, мы только что изменили направление ровно

[129] Примечания: 129

Селин имеет в виду посла, который в декабре 1945 года спровоцировал его арест в Копенгагене.

на девяносто градусов!.. едем на восток!.. теперь на восток!.. Копенгаген примерно километрах в трехстах… думаю, так… что-то в этом роде… нам предстоит еще пересечь два пролива… Малый Бельт… через Малый Бельт — по мосту… а Большой Бельт — на пароме… ну а поезд все идет себе, спокойно, ровно, словом, совсем, как до 39 года… посмотрим, что будет ближе к Малому Бельту… там, вероятно, опасность возрастет… вполне возможно…

* * *

Вынужден признаться, что Малый Бельт, этот пролив и мост мы, кажется, даже не заметили… вероятно, мы пребывали в таком оглушенном состоянии, что вообще мало что замечали… к тому же, и поезд нас убаюкивал, это же вам не американские горки… конечно, и тут тоже что-то взрывали, и бомбы сбрасывали, наверняка… нам об этом рассказывали… но такое невозможно было даже себе представить, сидя в этом поезде, который плавно и равномерно двигался вперед, без сучка и задоринки… я даже не шевелился, Лили тоже… наверное, можно было подумать, что мы заснули… о, но лично я бы даже не назвал это полусном… мы просто так, застыв в неподвиж-

ности, отдыхали, нам это было необходимо… если вы вынуждены постоянно пребывать в подобном специфическом состоянии настороженного ожидания, то можно сказать, вся ваша жизнь начинает искажаться, и вам очень сложно сохранить присущую вам от природы утонченность, она просто исчезает! все огрубляется… поэтому посредственность всюду и торжествует! людям ведь ничего другого и не надо! попробуйте создать что-нибудь в подобных условиях… а именно такие жизненные условия и установились теперь повсюду: в семинариях, психушках, бистро, на принудительных работах!.. не сомневаюсь, что, если бы не алкоголь! жизнь стала бы совершенно невыносимой!.. поэтому и то, что я вам рассказываю, вряд ли способно кого-нибудь заинтересовать… впрочем, в моем контракте с Ахиллом это никак не оговорено! я просто должен вам рассказывать, и все! так вот, мы продолжаем ехать на довольно большой скорости… все-таки, надо бы мне выгляну наружу, поднять жалюзи… кухарка не будет возражать… все равно, у Большого Бельта нам придется открыть глаза… там ведь не мост, а паром… поезд въезжает на него и переправляется на другой берег, а я вам уже говорил, что знаю, как это происходит… это довольно

спокойный морской пролив… нет, я все-таки выгляну в окно… а к нам пока так никто и не приходил, не интересовался, откуда мы приехали и куда направляемся… тем лучше!.. тем лучше!.. *хоть пы эта протлилась*[130]! по правде говоря, я в это не особенно верил… вот и Нордпорт… наш поезд замедляет ход… сейчас начнется… о, черт, я все-таки посмотрю! да, это здесь… город, вокзал, и нигде ни одной воронки, ничего не разрушено… это производит странное впечатление, даже как-то подозрительно, просто тихий небольшой городок… у вас сразу возникает вопрос: долго ли это еще продлится?

Мы уже много чего повидали!.. судите сами! начиная с Холма!.. ну а вот теперь наконец можно взглянуть и на Данию… как я вам уже сказал, я знаю, что в Большом Бельте обычно спокойно, а море настолько голубое, будто создано специально для туристов… правда сейчас здесь довольно сильная зыбь, отчего на волнах образовался красивый пенный гребень, а чайки вокруг так

---

[130] Примечания: 130

Селин намекает на фразу, которую часто произносила Летиция Бонапарт (175-1836), мать Наполеона Бонапарта. Оставшись одна после смерти мужа с восемью детьми, она сумела воспитать их и поставить на ноги. Когда ее сын стал императором, она очень беспокоилась за будущее, не веря в прочность своего положения. Она часто произносила с корсиканским акцентом фразу (которую Селин здесь и пародирует): «Хорошо бы это подольше продлилось!».

и шныряют туда-сюда… настоящий рекламный плакат — устоять невозможно… хотя эти чайки не только пену клюют… они сразу же бросаются в водовороты возле винтов и, конечно же, к кухонным иллюминаторам, туда, где очистки и объедки из мусорных бачков… которые относит все дальше и дальше… вместе с пеной и зыбью… к самому горизонту, к облакам, ставшим такими огромными и закрывающими все небо… думаю, что у нас еще примерно час… насколько я понимаю, мы должны причалить к берегу там, где Корсор… наберитесь терпения, как-нибудь я вам его еще опишу… а пока наступил самый ответственный момент… мы съезжаем с парома, поезд проходит по настилу, каждый вагон легонько встряхивает… во время переправы через Бельт пассажиров, наверное, сильно продуло… неподалеку я замечаю санитарок, однако нам лучше больше не высовываться!.. скорее обратно на кухню, и в путь!.. до Копенгагена еще километров сто… мы снова сидим на своих стульях в самой глубине вагона-ресторана… а как я вам уже сказал, мы совершенно обессилили, превратились в настоящих сомнамбул… я замечаю, что у Лили уже закрываются глаза… однако особо расслабляться не стоит… и Беберу

лучше не вылезать из сумочки, оставаться у нее на коленях… думаю, что иногда мы все-таки на какое-то время засыпали… после отъезда из Фленсбурга… это происходило помимо нашей воли, незаметно для нас самих, но черт побери, нужно быть повнимательней!.. нельзя доверять этому кажущемуся спокойствию, а я надеюсь, вы понимаете, насколько ненадежным было это воцарившееся вокруг спокойствие… тем не менее, мы продолжали ехать, к тому же еще и со всеми удобствами… как на прогулку!.. хи!.. хи!.. смешно, не так ли?.. нет!.. совсем не смешно!.. ведь с самой улицы Жирардон… с пассажа Шуазель… с Безона и после мы вообще не знали ни минуты покоя… и в Баварии, и в Дании, и в любом другом месте… нас обязательно кто-нибудь доставал… а уж про журналистов я вообще не говорю… эти притащились, чтобы отнимать у меня время, вместе со своими камерами, решили окончательно сбить меня с толку… «о, Мээээтр!», — приперлись со своим фургоном и сотней микрофонов… а потом разбежались, кто куда… надеюсь, они навсегда забудут сюда дорогу… а ведь вокруг абсолютно все только и вопят, требуют крови… все хотят, чтобы мы получили по заслугам… Петьо, Кусто, Ландрю и Вайян уже потирают руки от нетерпения…

некоторые еще и вылупиться толком не успели, какие-то инкубаторские эмбрионы, а тоже — туда же, в поборники справедливости, этим вообще все до лампочки, это прирожденные убийцы, каких еще свет не видывал… впрочем, мы, может, и видели… но хаос — хаосом, а наглость-то какова!.. ведь на меня нападают с момента появления «Путешествия», однако это не мешает сдирать с меня все, что только можно, меня обворовывают все, кому не лень… настоящая орда!.. у меня такое чувство, что все так и жируют за мой счет аж с 33 года, расселись за столом, за моим столом, жрут, обжираются, требуют еще, но признаваться в этом не хотят… я-то, вроде, этих гостей к себе не приглашал, но просто они уверены, что все так и должно быть… более того, в течение всех этих лет, начиная с 33 года, они еще приложили максимум усилий, чтобы меня четвертовали, разрезали на куски, содрали с меня шкуру… но все это мелочи, так как они привыкли считаться только с собой, а меня для них просто не существует!.. отвратительное наглое жулье! все это продолжается аж с 33 года, а я, видите ли, постоянно негодую исключительно потому, что моя писанина вообще ничего не стоит! конечно, я согласен, каждый человек имеет право на свое мнение, ладно, я не

против, однако, я не хочу, чтобы однажды они мне заявили: «этот жалкий придурок вообще никогда ничего из себя не представлял!» ну да ладно! просто стоит мне об этом подумать, как меня бросает в жар от возмущения… прошу меня извинить!.. вернемся в наш поезд, точнее, в наш вагон-ресторан… повторяю: мы катились с таким комфортом, так легко, словно до войны… рельсы даже не ощущались… все было к нашим услугам… мы могли сколько угодно угощаться, толстая кухарка же нам предлагала… возьмите это! то! я бы, пожалуй, не отказался от чашечки кофе, Лили тоже… а Беберу… риет!.. он пробует: ням!.. ням!.. он не стесняется… ладно! все-таки, надо бы мне посмотреть… придется приподнять штору… этот пейзаж мне знаком… фермы, как в Нормандии… вот только пастбищ нет… здесь земля такая скудная, а трава такая чахлая, что скотина никогда не выходит из хлева… и зима длится невыносимо долго, почти круглый год… на все полевые работы остается только два месяца!.. тогда они бросаются на свои жуткие поля и пытаются лихорадочно впихнуть в них сразу все, что только возможно: пшеницу, кормовые культуры, картофель, фасоль… однако больше всего мне нравится результат их упорного труда, у

которого тоже весьма характерный «балтийский вкус»… совершенно пресный… треска, клубника, фасоль, спаржа — одно с полным успехом может заменить другое… все имеет одинаковый «балтийский вкус»… к счастью, я думаю, что где-нибудь через двести тысяч лет волны и ветер вообще все у них отнимут, сотрут с лица земли, унесут, сметут… Данию, Тиволи, тюрьмы, монархию, сельское хозяйство… все эти ужасы… и у меня есть основания так говорить!.. они ведь два года продержали меня в тюряге, совершенно ни за что ни про что, а просто для развлечения… зато я теперь совершенно не чувствую себя обязанным пропагандировать эти места туристам… разные, конечно встречаются разные извращенцы, даже на галерах, к примеру, были такие, кого никто туда не посылал, а просто они сами обожали страдание, им нравилось мучиться под ударами… а взгляните на этих типов в автомобилях, причем самых дорогих, самых изысканных, да они, кажется, только и думают о том, как бы втемяшиться в какое-нибудь дерево, снести платан помощнее… и вот уже все их кишки болтаются на кустах!.. так быстрей же! о, еще быстрей!

Я отклоняюсь, я снова рискую заблудиться, но так уж я устроен, я ведь вообще не уверен, что су-

мею закончить эту книгу… эту великую хронику, где изложены факты и деяния, имевшие значение двадцать… или тридцать лет тому назад… а что же сегодня?.. все люди, подобные мне, уже покинули этот мир, за исключением нескольких жалких недоумков, которые давно перестали что-либо соображать… они брюзжат, трясутся, офигевают от всех этих дебильных газетенок, хотя уж вряд ли способны отличить призовой коньяк от Гаргарина[131], или же стукача Эйхмана[132], от этого чудака Секу[133]… впрочем, жизнь дается нам только раз, и что касается меня, то мне кажется, что моя уже слишком затянулась, я чувствую, как Парки уже подергивают мою ниточку и, видимо, развлекаются… да!.. для них это игрушки! а вы, вероятно, по-прежнему ждете,

---

[131] Примечания: 131

Селин, без сомнения, имеет в виду Гагарина, первого советского космонавта.

[132] Примечания: 132

Эйхман — нацистский преступник, принимавший активное участие в геноциде евреев во время Второй Мировой войны. После войны скрывался в Латинской Америке, откуда был похищен израильскими спецслужбами. Шумный процесс над Эйхманом начался в апреле 1961 года, то есть тогда, когда Селин заканчивал работу над «Ригодоном». В некоторых средствах массовой информации муссировались слухи о том, что сам Эйхман тоже был евреем.

[133] Примечания: 133

Очевидно Селин имеет в виду Секу-Туре, гвинейского лидера, который во время референдума 1958 года о независимости заставил своих

соотечественников проголосовать отрицательно.

когда же я наконец перестану блуждать невесть где и вернусь к последовательному изложению фактов… ах да!.. мы же хотели выпить кофе… а я собирался рискнуть… встать и взглянуть на этот пейзаж… так! сейчас посмотрю… та же равнина… несколько пахарей… ни пожаров… ни развалин… конечно, они в любой момент могут тут появиться, но пока что им везет… железнодорожные пути тоже в полном порядке… поезд скользит легко, как по льду… так мы будем в Копенгагене примерно через час… думаю, офицер «Красного Креста» еще зайдет нас проведать… наверняка… его расположение к нам могло ему дорого обойтись, ведь он же взял нас и наших ребят! ему теперь придется долго объясняться… не сомневаюсь, что все эти высшие чины у них там, в Швеции, порядочные сволочи… «нейтралы», одним словом… и все-таки нам удалось воспользоваться ситуацией… да и наш Красный Крест оказался душкой… но не стоит забывать, что всегда, даже в самых безнадежных ситуациях, у тебя остается шанс, хотя бы совсем маленький и жалкий… еще мальчишкой, в 1910 году, мне пришлось наблюдать наводнение в Аблоне… помню, нужно было просто держаться как можно ближе к берегу, потихоньку скребя веслом по камням, и

тогда вы могли спокойно подняться вверх против течения… а если бы вы вдруг решили рискнуть и выплыть на середину? оп!.. вас бы тут же унесло в Шуази, закрутило бы в водоворотах… а потом — киль вверх!.. и конец!..

Ах, ну ладно!.. ладно!.. ну-ка, глянем еще раз… все та же равнина… может, мы еще остановимся… в Роскилле… это что-то вроде местного Шамбора… Шамбор, только построенный целиком из кирпича[134]!.. в этой стране всегда не хватало камней… и не только камней… всего!.. однако этим ловкачам удается неплохо выкручиваться, вот уже много веков эти тупые рыла содержат своих сутенеров, проституток и их клиентов!.. но мне нужно помнить о вас… наших детишек я уже пристроил… а как же вы? я не должен вас бросать… что вы тогда будете делать?.. не волнуйтесь, я вас не брошу!.. на такой скорости до Роскилле мы доберемся за полчаса… а вот и Роскилле… наш поезд проезжает мимо и даже не свистит… когда мы приедем, будет уже ночь… тем лучше! субъек-

[134] Примечания: 134

Роскилле расположен в 31 км от Копенгагена, это бывшая резиденция королей Дании. Там находится знаменитый средневековый собор, построенный из кирпича. Шамбор — небольшой городок на Луаре, где находится один из самых больших замков, шедевр архитектуры французского ренессанса, строительство которого было начато в 1519 г. для Франциска I.

там, которые не очень хорошо одеты, в темноте удобнее… а должен признаться, мы закутаны в брезент и перевязаны веревками… к счастью, хоть сверху мы теперь прикинуты, и то хорошо… однако при дневном свете все сразу же бросится в глаза… а, ну вот!.. вот!.. поезд замедляет свой ход… и почти сразу же… остановка!.. я говорю «до свиданья»! нашей любезной кухарке… и оп!.. хватаю свои трости — и на перрон!.. передо мной вокзал, точно такой же, как во Франции, в «демилитаризованной зоне», весь в голубых огнях… неужели, и их уже бомбили?.. или же это пока только предосторожность?.. о, ждать нам долго не приходится, к нам тут же кто-то подходит… меня уже засекли… это какой-то офицер из «Красного Креста»… он приближается к нам… «Здравствуйте доктор!.. хорошо добрались?.. а вас, мадам, прошу принять заверения в моем глубочайшем уважении!.. мое почтение!»… судя по акценту… и по оборотам речи… это датчанин… а что на нем за странная форма!.. петлицы на мундире обшиты какими-то болтающимися шнурами… кокетливое украшение в опереточном духе… совершенно не соответствующее ни времени, ни месту… и что он здесь делает?.. кажется, он считает, что мы как раз вовремя… я не собираюсь его переубеждать…

судя по всему, из поезда больше никто не выходит… похоже, он остановился специально ради нас… этот поезд должен следовать дальше, в порт, где их погрузят на корабль и отправят в Мальме… я в курсе… в общем, он остановился здесь только ради нас троих… Лили, меня и Бебера… а наши маленькие кретины неплохо пристроены, думаю, они о нас уже забыли, теперь ведь они шведы… слюнявые, немые, глухие… а я и сегодня, тридцать лет спустя, все еще вспоминаю о них… живы ли они еще, черт побери, должно быть, уже выросли, как-то устроились… вполне возможно, что они уже больше не пускают слюни и все прекрасно слышат, их же могли полностью переделать… это старбеням уже не на что надеяться, не так ли? а у детей все еще впереди… а сколько таких маленьких детей мы пристроили во время своих странствий, и не счесть… начиная с Сартрувиля… кстати, раз уж я вспомнил про Сартрувиль… интересно, что стало с малышкой Стефани? этой крепкой малышке здорово тогда повезло… ей было восемь дней, когда я привез ее в машине скорой помощи в Иссудэн, где случилась драма, о которой она так никогда и не узнала… самолеты снесли там целый квартал, весь дом был охвачен пламенем, а ей в колыбели хоть бы что! мы за-

брали ее, чтобы отвезти в Сартрувиль, в мэрию, она прекрасно себя чувствовала… интересно, что с ней стало теперь?.. ясно, что от тех семнадцати слюнявых инфантильных недоносков никаких известий не получишь, можно и не ждать… хотя допускаю, что теперь они стали олимпийскими чемпионами по лыжам… а может, и по борьбе?.. не смейтесь, дети всегда могут себя как-то проявить, а вот старичье — уже нет… тем временем, мы продолжали стоять на перроне вместе с еще одним «Красным Крестом»… должен признаться, все это казалось мне очень подозрительным… во-первых, откуда он узнал о нашем приезде, кто его предупредил?.. и такая хреновина случалась с нами тут в Германии повсюду, в каких бы труднодоступных и необычных местах мы ни находились, даже в туннелях под лавиной сажи или под водопадами бомб, нам так ни разу и не удалось скрыться от назойливых остготов, которые, едва появившись, сразу же вступали с нами в разговор… вот и здесь, едва ступив на перрон, я натолкнулся на какого-то типа, который жаждал только одного — помочь нам… однако сначала он должен узнать, куда мы направляемся?.. но мне тоже есть, о чем его спросить!.. «а вы что, каждую ночь здесь караулите?»… он это отрицает:

нет!.. но я не очень-то ему верю, наверняка, он лжет… чуть дальше на путях в голубом свете я замечаю две… три бригады дорожных рабочих… они что-то там роют-утрамбовывают… я уже видел нечто подобное в Ульме… и в Ростоке… мне хотелось бы поближе взглянуть на эту стройку, мне интересно, я пытаюсь их рассмотреть!.. их освещает ацетиленовый свет… видно, какие они все худые и как плохо выглядят, они уже не молоды, и лица у них мертвенно-бледные и морщинистые… наверняка, «немцы забирают у них все!»… совсем как в Париже… да, конечно, так оно, скорее всего, и было, но позже, когда фрицы ушли, я смог убедиться в том, что у них, видимо, всегда были такие лица, как у покойников, особенно при 15… 20 градусах ниже нуля… и все они по-прежнему были очень плохо одеты, почти голые… только в тюрьме они и были похожи на людей… я-то это знаю… но достаточно уже философии, не так ли?.. на перроне только мы одни… Лили, я, Бебер… и этот странный «Красный Крест»… он сказал нам, что он датчанин, но он говорит и по-французски, и по-английски… он спрашивает меня, где я собираюсь остановиться… в Копенгагене?.. мы могли бы жить у него, он готов предоставить нам целый этаж… о! ля!

ля! нет! покорно благодарю… «Отель д Англетер»! только туда! и никуда больше! если хочет, может нас проводить!.. у него машина… превосходно!.. всего две минуты… вот и Vesterbrogade!.. да, мы и здесь!.. на этой улице полно магазинов, это что-то вроде улицы Святой Катерины в Бордо… а сразу за ней — Большая Площадь… Konges Ny Tow, словом, тоже как в Бордо… большая провинция… однако нам придется адаптироваться… о такой жизни мы совершенно забыли! не о провинциальной, а просто все улицы тут такие же, как раньше… нормальные тротуары, витрины, никаких развалин, а я-то думал, что подобных декораций мы уже больше никогда не увидим… мы чувствовали себя тут иностранцами, абсолютно не приспособленными к местным условиям… и даже эти, как бы возникшие из прошлого улицы не сулили нам ничего хорошего… ухоженные шоссе, тротуары и витрины… а когда наступит день и здесь появятся люди, будет еще хуже… ну да, там Большая Площадь… Kongers Nytorv с конной статуей короля посередине, кажется, Кристиана I V… на другой стороне — театр… как в Бордо, в том же стиле, но менее удачный… о, впрочем, все-таки получше, чем в Шатле!.. отсюда открывается вид на фарватер, великолепная перспектива, неболь-

шой живописный порт и бросающиеся в глаза злачные заведения, с сутенерами, старыми своднями, находящимися под их опекой мальчиками и девочками, совсем как в былые годы на улице Бутери… причалы для судов дальнего плавания — чуть дальше… само собой, все это расположено в непосредственной близости от отеля и как будто нарочно предназначено для туристов… однако, на мой взгляд, тут все организовано гораздо лучше, чем в Гарлеме или на улице Лапп… уж я-то это знаю… и действительно, я тут успел все досконально изучить, со всех сторон, можно сказать, так как имел прекрасную возможность на протяжении целых двух лет, а не просто одного дня, слушать, как каждое утро на рассвете под высокие своды тюрьмы Vesterfangsel, что в западной части города, после ночной облавы въезжали два-три забитые до отказа машины с сутенерами, проститутками, клиентами, и девочками, лесбиянками и наркоманками, продолжавшими сжимать друг друга в объятиях… о, как с ними там разбирались, я вам даже передать не могу! обрабатывали по полной программе! такие вопли раздавались под этими высоченными сводами, что все вокруг дрожало, а стекла в близлежащих домах едва не трескались… даже те, кто, как и я,

были приговорены к смерти и закованы в цепи, с нетерпением ожидали наступления этого времени, потому что разборки с попавшимися во время облавы и их вопли стали для них единственным развлечением… всегда примерно в три часа…

Kloken tre! этот участок порта называется Ny Hawn, пристанище всех пороков, как раз перед отелем Англетер… вы наверное, думаете: ну, опять его занесло!.. нет!.. я прекрасно помню, что мы находились на вокзале… стояли на перроне с этим опереточным «Красным Крестом»… однако нам следует быть поосторожнее…

— Отель Англетер, если вы не против?

Я мог бы назвать ему и другие адреса… но лучше все-таки не рисковать!.. образно говоря, там, на перроне и началось мое восхождение к залу суда… правда я продвигался очень медленно, ступенька за ступенькой… так, надо подумать… а что я буду делать в отеле Англетер? представляю, как они там все скривятся… хотя, полагаю, я сильно изменился… однако портье меня хорошо знает… не сомневаюсь, они там все «сопротивленцы»… и наверняка нас «сдадут»… сразу же… вот только, кому?.. да кому угодно: дьяволу, королю, посольству, папе!.. и видит бог, мы к подобном уже успели привыкнуть!.. вот если за мной не следят,

если меня не поносят последними словами и не осыпают угрозами, то я даже начинаю чувствовать себя немного не в своей тарелке… однако, со времен «Путешествия» я проделал огромную работу и добился того, что меня все возненавидели, и эта ненависть продолжает расти, таким образом мне удалось достичь такого состояния, когда мне уже ни с кем не нужно быть любезным, кроме разве что Ахилла, с которым я обращаюсь более или менее вежливо… все-таки, он недавно отпраздновал свой столетний юбилей[135]…

Но как бы мне опять вас не потерять! вернемся к нашим датчанам! наверняка вы и сами знаете, что они никогда не воевали, а всегда занимались снабжением, и не более того… как той, так и другой стороны… а потом они просто примазываются к победителю, и дело в шляпе!.. главное — вовремя определиться! тогда все будет в порядке, у них будут и бабки, и слава! и от туристов опять отбою не будет! а тогда мы все же прибыли несколько некстати, слишком рано… между двумя актами… однако надо бы и нам решить, как себя вести!.. это просто необходимо! но как?..

---

[135] Примечания: 135

Ироничный намек на юбилей Гастона Галлимара, с помпой отпразднованный сотрудниками издательства и французской общественностью. Подробнее об этом Селин пишет в «Интервью с профессором Y».

будем изображать туристов, которые счастливы от того, что снова прибыли в Данию!.. а то, что тут на самом деле происходит, нас не касается! мы в полном восторге от всего, особенно от их «Сопротивления», уже отснятого на цветную пленку и откомментированного… отснятого «под дулом автомата»… в самом сердце разъяренной тевтонской орды… конечно, прихваты у них похожи, ну разве что здесь еще более странные, тем более, что все они и являются, в сущности, немцами, возьмите к примеру их короля Кристиана, урожденного Glucksburg, Hesse, Holstein, стопроцентного боша… мне-то довелось посидеть в их тюрьмах, и надо сказать, достаточно долго… и со мной так паршиво там обращались, что порой меня охватывали сомнения, а уж не по приказу ли Гиммлера все это… вы, конечно, не сомневаетесь, что такого быть не могло!.. дело во мне… однако в истории случались вещи и еще более неожиданные, такие, каких вы даже представить себе не в состоянии… но все это мелочи в сравнении с тем, что вам еще предстоит… обратите внимание хотя бы на роман, завязавшийся у вашей белой домработницы с вашим черным почтальоном… у него кровь доминирующая, а у нее — доминируемая!.. так что все уже предрешено!.. а главы государств

могут сколько угодно трепать языками и произносить напыщенные речи, они, собственно, для того и существуют, чтобы толочь воду в ступе! кстати, я мог бы взять и желтого почтальона, это еще более показательно! но об этом наши правители никогда не говорят, они слишком поглощены своей расплывчатой и невнятной болтовней… кровь белых слабее!.. и вот мы уже в Бразилии!.. на Амазонке!.. в Туркестане!.. а вся эта авиация, полеты на Луну — не более, чем дешевый аттракцион, клоунада…

К 2000 году белых вообще не останется, и не стоит этому удивляться… еще бы! я вынужден касаться этой темы вскользь, очень поверхностно… ведь нам надо еще разобраться со своими делишками! вы же знаете, после того кирпича в Ганновере я все время сбиваюсь… хотя потом все же беру себя в руки, просто из чувства долга, чисто автоматически, в общем, почти как на войне… а что такое настоящая война, где все происходит всерьез и неожиданно, я знаю вовсе не из книг… впрочем, все это уже не так важно, так как скоро мы будем вынуждены уступить место либо желтолицым, либо отъявленным расистам из племени балуба, либо представителям феллахов… или же вьетнамским стрелкам, которые

обычно отрезают головы своим противникам… именно они гарантируют вам стабильность банковской системы и возврат к нравственным ценностям… причем все хулиганы сразу же бросятся помогать по хозяйству старикам… ладно!.. пускай! надо бы мне немного успокоиться, а то после того удара в висок в Ганновере со мной постоянно случаются эти приступы смеха… висок… кирпич… я не хочу больше отвлекаться!.. посмеялись и будет…

Мы же с вами уже почти добрались до отеля Англетер… в автомобиле вместе с этим типом… этот тип что-то бормочет… я повторяю, повторяю еще раз: отель Англетер!.. пусть везет нас туда!.. не нужно везти нас в другое место!.. хватит! хватит уже нас морочить!.. о, дорогу я знаю!.. Vesterbro… эта улица… gade… за Radhusplatz… однако мне кажется, началась тревога… хотя никаких сирен, вроде, не слышно… и на небе — ничего… ни звука моторов, ни прожекторов… и в окнах ничего не мигает… дома и шоссе тоже не разрушены… и большой универмаг «Иллэм» так же, как раньше, забит товаром… я даже замечаю там целые вереницы свадебных платьев… и спортивных костюмов… может быть, все это только на витринах?.. если этот тип нас не обманывает и везет

туда, куда я ему сказал, то мы уже близко… да!.. вот мы и на месте!.. Konges Ny Tow… королевский театр — справа в глубине площади… слабо светит луна, но этого не достаточно, чтобы насладиться зрелищем, как оно того заслуживает… по-настоящему красивые площади встречаются крайне редко, их можно пересчитать по пальцам… попробуйте-ка назвать одну, две… в Париже… или в Риме… ну а эту мы рассмотрим позже… потому что луна все же светит недостаточно ярко… в центре, я знаю — бронзовый король, верхом, кто-то из их «Кристианов»… в любом агентстве вам скажут, который… ну а мы уже у цели… отель Англетер!.. к нашим услугам сразу четверо носильщиков… да у них неплохой сервис, как я погляжу… к сожалению, нам нечего им доверить…

— Наш багаж скоро подвезут.

Обнадеживаю я их… у нас ведь уже давно нет никакого багажа… ну а теперь надо зарегистрироваться… портье протягивает мне бланк, кажется, он совсем не удивлен, что снова видит меня, во всяком случае, он ни о чем меня не спрашивает, не задает никаких вопросов… в свою очередь я тоже ничего ему не рассказываю… мы оба ведем себя так, будто ровным счетом ничего не происходит… молча смотрим друг на друга… я не

против! к чему ворошить прошлое!.. я знаю, что этот портье говорит по-французски, я ведь часто здесь останавливался… и наверняка он меня узнал, несмотря на то, что я выгляжу не лучшим образом… о, лично я ничего не имею против молчания!.. лакей провожает нас в нашу комнату, он идет впереди с ключом… огромная, великолепная, с двумя кроватями… я открываю окно… здесь еще и три окна… отсюда открывается прекрасный вид… на Neiham, на этот маленький порт, о котором я вам уже рассказывал, там еще устроен настоящий театр… большие стойки с игральными автоматами и кабаре для разных темных личностей понатыканы вдоль всего причала, вплоть до самого фарватера и здания таможни… почти как в Сен-Винсен в Гавре в былые времена[136]… такая же пестрая толпа из подвыпивших искателей приключений, дамочек, торговых и военных моряков, совершенно определенного вида туристов, педиков и прочих извращенцев… гулянья под звуки аккордеона с трех… до четырех часов утра… именно в это время здесь разворачиваются главные события… уверяю вас, я знаю, о чем говорю… знаю!.. еще бы!.. а вот того,

[136] Примечания: 136

Именно в квартале Сен-Винсен в Гавре разворачивается основное действие нереализованного балета Селина «Переполох в пучине океана».

как разбираются с теми, кто попался во время облавы, никаким туристам никогда не увидеть… а эту церемонию стоит хотя бы услышать… трах! шлеп! уааа! общий массаж… ооооу! а что за вопли! и так каждую ночь в течение всего сезона… по два-три автобуса… и хрясь! хрясь! таким образом их отрезвляют! вероятно, вы этого не знаете, так вот, я вам скажу, акустика в этой высокой и просторной тюрьме как в соборе… шлеп, уааа! оооо!.. не хватает только органов… следующий, черт побери!.. подвозят очередных клиентов!.. давайте их сюда!.. я-то два года отмотал в секторе К в Vesterfangsel, я вам не вру… начнем с того, дорогие сограждане, что правду вообще можно найти только в тюрьме, а все, что снаружи — это так, трепотня, салонные кривляния, потому что пока ты не в камере, тебе, в сущности, все дается даром, без особых усилий… чтобы богачи смогли узнать, что почем, понадобился Тампль[137]… в Москве, в Америке, в Карпентрасе — один хрен… за двадцать четыре часа в тюряге вы узнаете столько, чего в качестве туриста не увидите и за двадцать лет… когда вы оттуда выйдете, вы

[137] Примечания: 137

Тампль — здание в Париже, темница Людовика XVI, первоначально дом ордена Тамплиеров, с 1798 — государственная тюрьма. При Наполеоне III уничтожена, на этом месте разбит сквер.

будете знать абсолютно все… ну вот, опять я смешал все в кучу… никакой последовательности!.. мне ведь недавно стукнуло шестьдесят семь, моя кожа вся сморщилась от переживаний, и мне бы уже давно пора откинуться, я полностью для этого созрел… поаплодируйте!.. конечно, я знаю, что мое присутствие очень многим не нравится, и только ради этого стоило бы еще здесь задержаться, однако с меня довольно!.. время от времени у меня звонит телефон, какие-то любопытные…

— Это случайно не вы когда-то написали то… это… под именем Селина?

Я ничего не отвечаю, просто вешаю трубку… пусть ими занимается Ахилл, ведь у него есть его Плеяда, а Плеяда именно для этого и существует… куча «мощей», свалка исчезнувших авторов…

Из всех остались в живых только трое, и я вам уже их называл: «Маститый подлипало», «Бюст на ножках» и ваш покорный слуга, но лично мне ни с кем не хочется общаться… представляете, только трое живых изо всей «Плеяды»! все остальные умерли… самая компактная в мире камера для хранения трупов… в этом весь Ахилл… думаю, когда ему исполнится сто семь лет, он еще и не до такого додумается… таких «контрактов» назаключает…

Эх-ма! опять я за свое! о, на что это похоже!.. молодые несут чушь, старики пережевывают одно и то же… тут сам черт ногу сломит!.. мы находимся с вами в просторной комнате, с высокими потолками и тремя окнами, выходящими на террасу… ночь… я шепчу…

— Лили, послушай!

Она слушает… она согласна, что в этой комнате есть микрофоны… скорее всего, вмонтированные в стены… а у нас под Бебером, в его сумочке, кое-что припрятано… я вам об этом пока не говорил… кое-что совершенно безобидное, как вы понимаете, посторонним об этом знать не обязательно… и для кого, интересно, тут микрофоны? для фрицев?.. датчан?.. наверняка, для тех и других! да и для всех остальных тоже!.. трудно привыкнуть к тому, что тебя повсюду подстерегают ловушки… нужно привыкать… два года меня к этому приучали… и в результате, неплохо выдрессировали… само собой! и поделом!.. теперь по радио я часто слышу, как евреи зазывают в Тель-Авив своих отважных соплеменников… они собирают их повсюду: в Патагонии на Аляске, в Монтрей, в Кейптауне — еще бы, ведь всех их так ужасно преследовали, они все так утомились, героически возделывая целину в банках при помощи серпа

и молота… как они там, в Тель-Авиве, радеют о своих рассеянных по миру братьях! С какой помпой их там встречают: реки слез, охапки азалий, подношения натурой и деньгами, хоровое пение, поцелуи… черт! а вот у нас так не принято… «А, это ты, проклятый ублюдок!.. ну давай, приезжай поскорей, мы тебя добьем!»… причем все сливаются в едином порыве: родственники, друзья, судьи, палачи! черт бы их побрал!.. «надо же, ты решил вернуться! какая наглость! жаль, что боши тебя не прикончили! сволочь!..»… и даже те жалкие остатки мяса, которые еще болтаются на ваших костях, с вас и то сдерут… «Комитет истинных французов» для этого и существует… мне-то это известно… потому что страна Израиль — это настоящая родина, а моя — всего лишь большая помойка… как ветеран войны, искалеченный на 75 процентов из 100, имеющий боевые награды и все такое… я знаю это, как никто другой… кроме того, хотелось бы вам напомнить, что я еще и выдающийся стилист, писатель, которого напечатали в «Плеяде» вместе с Лафонтеном, Клеманом Маро, дю Белле и Рабле! вместе с Ронсаром!.. скажу больше, я почти не сомневаюсь, что по прошествии двух-трех веков меня будут изучать в школе…

«Да в вашей коллекции одни мертвецы!..» не совсем!.. трое пока еще живы!.. «Маститый подлипало», «Бюст на ножках»… и ваш покорный слуга, который, правда, уже едва держится на ногах… ну ладно! ладно! хватит зубоскалить и злоупотреблять вашим вниманием!.. вот «Маститый подлипало» не стал бы так шутить, да и «Бюст на ножках» тоже! в этом их сила… как-никак, Плеяда, сами понимаете!..

Как я уже сказал, мы находились в великолепной комнате с тремя окнами и двумя просторными кроватями… удивительная тишина… однако это еще не значит, что мы можем спать!.. ну уж нет!.. к черту усталость! я все время слышу как будто какой-то шорох, как будто кто-то скребется, что ли… да нет! вроде, ничего такого!.. надо бы выглянуть в окно… облака на небе слабо светятся… два или три прожектора… очень далеко… бороздят небо… два луча перекрещиваются… гаснут… и все… какое-то слабое подобие тревоги… никаких сирен… и самолетов, кажется, тоже нет… думаю, «комендантский час» здесь все-таки есть… их ведь оккупировали… но пока что все очень мирно… позже нам довелось увидеть тут немцев… пеших, на забитых до отказа грузовиках, на велосипедах, остатки армий, отступавших

из Лапонии, Тромсе, Нарвика, Бергена… отступление армий везде происходит одинаково, что на Ипре в 19 году, что в Мэзон-Лаффит в 40 году… оглушенное, истощенное и более ни на что не годное пушечное мясо… одежда изодрана в клочья, винтовки волочатся по земле… там, насколько я помню, были венгры в театральных высоких красных колпаках… и еще баварские охотники с охотничьими рожками и сворами породистых собак… по-моему, их всех собирались переформировывать где-то в лагере неподалеку от Любека… многие из них потерялись в дороге, превратились в бродяг и дезертиров… некоторых я потом встречал в тюрьме, главным образом, тех, кого подбирали в «залах ожидания»… «залы ожидания» — это прекрасное изобретение для терпящих поражение армий… если бы во времена Наполеона в Польше были залы ожидания, то он бы снова нашел там своих людей, и тогда уж точно взял бы Москву… а вы, я вижу, мне по-прежнему верны, все еще меня не бросили… вот и рассвет… сначала я надеялся, что мы отдохнем в Цорнхофе… но вы же сами видели, как там все сложилось… в Ростоке было не лучше, а потом и в Ульме… тогда я еще думал, что мы имеем право немного отдохнуть… теперь-то, разумеется,

я так не считаю и уже больше ничего не жду… не сомневаюсь, что и в Берлине, и в Ульме, и во Франкфурте, так же, как и здесь, нас разделают на мясо в первую очередь… одни этого не сделают… так другие… а возьмите мое убежище в Медоне, даже тут меня постоянно достают… пишут петиции, расклеивают листовки… а я ведь, обратите внимание, родился всего в двух шагах отсюда, на Рамп дю Пон, 13, в Курбвуа… «но теперь-то наконец все утряслось!»… наверняка, думаете вы…

— О, это далеко не так!..

— А чего же вы хотите?

— Чтобы китайцы пришли в Брест!

Ладно!.. я уже стар и вправе нести всякий бред… но я не имею права вас оставлять… мы же находились в Дании и восторгались… их невероятной изворотливостью и величайшими непревзойденными подвигами местного Сопротивления, которые уже успели отснять на пленку и озвучить… во время этой дьявольской «оккупации»… правда пока я тут ничего не заметил… никаких разъяренных тевтонских орд… но позже я много об этом слышал… об убийствах, кражах, насилии… мне даже посчастливилось ознакомиться сразу с двумя версиями: официальной и тюремной… сценической и закулисной… впрочем, и

та, и другая были в высшей степени занимательными и лихо закрученными… а тевтонские орды?.. их король Кристиан X имел к ним самое непосредственное отношение, он ведь говорил исключительно по-немецки, и вообще был чистокровным немцем, самым что ни на есть настоящим: Glucksburg, Hesse, Holstein… не говоря уж о его dronnin!.. поэтому, проведя немало времени у него в Бастилии, я так часто и задавался вопросом: а не по приказу ли Гиммлера я туда попал?.. вы, наверное, скажете: какая чушь!.. думайте как хотите… однако в истории случаются и худшие вещи, гораздо худшие… уверяю вас, скоро мы все увидим кое-что покруче… китайцев в Бресте и белых в тележках, но уже не на сиденьях! их самих запрягут!.. пора уже обитателям этой Галлии и Европы, а заодно и жидкам, изменить цвет своей кожи, хватит уже выпендриваться!.. достали уже всех своей христианемической голубой кровью!

Опять я увлекся и забыл про вас… вовсе нет!.. вас я не брошу… уже почти рассвело… «тук! тук! войдите!..» лакей… принес завтрак… он уже в курсе, что мы собираемся выходить… о, во всяком случае, я ничего не заказывал!.. завтрак очень сытный, целый поднос в английском духе: ов-

сянка, тосты, ветчина, чай… кофе!.. я же говорил, что нас решили побаловать… к счастью, мы всю ночь молчали… наверняка ведь они подслушивали… само собой… и плюс еще целых три связки талонов буквально на все… хлеб, масло, мясо… датские талоны… brod… smor… этот лакей говорит по-французски…

— А рыба тут есть в свободной продаже, копченый лосось… кофе тоже… и одежда… сами увидите, когда пойдете гулять… вам же знакомы эти места, не так ли?

О, да, конечно, знакомы!.. *Товары с Севера*… Illum… Vesterbrogade… ну а если я чего и не знал, то очень скоро меня просветили… мы уже хотели идти… но секунду!.. я говорю Лили: возьми сумочку… надеюсь, мне удастся передвигаться с помощью моих костылей!.. необходимо собраться с мыслями… и прежде всего, неплохо бы узнать «новости»… здесь внизу есть и газеты, и банк, и портье, и справочное бюро… в общем, как я уже сказал, все совсем как в мирное время… однако на душе у меня все равно было неспокойно… нас тут не ждали, и мы чувствовали себя не в своей тарелке… тут, как и там, у бошей, мы тоже были абсолютно чужими с сомнительной репутацией людьми, хотя, признаться, там все вообще висело

на волоске… здесь же мы, как бы случайно, оказались на сцене театра… а роли нам дать забыли… к тому же, скоро здесь все должно исчезнуть, обрушиться: декорации, улицы, отель — и мы тогда могли и вовсе оказаться под обломками… в общем, вы понимаете… когда не спишь, то совсем теряешь ориентацию во времени… еще едва рассвело… а вот газеты здесь только на немецком и на датском… к датскому просто нужно привыкнуть… ведь у них nicht трансформировалось в ikke… но стоит это понять, как все сразу же встает на свои места… в общем, это нечто вроде диалекта… коммюнике Wermacht'a… тут были точно такие же… ладно… пускай… этот портье давно меня знает, и, само собой, ему все уже известно, в том числе и то, каким ветром нас сюда занесло…

— Доктор, взгляните-ка туда… вы его видите?

Забавно в такую рань увидеть здесь какого-то шведского офицера… да еще в хаки…

— Он только что прибыл из Берлина…

Мужчина лет сорока… причем совсем не потрепанный, не запыленный, а наоборот, отутюженный и хорошо выбритый!..

— Граф Бернадотт! Красный Крест!.. он возвращается из Потсдама, где встречался с Гитле-

ром[138]!..

Я его об этом не спрашивал!.. я вообще ни о чем его не спрашивал… нам-то какое до этого дело?.. ну, возвращается он в Швецию? наши детишки уже, наверное, там… добрались раньше него!.. а нам лучше подумать о себе!.. не терять время попусту! конечно, мы не спали, но ведь так продолжается уже с самого Монмартра, так что пора бы и привыкнуть… впрочем, это не особенно мешает… ну разве что в критических ситуациях… но пока, кажется, все спокойно, все еще спят, кроме портье и этого Бернадотта… судя по этому просторному холлу… и банк еще закрыт… у них что, никогда не было «тревог»?.. да нет, пару раз были!.. кажется, даже где-то упала одна бомба… они же «оккупированы»… и у них даже есть свои «сопротивленцы»… позже я получил на этот счет исчерпывающую информацию и понял, что викинги весьма воинственны, особенно в обращении с заключенными в тюрьмах… а между тем консьерж у дверей ждет, что я ему еще что-нибудь скажу, но я молчу… тем време-

---

[138] Примечания: 138

Граф Бернадотт — вице-президент шведского Красного Креста, который выполнял роль посредника между немецкими и союзными войсками. В частности, с февраля 1945 года он вел переговоры по поводу депортированных лиц и вполне мог оказаться в Копенгагене в марте 1945-го, когда туда прибыл Селин.

нем уже совсем рассвело… на правой стороне площади находится театр… а напротив него, совсем рядом с нами — посольство Франции… немцев туда не пустили… ах, если бы оно так и оставалось опечатанным, запертым!.. но ведь скоро наступит мир, и в посольство вернутся французы… может, датчане, конечно, и полное дерьмо, но никогда бы они не стали вести себя с нами так подло, как те, кто приехал из Франции… и уже тогда, ранним утром, стоя перед отелем, я заранее предчувствовал все, что произойдет в дальнейшем, все грядущие забавы… не волнуйтесь, вам будет, над чем посмеяться… возможно, вы как-нибудь соберетесь в Данию в качестве туристов… там есть, на что посмотреть… тогда вам все это пригодится… Kongers Nytorv, Королевская площадь… Кристиан I V… конная статуя… вокруг ходит трамвай с очень длинными желтыми вагонами… как в Брюсселе… я предлагаю Лили: давай прогуляемся!.. однако местные достопримечательности меня интересуют меньше всего! я ведь вам об этом еще не говорил!.. о нашем маленьком тайничке не знали ни Харрас, ни Ретиф, ни Ля Вига… а в нашей сумочке были спрятаны кое-какие предметы и бумаги… о, наверняка многие об этом подозревали!.. я думаю, что мы ушли

как раз вовремя, так как, сами понимаете, я не собирался ничего доставать в этой роскошной комнате, где, не сомневаюсь, повсюду были глазки, наблюдатели и микрофоны… мне хотелось найти какое-нибудь уединенное местечко… пожалуй, я знал одно такое… можно было поехать в Хеллеруп… это один из самых пустынных садов, в котором вообще редко кого-нибудь можно встретить… в высшей степени очаровательный сад, расположенный между небольшим портом и трамвайной остановкой, где полно всяких замечательных цветов и деревьев, каких я никогда и нигде больше не видел… просто почему-то этот сад особенно никого не привлекает, вот и все… а тот маленький порт с яхтами очень легко найти, он находится у конечной остановки трамвая… я размышлял об этом, стоя на тротуаре перед отелем Англетер… а вот Лили предпочла бы сначала заглянуть в «Гренландию», магазин неподалеку… она заметила там в витрине украшенные разноцветными вышивками наряды из тюленей кожи, да еще и с высокими сапогами, настоящее чудо… кстати, таких теперь уже не осталось… это были последние… потом гренландцы стали одеваться, как и все… что-то среднее между чиновниками и водопроводчиками…

Однако я показываю Лили на часы, дабы она могла убедиться в том, что еще нет и семи часов… наверняка «Гренландия» еще закрыта… а граф Бернадотт так с места и не сдвинулся… стоит себе на тротуаре, не глядя на нас… уставился куда-то прямо перед собой… да никуда он не смотрит… трамвая уж точно не ждет… может быть, машину?.. а вот!.. динь!.. динь!.. номер 11… как я вам и сказал, желтый… и прямо в Хеллеруп, специально для нас!.. думаю, это первый трамвай… «поехали, Лили!..»… надо сказать, я залезаю с большим трудом… ну наконец-то!.. Лили и Бебер в своей сумочке… да, забыл вам сказать, что, когда мы прибыли в Данию, у меня еще оставались бошские деньги, примерно двести марок… портье меня сразу предупредил:

— Поменяйте все это! и никому об этом не говорите! иначе сразу же отправитесь в тюрьму!..

Обмен этих «роковых денег» мы потом проворачивали еще раз двадцать… обычное мошенничество… он тут же мне все сам быстренько и обменял на датские кроны… этого хватит, чтобы заплатить за трамвай и даже, думаю, за отель… к счастью, у меня было еще кое-что… заодно он поинтересовался, а нет ли у меня оружия… а счет в банке?.. ведь задавать вопросы — это его работа…

впрочем, он и так уже знал достаточно…

В трамвае было совсем немного народу… всего несколько мирно сидящих пар… «два билета до Хеллерупа», два по-датски — это to, а не two!.. три, tre!.. а не three!.. и не drei!.. люди, сидя, раскачиваются туда-сюда, как и мы… вкривь!.. вкось!.. рельсы здесь паршивые, но все же лучше, чем в Гамбурге!.. и чем в Брюсселе, уверяю вас!.. а уж о тех, что сейчас в Берлине, я вообще не говорю! хи! хи! и о тех, что на улице 4 Сентября[139]!.. могу себе их представить!.. и в Лиля[140]! всю Европу придется ремонтировать!.. меня так и подмывает рассмеяться! хи! хи!.. но я сдерживаюсь… стараюсь этого не делать! вот сейчас я прысну!.. сейчас!.. я даже закрываю себе рот рукой… ладно! ладно!.. до Хеллерупа продержусь… смейся, не смейся! это ничего не меняет!.. наша колымага вся скрипит… и динь! динь! сейчас приедем!.. да, я помню… прекрасно помню… на тротуар! выходим!.. теперь придется немного пройтись… почти до леса… точнее, это высокий колючий кустарник, настоящие заросли… там, насколько я знаю, никогда никого нет… а я бывал здесь

---

[139] Примечания: 139
Улица в центре Парижа.

[140] Примечания: 140
Ближайший пригород Парижа.

довольно часто… нет! я ошибся… это не здесь… должно быть, это дальше… нам, видимо, надо пройти дальше по дороге…

— Лили, я больше не могу… ты тоже, наверное, на пределе… присядем на минуточку!

Мы садимся прямо там, но не то, чтобы в траву, а скорее, на кучу колючек и ветвей… как они колются!.. даже одежду рвут!.. это становится невыносимым, мы встаем и идем дальше… о, да моя память восстанавливается! я узнаю!.. узнаю!.. «сюда, Лили!.. сюда» теперь я все вспомнил… вот эта дорожка из песка почти розового цвета… я был здесь очень давно, еще задолго до войны… да!.. да! мы пришли!.. я нашел… скамья!.. а с другой стороны дороги, чуть ниже — развалины… у них даже есть название: Цитадель… точнее, то, что он нее осталось… разрушенная, раздолбанная Цитадель… это произошло во время войны?.. вот только, интересно, какой?.. там имеются даже подземные отсеки… решетки, цепи… все железо сильно проржавело… можно сказать, превратилось в кружево… и все это расположено у самого моря… уж это-то я помню… плеск, шорох волн… крики чаек… можно и отдохнуть… вокруг ни души… я приметил это место еще до войны… на этой дороге никогда никого не было, но ее все

равно поддерживали в порядке… розовый песок… ну вот, думаете вы, наконец-то мы почувствовали себя в безопасности!.. отнюдь!.. я по-прежнему ощущал какое-то беспокойство!.. но, боюсь, все же недостаточное! надо было бы мне еще раз все хорошенько обдумать! ведь я точно знал, что над нами что-то нависло… и скоро обрушится! теперь-то я понимаю… уже и жизнь моя подходит к концу… а чем я занимаюсь? мараю бумагу для Ахилла… я могу сколько угодно его оскорблять — плевать он хотел на все эти прозвища! у него скоро будет два миллиарда! ведь это я на него пашу, а запряг-то меня он! вот уже скоро сто лет, как он ни хера не делает… завтра меня здесь не будет, правда, он тоже не вечный… конечно, некоторые путешествуют вокруг света в стратосфере, но можно и на галере… все зависит от того, какое место вы занимаете: на веслах или на полуюте… вот я родился на Рамп дю Пон в Курбвуа, именно оттуда, видимо, каторжников и набирают… ну да ладно! ладно! труба зовет!.. мне нужно вам все рассказать!.. отвлекаться нельзя… как я уже сказал, мы отдыхали у Цитадели, точнее, у ее руин… на аллее никого не было… наконец-то я мог разложить свои вещи… уже несколько месяцев мы с Лили только об этом и

думали… но, как вы могли заметить, никогда об этом не говорили… все-таки это было чрезвычайно важно!.. а нас ведь, подумать только, вполне могли обыскать, особенно в Цорнхофе!.. мы же у всех вызывали подозрения! да и там тоже, на этой границе во Фленсбурге… тогда бы точно нашли… о, не взрывчатые вещества, конечно!.. а только наши подлинные паспорта, свидетельство о браке и четыре ампулы с цианидом… сами видите, ничего особенного… в этом цианиде я был уверен, отсыреть он не мог, как тот, что был у Лаваля[141]… настоящий цианистый калий, сухой и разящий наповал… я получил его от… от… нет, я больше не хочу никого компрометировать, хотя уже и прошло столько времени… настанет день, и какой-нибудь коммунистический историк — скорее всего, цветной — напишет книгу: «мученик коллаборационизма»… лет этак через сто… придет мой час… мои записки будут изучать в школе перед экзаменом на аттестат зрелости… а вот вам представляется уникальная возможность… вы же так цените любые проявления благородства, а благодаря мне вы можете соприкоснуться с таким проявлением, тогда как остальные узнают о

[141] Примечания: 141

Незадолго до своей казни 15 октября 1945 года, Пьер Лаваль предпринял неудачную попытку отравиться цианидом.

нем только через сто лет… уверен, вы сможете это оценить, так как «теория относительности» у нас у всех теперь в крови!.. мы пришли туда очень рано, и нас никто не беспокоил… Лили было прекрасно известно, чего я хочу… посмотреть, лежит ли по-прежнему в сумочке Бебера все, что я туда положил еще в Безоне: цианид, наши паспорта и свидетельство о браке… даже если вы уже всего лишились, свидетельство о браке может еще очень вам пригодиться… тогда правда я еще не думал, что нас будут преследовать буквально все, однако воображение у меня всегда было развито хорошо… ведь когда на вас «поставят крест», и вы, если так можно выразиться, оказываетесь в полной заднице, превращаетесь в покрытого язвами прокаженного отщепенца! тогда нужно готовиться к трем вещам: вас обвинят в том, что у вас фальшивое имя, фальшивый паспорт, и вообще все фальшивое… а вот мы свои паспорта сохранили, так что пусть себе вопят, сколько угодно!.. конечно, я мог бы обзавестись и фальшивым… но в данном случае это было не так!.. естественно, физиономия у меня выглядит не лучшим образом, но мне же припаяли 75 статью! хотя были «военные преступники» и похлеще… целые списки — в Вашингтоне и Лондоне…

Chief Justice[142]... о, за те два года, что я сидел в тюряге, они тут все перерыли, все искали, куда я сбежал... опаснейший «военный преступник»... закамуфлированный под Селина... два года они продержали меня в камере, пытаясь пришить мне дело, и попутно сделали все, чтобы превратить меня в убогое существо, жалкое отребье, и выбросить на свалку... даже сейчас, когда я вам про это рассказываю, я все еще не пришел в себя... и должен признаться, что меня по-прежнему преследует этот запах... однако эта псовая охота таит в себе еще одну опасность: никто не желает признавать, что вы женаты... именно так обычно все и происходит, я ничего не выдумываю!.. не сомневаюсь, что, когда коммунисты, славяне, желтые, черные, да хоть те же балубы, возьмут штурвал в свои руки, прежде всего они начнут проверять, состоите ли вы в законном браке, как это принято у всех... разные там фантастические свинские выверты и сожительства не в счет... и тогда уж не ждите пощады: кого — к стенке... кого — в бордель... я знаю, что сразу же следуют за арестом... и тогда, когда меня арестовали, я в этом не сомневался!.. если у вас нет свидетельства о

---

[142] Примечания: 142
Верховный Суд (*англ.*)

браке… вас разлучат, и больше вы уже никогда не увидитесь!..

И хотя, вроде бы, наши отношения были вполне законными, один бог знает, что нам пришлось перетерпеть!.. в течение двух лет, минута за минутой… совершенно измученный, в полной темноте… я напряженно вслушивался… откуда доносятся эти вопли?.. из 14-й камеры… или из той, что напротив?.. с другой стороны?.. конечно, некоторым пришлось гораздо хуже, я признаю, это правда… возьмите хотя бы того же Эйхмана, такого же еретика-еврея, как Закс или Рифеншталь[143]… до чего их довела извращенная тяга к мазохизму!

Напомните-ка мне, где мы с вами находимся… должен же я вас найти!.. все там же, где я вам

---

[143] Примечания: 143

Морис Закс (1906–1945) — писатель, личность, известная в богемных кругах Парижа. Автор автобиографических книг «Шаббат» и «Псовая охота». В первые годы войны занимался спекуляцией на черном рынке, потом, несмотря на то, что бы евреем по материнской линии, стал сотрудничать с Гестапо. Но вскоре немцы его в чем-то заподозрили и заключили в тюрьму в Гамбурге. Вероятно, погиб в апреле 1945 года во время переезда из одной тюрьмы в другую. Лени Рифеншталь (1902 г.р.) — знаменитая немецкая актриса и кинорежиссер, прославившаяся благодаря фильмам «Триумф воли» (1935) и «Олимпия» (1936) (об Олимпийских играх 1936 года в Берлине). Фильмы получили одобрение Гитлера, однако в 1939 году Рифентшаль была подвергнута критике Геббельсом, который выявил ее еврейские корни. В конце войны была арестована французами, потом американцами, и оба раза ее отпускали.

и говорил, на скамейке, а вокруг ни души, даже вдалеке… Лили прекрасно понимает, что я хочу посмотреть… она ставит нашу сумочку на скамейку… Бебер вылезает, потягивается… я его знаю, он не убежит… будет гулять неподалеку, в траве… мне известно, где искать наши сокровища: под подкладкой… я спрятал их туда еще в Париже… и много раз собирался проверить… в Зигмарингене об этом догадывались… ну вот, готово! подкладка!.. вытаскиваю… смотрю… все на месте… ничего не потерялось… наши два паспорта, свидетельство о браке… флакон с цианидом… и еще пистолет, дамский маузер… остальное находится в банке, во всяком случае, должно быть там… я вам уже говорил: Landsman Bank, Peter Bang Wej… но в банк сходим чуть позже… после того, как немного отдохнем! пока разберемся с этим!.. нужно опять пришпилить подкладку булавкой… и снова усадить Бебера на свое место… он сразу все понимает, запрыгивает, и с мурлыканьем устраивается… этот котяра не так прост, он понимает, в каких условиях мы оказались, и наверняка, если бы мог говорить, рассказал бы нам много интересного, в том числе и о том, что скоро случится… животные молчат, но все понимают… я спрашиваю у Лили: «ну как, все в порядке?»…

она не вполне уверена… ладно!.. будь что будет!.. мы сюда еще вернемся! как-нибудь проверим все еще разок… на этой аллее, действительно, спокойно… смотри-ка!.. у Лили зрение лучше, чем у меня… да нет, ничего… просто какая-то птица в траве… и птица не совсем обычная… не иначе как из коллекции Ботанического Сада… размером с утку, но наполовину розовая, наполовину черная… и какая взъерошенная! буквально все перья торчком… я вглядываюсь вдаль… там еще одна! а эта мне знакома!.. я первый ее заметил!.. ибис… забавная птичка… с хохолком!.. такие птицы в Дании не водятся!.. а вот и павлин… да они тут неспроста собрались!.. еще и лирохвостка… наверное, хотят есть… здесь, судя по всему, не просто раздобыть пропитание… сплошные развалины, колючки, камни… там еще одна!.. на сей раз — тукан… все они почти в трех… четырех метрах от нас… если бы мы могли хоть что-нибудь им дать, мы бы подружились, но у нас совершенно ничего нет, абсолютно ничего… я говорю Лили: «хорошенько закрой сумку, чтобы он не высунул голову!»… я имею в виду Бебера… теперь мы находились в окружении птиц, и если бы сюда вдруг кто-нибудь пришел, то мог бы и не понять, чем это мы тут, собственно, занимаемся,

а не заманиваем ли мы случайно… не хотим ли заманить этих птиц…

— Пошли отсюда!

Кажется, нас всюду подстерегают опасности… уверен, эти птицы вырвались из вольеров… вероятно, они, как и мы, прибыли сюда из Германии, из разрушенных зоосадов… я хватаю свои костыли!.. одно усилие — и я на ногах!.. теперь — на трамвай!.. ну вы же знаете, я вам уже говорил, на конечную остановку… мы же оттуда пришли… сейчас найдем…

* * *

Ну все, скажу прямо, с меня довольно… 791 страница… уф!.. но довольно ли?.. достаточно ли?.. подумать только! я ведь сам за это взялся… и теперь должен закончить… о, не могу сказать, чтобы я очень к этому стремился!.. однако Ахилл не для того раскошеливался на авансы, чтобы я задавал себе подобные вопросы… я ведь не педрила, не кокаинист, не уголовник — у меня нет никаких оправданий… это министрам прощаются все долги… или же членам какой-нибудь Академии… а я, сами понимаете, могу сколько угодно повторять, что «Путешествие» — это настоящее событие, и все, что было написано после

— всего лишь «неуклюжее подражание, жалкая галиматья»… меня и слушать никто не станет!..

— Э, да вашего «Путешествия» никто и не читал!.. наглый маразматик!

Мне нечего возразить!.. молодежь сейчас пошла тупая… что я могу с этим поделать?.. у них же есть кино! у этих беззаботных молодых идиотов!.. ни один режиссер не умеет читать… в этом-то все и дело!.. кино вселяет уверенность и отучает думать… о как это здорово! браво!.. однако вам тоже удалось состряпать аж 791 страницу! значит, наверняка дело идет на лад! только вот хроника получается не особенно забавная… но, может быть, мне еще удастся позабавить вас тем, что осталось?.. как вы уже могли заметить, трагические коллизии меня не привлекают, скорее, наоборот!.. я их всячески избегаю… избегаю… но стоп! все-таки в тех условиях нам было очень сложно сделать так, чтобы нас не сцапали… останься мы на улице Жирардон, наша участь была бы предрешена… цивилизованное линчевание, Зубоврачебный Институт или «Вилла Саид» [144]… пахать на Ахилла тяжело, я согласен, особенно в моем возрасте, но это — ничто

[144] Примечания: 144

Зубоврачебный Институт и Вилла Саид были в Париже в 1944 году местами, где располагались подпольная тюрьма и трибунал.

в сравнении с тем, что нас ожидало… сначала бы с нас живьем содрали шкуру… намазали бы салом, поперчили, нашпиговали луком, насадили на вертел — и на огонь… уверяю вас, так бы все и было… черт бы их всех побрал!.. все они одинаковы, как с той, так и с другой стороны! Кусто — точно такая же скотина, стукач и злобная сволочь, как и Сартр… и это не просто слова, так как я сам видел уже подготовленную дыбу, а рядом — заботливо подобранные клинья и начищенные сапоги всех этих Петьо, представлявших противоборствующие стороны… и где же это? можете вы меня спросить… но я слов на ветер не бросаю, могу и адресок подсказать… там еще постоянно дежурили ЛФД[145]… вам знакомо здание бывшего «Интуриста» на углу Комартэн-Обер?.. так вот, все происходило именно там, в очень просторном и глубоком подвале, почти как у Пиранези[146], словами не передать!.. однако можете не сомневаться, у них там все было от-

---

[145] Примечания: 145

ЛФД — Легион Французских Добровольцев.

[146] Примечания: 146

Джованни Батиста Пиранези (1720–1778) — итальянский гравер и архитектор. Создавал «архитектурные фантазии», поражающие сверхчеловеческой грандиозностью пространственных решений, остродраматическими свето-теневыми контрастами (циклы «Фантазии на тему темниц»).

лажено… и повторяю вам: это место находится напротив «Хаммама»… теперь вы видите, что я совершенно беспристрастен, как и положено настоящему историку… а садистов хватало и у тех, и у других… настоящий ригодон! трамтарарам, все берутся за руки и пляшут!.. мозги сгодятся для фрикассе из кролика в белом вине, рабы — на корм упитанным муренам, христиан — ягуарам, а коллабос — на Виллу Саид… ну а завтра вы и сами сможете поучаствовать в чем-то подобном!.. на всех перекрестках задымятся котелки… для кого? для кого?.. да для вас, черт побери! котелки постепенно закипают, а вокруг уже ревет возбужденная толпа… но больше всего меня во всей этой истории смущает способность людей держать нос по ветру, когда я об этом думаю, меня так всего и передергивает… если бы, к примеру, чаша весов склонилась в сторону Гитлера, ну хотя бы самую малость, вы бы сейчас сами увидели, как все превратились бы в его сторонников… начали бы соревноваться, кто повесил больше евреев, кто самый преданный нацист… кто первым выпустит кишки Черчиллю, вырвет из груди сердце Рузвельта, поклянется в любви Герингу… стоит ситуации резко измениться в ту или другую сторону, как все сразу же, отталкивая друг друга,

кидаются лизать зад победителям… о, с каким рвением сейчас бы все поддерживали Адольфа, уверяю вас, так тоже могло бы быть!..

Однако согласитесь, что, написав 796 страниц, я заслужил право на небольшую передышку… о, я не собираюсь зачитывать вам послания!.. послания — это больше по части рафинированных философов, привыкших блуждать среди губительных флюидов аббатств и салонов… однажды окунувшись в эту затхлую атмосферу полунамеков, двусмысленностей, комплексов, вам уже оттуда никогда не выбраться… тук! тук! кто-то стучит… уа! ррр! мяу! тью!.. тью!.. я изображаю вам свою свору… а на деревьях — птицы… и дрррринг! в дверь!.. у меня еще и кот Флют… отважнейший господин!..

— Входите!.. входите!..

— Ах, здравствуйте!

Это Дюкорно! ну, он-то человек серьезный… просто так приходить не станет… мы с ним прекрасно понимаем друг друга… ага, у него еще какие-то вопросы… ясненько!.. просто кое-какие мелочи… одна запятая… корректоры всегда меня пугали своим непоколебимым «здравым смыслом»… а непоколебимый «здравый смысл» означает смерть ритма!.. а это, уверяю вас, все

равно, что трахать малопривлекательную женщину… Дюкорно явился ко мне по поручению НРФ… так что, сами понимаете, какие мельчайшие детали и опечатки его волнуют… а бумагу им вообще доставляют с другого конца света, от мадам Боллоре[147]… потом исправить уже никто ничего не сможет — это строжайше запрещено!.. подумать только!.. «Путешествие» и «Смерть в кредит»… выходят уже в конце года, и под его руководством… уясните это себе!.. ну, раз уж он здесь, мы можем с ним кое-что обсудить… кстати, Бальзак!.. если бы Бальзак приехал сюда, в Медон… он бы наверняка остановился в Бельвю у графа Аппоный, который тогда был австрийским послом… Дюкорно — настоящий знаток Бальзака, а не какой-нибудь там дилетант!.. нет!.. он очень серьезный человек!.. он потратил много сил на поиски следов Бальзака и графа Аппоный… однако все его поиски были тщетны!.. в мэрии… в кадастре… у нотариуса… ничего!.. если кому-нибудь из моих читателей по этому поводу что-либо известно, напишите мне, я был бы вам очень признателен… все-таки, мы здесь живем…

---

[147] Примечания: 147

Все тома библиотеки Плеяды напечатаны на бумаге, производящейся на бумажных заводах Боллоре, расположенных в Финистере, в Бретани. Эта же бумага обычно используется для изданий Библии.

«а как вы?» — спрашивает меня Дюкорно… «как ваши дела?»

Мой дорогой Дюкорно, «Плеяда» с ее 4 процентами авторских вряд ли способна привести меня в приятное расположение духа! уверен, что тот, кто платит 4 процента, плюет на муз… впрочем, авторам «Плеяды» это безразлично, так как они все уже умерли… кроме двух… трех… что пока остались… «Маститый Подлипало»… «Бюст на ножках» [148]… да я все еще продолжают сотрясать воздух… «Маститый Подлипало» богат… «Бюст на ножках» ни в чем не нуждается, у нее денег куры не клюют, эту пронырливую стерву обожают во всех Академиях…

— Да, ваш случай действительно тяжелый… полуживой плеядник, которого сегодня если кто и помнит, то только в качестве отъявленного преступника…

Дюкорно говорил правду… я могу сколько угодно ворчать по поводу этих четырех процентов, называть затею с «Плеядой» бесстыдной сутенерской проделкой, все равно меня и слушать никто не станет, пошлют куда подальше, и вообще, выгонят с этого «кладбища»…

---

[148] Примечания: 148
Селин имеет в виду Луи Арагона и Эльзу Триоле.

Дюкорно со мной совершенно согласен.

Даже мои отец и мать не сумели удержаться на Пер-Лашез: их имена там стерли…

— Однако, мой дорогой специалист по Бальзаку, все это скоро кончится!..

— Почему?

— Почему? да потому!.. я знаю! китайцы, настоящие безжалостные китайцы, которые скоро нас оккупируют, уже разбили свой лагерь в Силезии… в Бреслау и его окрестностях… построили там шахты и домны… но придут еще и другие! они нахлынут сюда из глубины степей… целыми ордами!.. киргизы, молдо-финны, хохло-балты, тевтоны… вы скоро увидите их в Пантэне, у хорошо вам знакомых ворот, в окружении восторженных толп встречающих! обезумевших от дешевого пойла, радости и свободы!

— Браво! браво! и когда вы ожидаете здесь желтых?..

— Скоро… годика так через два-три.

— Нашествие коммунистов?

— Само собой! но не в этом дело!.. куда важнее кровь!.. только кровь и имеет значение! у них у всех «доминирующая» кровь… не забывайте об этом!..

Я напоминаю, что пока в Византии пытались

определить пол ангелов, турки уже лезли на стены их укреплений… окрестности уже полыхали… совсем как теперь у нас в Алжире… однако наших Великих Экспедиторов пол ангелов не интересует!.. и желтая чума — тоже! их интересует только еда… желательно повкуснее!.. и разнообразие вин… о, что у них за карты вин! что за меню! разве они не управляют самым прожорливым народом в мире? народом, который больше всех любит выпить?.. пусть эти китайцы попробуют сюда явиться, пусть только сунутся… все равно дальше нашего Коньяка им не пройти! пресловутая желтая угроза навсегда застрянет в тамошних подвалах: все просто напьются и будут счастливы! впрочем, до Коньяка еще тоже надо добраться… эти миллиарды и миллиарды смогут удовлетворить все свои потребности в не менее известных вам местах… в Реймсе… или в Эперне[149]… там такие шипучие бездны, что им оттуда никогда не выбраться…

---

[149] Примечания: 149
В этих французских провинциях производят шампанское.